

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 2/2001

ISSN 0131-2812

Визит В.В. Путина
в Республику Корея и Вьетнам

●
Неурегулированные вопросы
между Токио и Пекином

●
Новое в финансировании
системы образования в КНР

●
Армия Сунь Ятсена
и советские советники

●
Загадки философии Ян Чжу

1001 экз.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

2/2001

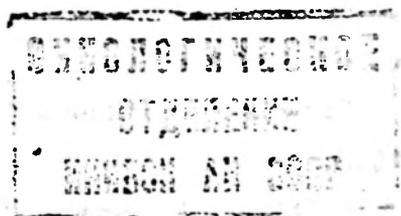
Март - Апрель

Учредители: Российская академия наук,
Институт Дальнего Востока РАН

Научный и общественно-политический
журнал, выходит шесть раз в год на
русском и английском языках

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Российско-корейское совместное заявление.....6
Декларация о стратегическом партнерстве между Российской
Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам.....10

ПОЛИТИКА

- Г.Толорая. Россия-Республика Корея: после саммита в Сеуле.....14
Р.Савельев. Внешняя политика нового руководства России и рос-
сийско-корейские отношения.....20
В.Петровский. Россия и безопасность в Евразии (Региональные
режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже XXI в.).....25
А.Семин. Что мешает достижению согласия между Токио и
Пекином.....37
Н.Анисимцев. Преступность в современной Японии.....47

ЭКОНОМИКА

- П.Мозиас. Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зару-
бежной экономической науки (окончание).....61
Я.Бергер. Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы
(окончание).....76
В.Данилов. Торгово-экономическое сотрудничество России со
странами АСЕАН.....92

ОБРАЗОВАНИЕ

Н.Боревская. Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР.....108

ИСТОРИЯ

А.Юркевич. Военные школы армии Сунь Ятсена и советские советники.....122

РУССКИЕ В КИТАЕ

А.Хисамутдинов. Иннокентий Серышев - востоковед и эсперантист.....135

ФИЛОСОФИЯ

А.Лукьянов. Ян Чжу как философ: между даосизмом и конфуцианством.....139

КУЛЬТУРА

А.Желоховцев. Новые темы в современной китайской литературе.....152

В.Кузнецов. Змея не только в названии года.....161

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2000 году.....169

РЕЦЕНЗИИ

В.Карлусов. Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях.....171

К.Кокарев. Перспективы Китая (Чжунго цзоусян).....179

С.Лузянин. Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии.....184

А.Юркевич. Переломов Л.С. Конфуций. Луньюй. Исследования, перевод с китайского, комментарии.....187

Главный редактор А.М. Григорьев

Редакционная коллегия

Р.М. Асланов, В.Н. Барышников (зам. главного редактора), Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болято, О.Н. Борох, Ю.М. Гарушянц, В.И. Глунин, Л.М. Гудошников, В.Л. Ларин, А.В. Ломанов, А.Е. Лукьянов, П.А. Минакир, В.В. Михеев, С.Н. Морозов (первый зам. главного редактора), В.С. Мясников, В.Н. Павлятенко, А.Н. Панов, Л.С. Переломов, И.А. Рогачев, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.П. Ткаченко

Статьи этого номера

Г. Толорая. Россия - Республика Корея: после саммита в Сеуле

В статье дается оценка визита Президента РФ В.В.Путина в Сеул. Визит расценивается как важная веха в отношениях двух стран, продолжение нового этапа активной политики РФ на Корейском полуострове, где Россия одобряет стремление РК и КНДР к развитию диалога, выступает в поддержку процесса создания мирного единого корейского государства, дружественного России и другим странам.

Визит В.В.Путина в РК показал, что в этой стране крепнет тенденция к более самостоятельной политике в региональных проблемах.

По мнению автора, в области экономического сотрудничества достигнуто не меньше, чем в политической сфере. Россия и РК обсуждают важные проекты, в том числе требующие участия КНДР: соединение внутрикореяской железной дороги с Транссибом, прокладка трубопроводов для газа из Сибири в РК, развитие Находкинского индустриального комплекса и др.

Р. Савельев. Внешняя политика нового руководства России и российско-корейские отношения

Рассматриваются отношения России с КНДР и с Республикой Корея в контексте обновленной концепции внешней политики РФ, итогов визитов президента В.В.Путина в КНДР в июле 2000 г. и в РК феврале 2001 г. Целью российской политики, подчеркивается в статье, является вывод Корейского полуострова из разряда нестабильных, взрывоопасных районов мира, поэтому руководство РФ стремится поддерживать равноправные отношения с обеими Кореями.

Останавливаясь более подробно на проблемах и перспективах политическо-го и экономического сотрудничества РФ и РК, автор высказывает мнение о неоднозначности подходов руководства РК к ряду инициатив России, связанной в первую очередь с тем, что президенту Ким Дэ Чжуну приходится учитывать позиции своих союзников - США и Японии.

В.Петровский. Россия и безопасность в Евразии

В статье дается расширительное толкование евразийского геополитического пространства как охватывающего практически всю Евразию, на отдельные регионы и субрегионы которой проецируются интересы внешней безопасности России. Автор подчеркивает центральную роль России в создании и развитии региональных режимов международной безопасности в Евразии (Договор о коллективной безопасности СНГ, Шанхайский форум пяти стран, контуры зарождающегося стратегического партнерства России, Китая и Индии).

Проанализировав каждую из структур международной безопасности, автор особо выделяет значение формирования стратегического треугольника Россия - Китай - Индия, который мог бы стать эффективным механизмом складывающегося многополярного мира.

А.Семиц. Что мешает достижению согласия между Токио и Пекином

Статья посвящена основным проблемам, существующим в отношениях между Японией и Китаем: спор о принадлежности островов Сенкаку (Дяоюйдао), вопрос о компенсации материального и морального ущерба, нанесенного Японией Китаю в результате агрессии 1937-1945 гг., тайваньская проблема. Автор отмечает, что, несмотря на очевидный прогресс связей двух стран, в их отношениях сохра-

няются элементы недоверия и взаимной настороженности, и делает вывод, что эти отношения впредь будут оставаться достаточно сложными: периоды стабильного развития могут чередоваться с открытыми проявлениями напряженности, поскольку строятся они на противоречивой основе сочетания сотрудничества и соперничества.

Н.Ависимцев. Преступность в современной Японии

На обширном статистическом материале из японских источников показаны состояние и эволюция уголовного законодательства и преступности в Японии в послевоенный период, прежде всего в 80-90-х годах. Специально рассматриваются такие области преступности, как имущественные и высокотехнологичные, тяжкие и насильственные преступления, нелегальный оборот оружия и наркотиков, организованная преступность, коррупция, политический экстремизм. В целом, свидетельствует автор, по уровню преступности Япония остается относительно благополучным государством в составе группы наиболее высокоразвитых стран мира.

В.Данилов. Торгово-экономическое сотрудничество России со странами АСЕАН.

Предметно останавливаясь на состоянии торгово-экономического сотрудничества РФ со странами АСЕАН в 90-е годы, автор анализирует причины спада или неустойчивого развития связей в этой сфере сотрудничества, выделяя наиболее перспективные их направления для России, в особенности для районов Сибири и Дальнего Востока России.

Н.Боревская. Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР

В центре статьи - проблема организационно-экономического обеспечения перехода Китая от единой централизованной государственной системы образования к государственно-общественной в период экономических и социальных реформ последних двух десятилетий XX века. Автор ставит целью исследовать новые механизмы финансовой поддержки государственной системы образования, которые позволили бы китайскому правительству "поставить образование на стратегические позиции приоритетного развития" и превратить науку и образование в подлинные рычаги модернизации. В статье анализируются такие ключевые проблемы как реструктуризация бюджета на образование (в том числе перераспределение финансовых потоков на разные ступени обучения), задействование каналов внебюджетного финансирования и компенсация потребителями образовательных услуг части расходов на обучение, возможности для децентрализации образовательной системы, вплоть до обеспечения хозяйственной и финансовой самостоятельности учебных заведений.

Автор рассматривает вопрос о соответствии китайской практики мировым тенденциям в сфере образования, в частности следующие аспекты этого вопроса: привела ли децентрализация управления и финансирования образования в Китае к ослаблению роли центрального правительства в этой сфере; какой баланс распределения финансовых полномочий между властями разного уровня оказался оптимальным для Китая; каким выглядит допустимый предел финансовых обязательств населения в переходный период; какие национальные и социальные особенности страны способствуют либо препятствуют вышеуказанным процессам; и, наконец, возможные негативные последствия подобного реформирования.

А.Юркевич. Военные школы армии Сунь Ятсена и советские советники

В статье освещается малоизученная сторона деятельности советских военных советников на юге Китая в 20-е годы - их работа в военных школах соединений "союзной армии", поддерживавшей правительство Сунь Ятсена. Направления и методы этой работы, по мнению автора, позволяют уточнить контуры советской военной политики на юге Китая в 20-е годы, а также тенденции и акценты в военном строительстве Гоминьдана. В частности, он отмечает различия двух основных

подходов к созданию системы подготовки гоминьдановских военных кадров: первый из них определялся преимущественно политическими установками ВКП(б) и Коминтерна, а также опытом военной работы в России, второй вытекал главным образом из программных положений Гоминьдана и политических настроений преданных этой партии китайских офицеров.

А.Хисамутдинов. Иннокентий Серышев - востоковед и эсперантист

Среди русских эмигрантов в Китае и Австралии фигура священника Иннокентия Серышева занимает своеобразное место. Это был прирожденный просветитель, способный журналист и активный издатель. Своими публикациями в русскоязычной прессе он внес немалый вклад в познание Китая.

А.Лукьянов. Ян Чжу как философ: между даосизмом и конфуцианством

Статья посвящена проблеме определения историко-философских характеристик учения Ян Чжу - китайского мыслителя VI-V вв. до н.э., весьма популярного при жизни, но впоследствии полузабытого и не оставившего развернутого изложения своей доктрины. Хотя этого философа принято относить к даосизму, автор, опираясь на разработанную им методологию классификации направлений древнекитайской мысли относительно архетипической структуры "культуры Дао", доказывает самостоятельность идейной системы Ян Чжу: она представляет собой самобытную "космическую антропологию", в равной мере отталкивающуюся и от древнего конфуцианства, и от даосизма.

А.Желоховцев. Новые темы в современной китайской литературе

Сегодня тема жизни за рубежом занимает все более заметное место в китайской литературе, становясь даже модной, считает автор. На примере таких современных китайских писателей как Ван Тун, Чи Ли, Хэ Цзя, Юй Сяо, Ван Мэн и Мо Янь, он показывает, что их произведения, столь различные по жанрам и литературным достоинствам, объединяет нечто общее: стремление в период реформ и открытой политики Китая привлечь внимание китайского читателя, прежде всего молодого, картинами зарубежной действительности.

В.Кузнецов. Змея не только в названии года

В связи с наступлением 2001 года, которому в восточном календаре соответствует зодиакальный символ Змеи, автор рассказывает об особенностях счисления времени в китайской традиции, о том, какую роль играет образ змеи в китайской мифологии, фольклоре, в религиозных представлениях и обыденном сознании китайцев.

Документы

Российско-корейское совместное заявление

По приглашению Президента Республики Корея Ким Дэ Чжуна Президент Российской Федерации В.В.Путин посетил с государственным визитом Республику Корея 26-28 февраля 2001 года. Главы государств провели конструктивный обмен мнениями по широкому кругу двусторонних и международных вопросов.

1. Главы государств отметили важность конструктивного взаимодополняющего партнерства между Российской Федерацией и Республикой Корея и согласились в том, что углубление отношений партнерства отвечает интересам народов обеих стран и укрепления безопасности и стабильности в Северо-Восточной Азии.

2. В этих целях Стороны будут осуществлять диалог и проводить консультации на различных уровнях, включая организацию встреч глав государств, правительств, министров, руководителей парламентов, и на регулярной основе обмениваться мнениями по двусторонним и международным вопросам, представляющим взаимный интерес.

Подтверждена необходимость расширения договорно-правовой основы для дальнейшего развития сотрудничества в различных сферах.

3. Стороны выразили удовлетворение итогами третьего заседания Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству, состоявшегося в Сеуле 26 февраля 2001 года, и договорились о принятии соответствующих мер для скорейшего выполнения его решений.

Они условились укреплять сотрудничество двух стран в таких областях как торговля и инвестиционная деятельность, энергетика, освоение природных ресурсов, промышленность, малый и средний бизнес, наука и техника, информационные технологии и связь, рыболовство, морской транспорт, воздушное сообщение, железнодорожный транспорт, экология, туризм, региональные связи.

Стороны выразили твердое намерение приложить все необходимые усилия для скорой и успешной реализации проекта создания Российско-Корейского индустриального комплекса (РКИК) в свободной экономической зоне "Находка".

Стороны приветствовали успешное начало реализации Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея о сотрудничестве в отраслях топливно-энергетического комплекса. Достигнута договоренность о тесном взаимодействии в продвижении Иркутского (Ковьктинского) газового проекта и продолжении консультаций по вопросам, представляющим взаимный интерес, таким как участие Республики Корея в

проектах освоения нефтегазовых месторождений на Сахалине и в других регионах России, товарообмен минеральными ресурсами между двумя странами.

Высоко оценивая вклад Российско-Корейской комиссии по рыбному хозяйству в сотрудничество двух стран в области рыболовства, Стороны договорились о дальнейшей совместной работе в этой области, обмене информацией, касающейся поставок в Республику Корея морепродуктов с российских судов и обеспечения стабильного рыбного промысла корейских судов в российских водах.

Стороны отметили значительный интерес к двустороннему сотрудничеству в различных областях промышленности и технологий, продемонстрированный на втором заседании Российско-Корейского комитета по промышленному сотрудничеству, и условились расширять взаимодействие в области передовых технологий, включая, в частности, авиацию и космос, новые материалы и машиностроение.

С удовлетворением отмечая решение третьего заседания Российско-Корейской совместной комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству о создании Российско-Корейского комитета по Дальнему Востоку и Сибири, стороны выразили надежду, что комитет окажет практическое содействие сотрудничеству между регионами Дальнего Востока и Сибири Российской Федерации и Республики Корея в торговле, инвестиционной сфере и других областях хозяйственного взаимодействия.

Стороны приветствовали договоренность о создании комитета по сотрудничеству в области транспорта, деятельность которого призвана способствовать увеличению транспортных потоков между двумя странами и в регионе Северо-Восточной Азии в целом.

Стороны договорились об углублении диалога и сотрудничества по проблемам экономического развития в интересах дальнейшего расширения двусторонних связей в области торговли и инвестиций. Отмечена важность вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию (ВТО) и ее глубокой интеграции в международную экономическую систему. Республика Корея подтвердила свое намерение способствовать этому процессу.

4. Стороны с удовлетворением констатировали, что мероприятия, проведенные в 2000 году по случаю десятой годовщины установления дипломатических отношений между Российской Федерацией и Республикой Корея, послужили укреплению взаимопонимания и доверия между народами двух стран. Они договорились стимулировать обмены и сотрудничество между двумя странами в области культуры, искусства, науки, образования, юриспруденции и т.д.

5. Российская Федерация и Республика Корея договорились о тесном сотрудничестве в деле становления миропорядка, нацеленного на укрепление мира и процветание на основе принципов взаимного уважения, равенства и взаимовыгодного сотрудничества между суверенными государствами.

Стороны выразили удовлетворение результатами состоявшегося в Нью-Йорке Саммита тысячелетия, участники которого подтвердили необходимость наращивания многосторонних усилий в мировых делах и укрепления роли ООН в качестве центрального механизма международных отношений по нахождению эффективных ответов на стоящие перед международным сообществом актуальные вызовы. В этом контексте Стороны подтвердили основополагающую роль ООН в сохранении международного мира и безопасности на основе принципов верховенства права в международных отношениях и Устава ООН.

Полностью разделяя положения Декларации тысячелетия ООН, Стороны согласились конструктивно взаимодействовать по вопросам глобализации, принимать меры по избежанию ее негативных последствий. Стороны также согласились способствовать урегулированию глобальных экономических, соци-

альных, научных, технологических, экологических и гуманитарных проблем в соответствии с Декларацией и содержащимися в ней рекомендациями.

Стороны договорились содействовать всемерному укреплению международного сотрудничества в целях борьбы с международным терроризмом во всех его формах и проявлениях.

Стороны подтвердили свою приверженность нераспространению и конечной цели ликвидации оружия массового уничтожения и средств его доставки в целях укрепления глобальной и региональной стратегической стабильности.

Российская Федерация и Республика Корея согласились в том, что Договор по ПРО 1972 года является краеугольным камнем стратегической стабильности, фундаментом международных усилий по ядерному разоружению и нераспространения. Стороны высказали надежду на скорейшее вступление в силу и последовательное выполнение Договора СНВ-2, а также скорейшее заключение Договора СНВ-3 при сохранении и укреплении Договора по ПРО. В этом контексте Республика Корея приветствовала ратификацию ДВЗЯИ и СНВ-2 Российской Федерацией.

Стороны подчеркнули важность продолжения двусторонних и многосторонних усилий по ограничению распространения ракет и ракетных технологий. В связи с этим Стороны отметили важность деятельности РКРТ, включая его усилия по принятию Международного кодекса поведения по предотвращению распространения баллистических ракет. Стороны также обменялись мнениями по поводу российского предложения о создании Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

Стороны приветствовали успешное проведение в 2000 году Конференции по рассмотрению Договора о нераспространении и выразили надежду на полное выполнение Заключительного документа, принятого на Конференции. Отмечая важность скорейшего вступления в силу Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний, Стороны призвали другие страны, включая страны, чья ратификация требуется для вступления Договора в силу, ратифицировать Договор без задержки.

Стороны подчеркнули важность повышения продуктивности и эффективности системы гарантий МАГАТЭ.

Стороны условились продолжить консультации, в частности, в рамках МАГАТЭ, по вопросам, связанным с инициативой Президента Российской Федерации по энергетическому обеспечению устойчивого развития, экологическому оздоровлению планеты и нераспространению ядерного оружия.

6. Стороны отметили важность усилий по обеспечению мира и процветания в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и подтвердили стремление к сотрудничеству в интересах укрепления атмосферы взаимопонимания и доверия. Они договорились об укреплении сотрудничества в рамках АТЭС на многосторонней и двусторонней основе.

Высоко оценивая роль и вклад АРФ в поддержание мира и стабильности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, Стороны приветствовали вступление в АРФ КНДР в июле 2000 года и договорились активно сотрудничать в целях дальнейшего развития АРФ.

7. Главы государств подтвердили, что исторический межкорейский саммит, состоявшийся в Пхеньяне в июне 2000 года, и последовавшие за ним меры заложили основу для примирения и сотрудничества между Югом и Севером Кореи, а также смягчения напряженности и установления мира на Корейском полуострове.

Главы государств приветствовали такое развитие событий и условились продолжать сотрудничество для дальнейшего прогресса в этом направлении. Российская сторона, позитивно оценивая усилия Республики Корея и Прези-

дента Ким Дэ Чжуна по снижению напряженности на Корейском полуострове, подтвердила готовность и стремление Российской Федерации продолжать поддержку линии на налаживание межкорейских контактов и продуктивного сотрудничества между Югом и Севером Кореи. Корейская сторона позитивно оценила конструктивную роль и вклад Российской Федерации в дело мира и стабильности на Корейском полуострове. Российская сторона выразила готовность и стремление продолжать содействовать снижению напряженности и сохранению мира на Корейском полуострове.

Стороны высказали убеждение в том, что межкорейское примирение и сотрудничество несут в себе большой потенциал всестороннего позитивного развития не только на Корейском полуострове, но и в Северо-Восточной Азии и Азиатско-Тихоокеанском регионе в целом.

Стороны приветствовали активизацию внешнеполитической деятельности КНДР и установление ею в последнее время дипломатических отношений с рядом государств, отметив важность этой тенденции для мира и стабильности на Корейском полуострове.

Стороны согласились с тем, что Совместная декларация о денуклеаризации Корейского полуострова 1992 года и Женевское рамочное соглашение 1994 года должны строго исполняться в целях ликвидации ядерной угрозы на Корейском полуострове. Обе Стороны выразили надежду на скорейшее разрешение проблем, связанных с разработкой, экспортом и размещением ракет на Корейском полуострове, путем продолжения диалога между заинтересованными сторонами.

Стороны отметили, что наметившееся улучшение межкорейских отношений создает благоприятную атмосферу для реализации проектов сотрудничества с участием Российской Федерации, Республики Корея и других стран, таких как проекты в области энергетики и ресурсов, соединение Транскорейской железной дороги и Транссибирской магистрали. Стороны договорились продолжать взаимодействие по этому вопросу, включая организацию консультаций по этой проблематике.

Стороны отметили актуальность усилий по снижению напряженности и укреплению мира на Корейском полуострове, предпринимаемых, в первую очередь, Республикой Корея и КНДР как наиболее заинтересованными сторонами. Стороны также признали, что соседние страны, включая Россию, играют конструктивную роль в деле продвижения мира и стабильности на Корейском полуострове. Стороны договорились тесно взаимодействовать в целях налаживания многостороннего диалога, нацеленного на обсуждение вопросов всеобщей безопасности и сотрудничества в регионе Северо-Восточной Азии.

Президент Ким Дэ Чжун высоко ценил значение визита Президента В.В.Путина для дальнейшего развития партнерства между двумя странами в XXI веке. Президент В.В.Путин выразил признательность корейскому народу за теплый прием и пригласил Президента Ким Дэ Чжуна посетить Россию в удобное время. Президент Ким Дэ Чжун с благодарностью принял приглашение.

Сеул, 27 февраля 2001 года

Декларация о стратегическом партнерстве между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам

По приглашению Президента Социалистической Республики Вьетнам Чан Дык Лыонга Президент Российской Федерации В.В. Путин с 28 февраля по 2 марта 2001 года совершил официальный визит в Социалистическую Республику Вьетнам.

Главы двух государств, рассмотрев весь комплекс вопросов, касающихся российско-вьетнамских отношений, с удовлетворением отмечают, что их характер полностью отвечает коренным интересам народов двух стран. На протяжении более чем 50 лет, прошедших со дня установления дипломатических отношений, традиционные узы дружбы и сотрудничества между Россией и Вьетнамом способствовали развитию и процветанию двух стран, служили делу мира, стабильности и сотрудничества в регионе и во всем мире. Россия и Вьетнам (далее именуемые Сторонами) подтверждают решимость укреплять и развивать традиционную дружбу и разностороннее сотрудничество в XXI веке в духе установившегося между двумя странами стратегического партнерства.

1. Стороны считают, что Договор об основах дружественных отношений между Российской Федерацией и Социалистической Республикой Вьетнам от 16 июня 1994 года, Совместное Российско-Вьетнамское заявление от 25 августа 1998 года, а также другие ранее подписанные Россией и Вьетнамом совместные документы являются прочной базой для поступательного развития многопланового сотрудничества двух стран на основе принципов уважения государственного суверенитета, независимости, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды.

2. Стороны будут и впредь поддерживать регулярные контакты на различных уровнях, в том числе на высшем, для обмена мнениями по важным вопросам двусторонних отношений и международной обстановки.

3. Стороны будут углублять связи между органами государственной власти, расширять сотрудничество и обмены между общественно-политическими организациями двух стран, в том числе по линии обществ российско-вьетнамской и вьетнамо-российской дружбы.

4. Одной из наиболее важных задач в области двусторонних отношений Стороны считают наращивание торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества на основе всестороннего использования накопленного за предшествующие десятилетия потенциала и опыта взаимодействия.

5. Стороны считают, что результаты многолетнего сотрудничества двух стран в нефтегазовой сфере служат прочной базой для дальнейшего развития взаимовыгодных экономических связей. Высокая эффективность совместного предприятия по разведке и добыче нефти и газа на континентальном шельфе юга Вьетнама "Вьетсовпетро" является основой для наращивания зоны деятельности этого предприятия, разработки новых месторождений углеводород-

ного сырья в Социалистической Республике Вьетнам. Правительства двух стран будут уделять приоритетное внимание реализации новых проектов в этой области, прежде всего строительству и скорейшему вводу в эксплуатацию первого во Вьетнаме нефтеперерабатывающего завода в Зунгкуат.

6. Стороны полны решимости содействовать развитию сотрудничества в таких областях, как электроэнергетика, нефтегазовая и химическая промышленность, машиностроение, металлургия, электроника, сельское хозяйство, связь, наука и техника, культура, образование, подготовка кадров и в других перспективных областях.

7. Стороны исходят из того, что для расширения двусторонней торговли необходим поиск путей наращивания взаимного товарооборота, доведения его объема до уровня, соответствующего имеющемуся потенциалу. Необходимо усилить государственную поддержку бизнеса, способствовать развитию экономического, научно-технического и культурного сотрудничества между субъектами Российской Федерации и провинциями Социалистической Республики Вьетнам при координирующей роли внешнеполитических ведомств на основе межправительственного соглашения от 11 сентября 2000 года.

8. Стороны будут укреплять сотрудничество в оборонной области в интересах безопасности России и Вьетнама. Это сотрудничество не направлено против третьих стран.

9. Стороны считают необходимым продолжить совершенствование деятельности Российско-Вьетнамской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, играющей важную роль в комплексном развитии двустороннего взаимодействия на новом этапе.

10. На международной арене Россия и Вьетнам последовательно выступают за закрепление позитивных тенденций в мировом развитии, за формирование миропорядка, основанного на справедливости и равноправии между государствами, в интересах мира, стабильности и развития человечества. Стороны решительно против любых форм давления в отношении суверенных государств либо вмешательства в их внутренние дела, осуждают попытки внедрения в международную практику концепций "гуманитарной интервенции" и "ограниченного суверенитета" для оправдания односторонних или групповых силовых акций, грубо нарушающих основополагающие принципы Устава ООН и международного права.

11. Подтверждая приверженность целям и принципам Устава ООН, решениям Совета Безопасности ООН, основывающимся на уважении суверенитета и невмешательстве во внутренние дела государств, Стороны будут конструктивно взаимодействовать в целях повышения эффективности деятельности ООН в решении глобальных проблем и развития международного сотрудничества в политической, экономической, социальной, научно-технической, экологической, гуманитарной и других сферах в соответствии с решениями Саммита тысячелетия ООН и Декларацией тысячелетия Организации Объединенных Наций.

Стороны отметили неоднозначность процесса глобализации мировой экономики. Наряду с дополнительными возможностями социально-экономического развития, расширения обменов он порождает и новые вызовы, особенно для наименее развитых стран. Стороны подтверждают, что будут укреплять взаимодействие в целях снижения негативных последствий этого процесса. Стороны придают важное значение интеграции в систему мирохозяйственных связей, в первую очередь вступлению во Всемирную торговую организацию, формированию справедливого и равноправного международного экономического порядка.

12. Стороны намерены содействовать укреплению глобальной и региональной стабильности и мира, сохранению и совершенствованию существующей системы международных договоров в области контроля над вооружениями и разоружения, обеспечению безопасности всех государств.

Вьетнам поддерживает усилия Российской Федерации по сохранению и укреплению Договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки об ограничении систем противоракетной обороны от 26 мая 1972 года, рассматривая его в качестве основы для дальнейшего сокращения стратегических наступательных вооружений.

Вьетнам приветствует инициативную программу укрепления стратегической стабильности и ядерного разоружения, изложенную в Заявлении Президента Российской Федерации от 13 ноября 2000 года.

Стороны полны решимости сотрудничать как на двусторонней, так и на многосторонней основе в борьбе против международного терроризма, сепаратизма, религиозного экстремизма, транснациональной преступности, которые представляют серьезную угрозу безопасности суверенных государств, миру и стабильности.

Стороны подтверждают актуальность проблемы международной информационной безопасности, как это зафиксировано в резолюции 55/28 Генеральной Ассамблеи ООН, принятой 20 ноября 2000 года.

13. Стороны убеждены в необходимости более тесного сотрудничества в целях охраны глобальной окружающей среды, сохранения и рациональной эксплуатации природных богатств и ресурсов на благо нынешнего и будущих поколений.

14. Стороны придают исключительно большое значение вопросам обеспечения безопасности и укрепления доверия в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Стороны исходят из того, что размещение в АТР замкнутых блок-овых систем противоракетной обороны театра военных действий может отрицательно повлиять на региональную стабильность и безопасность, привести к новой гонке вооружений.

Стороны подчеркивают важность консультаций между Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и пятью ядерными державами и поддерживают их продолжение по имеющимся каналам в целях скорейшего подписания этими странами Протокола к Договору о зоне, свободной от ядерного оружия, в Юго-Восточной Азии, что будет способствовать формированию в Юго-Восточной Азии безъядерной зоны, упрочению режима Договора о нераспространении ядерного оружия, подписанного в Женеве 1 июля 1968 года, и продвижению к безъядерному миру.

Стороны высоко оценивают роль таких региональных форумов как Азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, АСЕАН, Асеановский региональный форум, Шанхайский форум в создании благоприятного климата для обеспечения многостороннего взаимовыгодного сотрудничества в АТР.

Россия придает важное значение отношениям с АСЕАН и исполнена решимости развивать всестороннее сотрудничество с АСЕАН на основе равноправия, взаимной выгоды, содействия укреплению мира и стабильности в Юго-Восточной Азии. Россия поддерживает урегулирование разногласий и споров в регионе мирными средствами.

Россия полностью поддерживает "Ханойский план действий", принятый на VI Саммите АСЕАН в Ханое в декабре 1998 года, и готова участвовать в осуществляемых в его рамках проектах, в первую очередь в сфере научно-технологического сотрудничества, транспорта, энергетики и нефтедобычи.

Учитывая евразийский статус Российской Федерации, Вьетнам поддерживает стремление России подключиться к деятельности форума "Азия-Европа" (АСЕМ) и будет содействовать российскому вступлению в АСЕМ.

15. Стороны приветствуют результаты межкорейской встречи на высшем уровне в июне 2000 года и новые шаги по примирению между двумя частями Кореи. Россия и Вьетнам поддерживают стремление народа Корейского полуострова к мирному объединению, а также все конструктивные усилия, направленные на сохранение мира и стабильности на Корейском полуострове, разрешение его проблем мирным путем, посредством диалога.

16. Стороны едины в поддержке условий по достижению всеобщего, прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке на основе резолюции 242 от 22 ноября 1967 года и резолюции 338 от 22 октября 1973 года Совета Безопасности ООН, принципов Мадридской конференции, включая формулу "земля в обмен на мир".

17. Стороны единодушны в том, что успешные результаты первого визита во Вьетнам Президента Российской Федерации имеют особо важное значение для вывода российско-вьетнамских отношений на новый этап развития в XXI веке, что отвечает чаяниям народов двух стран, интересам мира, стабильности, сотрудничества и развития в регионе и во всем мире.

Президент Российской Федерации В.В.Путин пригласил Президента Социалистической Республики Вьетнам Чан Дык Лыонга посетить Российскую Федерацию с официальным визитом в удобное для него время. Приглашение было с благодарностью принято. Сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

**ПРЕЗИДЕНТ
РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ**

В.В.ПУТИН

**ПРЕЗИДЕНТ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ ВЬЕТНАМ**

ЧАН ДЫК ЛЫОНГ

г. Ханой, 1 марта 2001 года

Политика

Россия - Республика Корея: после саммита в Сеуле

© 2001

Г. Толорая

Активизация политики России на Корейском полуострове, привлекавшая всеобщее внимание в 2000 году благодаря восстановлению нормального общения с Северной Кореей (подписание с КНДР базового договора, российско-корейский саммит в Пхеньяне), была одной из наиболее удачных внешнеполитических инициатив нашей страны на пороге нового века. Подтверждением весомости заявки России на восстановление роли в корейском урегулировании, поддержании мира и стабильности, содействии примирению в соседнем с ней регионе стала интенсивная дипломатия и в отношении Южной Кореи. В 2000-2001 годах российская политика на Корейском полуострове вновь стала "стоять на двух ногах", продемонстрировав способность устранять недоразумения и развивать искреннее партнерство и с Сеулом, и с Пхеньяном.

Несмотря на то, что прошло уже более десяти лет после установления дипломатических отношений между Республикой Корея и - тогда еще - Советским Союзом, в Южной Корее Россию до последнего времени воспринимали с опаской. В ней все еще видели наследницу советской империи, "союзницу противника" - КНДР, а позднее - еще и непонятную, непредсказуемую страну, в которой царит нестабильность, порой льется кровь, правят бал коррупционеры и мафия, растет разрыв между богатыми и бедными. Именно поэтому на протяжении 90-х годов РК не особенно форсировала сближение с Россией, и надежды начала прошлого десятилетия на формирование крепкого взаимовыгодного партнерства оказались нереализованными. Не обошлось без разочарований и в России - российских политиков обижало несколько пренебрежительное восприятие в РК России только как средства давления на Северную Корею, деловых людей - нежелание южнокорейцев делать серьезные инвестиции, вести дела на долгосрочной основе... Отношения между двумя странами, народы которых исторически испытывают друг к другу взаимную симпатию, хотя оставались вполне добрососедскими, невраждебными, но и не характеризовались особой доверительностью, взаимной уступчивостью во имя общих результатов.

* * *

В этих условиях важнейшим фактором исправления положения в двусторонних отношениях России и Южной Кореи и в повышении роли России в укреплении мира и стабильности на Корейском полуострове стала саммитовая дипломатия. После избрания Президентом России В.В.Путина он в течение 2000 г. несколько раз общался с Президентом РК Ким Дэ Чжуном по телефону, провел два "минисаммита" в рамках многосторонних мероприятий (сентябрь - Нью-Йорк, ноябрь - Бруней). С учетом возросшей вовлеченности России в дела Корейского полуострова не стоило откладывать и полноценный российско-корейский саммит в Сеуле (первый в РК с 1992 г.; Президент Ким Дэ Чжун был в гостях у Б.Н.Ельцина в 1999 г.).

Государственный визит В.В.Путина в РК (26-28 февраля 2001 г.) в этих обстоятельствах послужил весомым импульсом к развитию сотрудничества. Главный политический результат - закрепление за Россией уже отчетливо обозначенной после прошлогодней нормализации отношений с КНДР роли одного из ключевых "игроков" в корейском урегулировании. В условиях ужесточения подходов к ситуации на Корейском полуострове и к отношениям с КНДР со стороны новой американской администрации было важно и своевременно "возвысить голос" в защиту неконфронтационных подходов, политических путей решения имеющихся проблем. И это в полной мере удалось: Президент Ким Дэ Чжун, южнокорейская общественность с большим удовлетворением восприняли закрепленную в Совместном заявлении по итогам визита "готовность и стремление Российской Федерации продолжать поддержку линии на налаживание межкорейских контактов и продуктивного сотрудничества между Югом и Севером Кореи".¹

Российская сторона решительно высказалась за продолжение американо-северокорейского диалога, подтвердила важность строгого исполнения обеими сторонами Женевского рамочного соглашения между КНДР и США - как раз в момент, когда консерваторы в США заговорили о возможности его пересмотра, что дестабилизировало бы ситуацию на полуострове. Подтверждена и надежда на скорейшее разрешение "ракетных проблем" полуострова путем продолжения диалога между заинтересованными сторонами - в процессе чего также весьма важен поиск развязок между КНДР и США.

Российская сторона высказала намерение и далее продолжать содействовать снижению напряженности, укреплению мира в этом непростом регионе. Такая позиция была высоко оценена корейскими хозяевами: Ким Дэ Чжун именно сейчас особенно нуждается в поддержке своих усилий по снижению напряженности в Корее, по сотрудничеству с КНДР. В Совместном заявлении подчеркнуто, что "корейская сторона позитивно оценила конструктивную роль и вклад Российской Федерации в дело мира и стабильности на Корейском полуострове".² О важности этой стабилизирующей роли говорили все без исключения собеседники В.В.Путина в Сеуле, как из правящего лагеря, так и из оппозиции.

Президентом России впервые были публично провозглашены базисные позиции корейской политики России, направленные на межкорейское урегулирование в условиях мира и стабильности. В речи В.В.Путина в Национальном собрании РК 28 февраля 2001 г. они сформулированы следующим образом:

“Первое. Мирный процесс и сотрудничество между Севером и Югом должны развиваться на принципах, согласованных самим корейским народом, самими корейскими руководителями, без вмешательства извне.

Второе. Все проблемы должны решаться исключительно мирным дипломатическим путем в духе совместной декларации Юга и Севера от 15 июня 2000 года.

Третье. Мы будем приветствовать процесс создания мирного единого корейского государства, дружественного России и другим странам. Мы убеждены - надежную безопасность можно обеспечить невоенными средствами, путем выработки соответствующих международно-правовых гарантий.

Четвертое. Снижение напряженности невозможно при распространении оружия массового уничтожения в мире вообще и в регионе в частности, и на Корейском полуострове тем более. Россия готова внести свою лепту в этот процесс. Мы будем поддерживать безъядерный статус Корейского полуострова. В этом контексте обращу внимание на продвижение наших глобальных инициатив по ракетному нераспространению. Призываю Республику Корея активно участвовать в этих начинаниях.

Пятое. Россия заинтересована в осуществлении с участием стран Северо-Восточной Азии, в том числе двух Корей, проектов, направленных на экономическое развитие региона. Такие проекты, как организация перевозок по Транскорейской железной дороге и Транссибу, совместная модернизация энергетики на Корейском полуострове. Это выгодно всем. Проигравших в этой работе не будет. Именно такие совместные дела закладывают прочный экономический фундамент стабильности в регионе в целом”.³

* * *

В диалоге стран на одно из первых мест вышла тематика поддержания стратегической стабильности - в чем весьма заинтересована Южная Корея, в первую очередь по соображениям, связанным с развитием межкорейского диалога. В РК довольно громко звучат голоса противников разворачивания Соединенными Штатами системы НПРО и ПРО ТВД в Восточной Азии⁴: там в первую очередь опасаются, что развертывание этих систем, в том числе под предлогом “северокорейской ракетной угрозы”, спровоцирует Пхеньян на возврат к конфронтации, а в перспективе может способствовать милитаризации Китая, появлению новых разграничительных линий в регионе. За этими настроениями с настороженностью следят США, пытающиеся не допустить официального закрепления такой позиции. Не случайно появление в февральском Совместном заявлении РФ и РК пассажа о согласии в том, что “Договор по ПРО 1972 года является краеугольным камнем стратегической стабильности, фундаментом международных усилий по ядерному разоружению и нераспространения”, а потому он должен “сохраняться и укрепляться”,⁵ немедленно вызвало гнев в США. “Нью-Йорк таймс” посчитала, что таким образом “Южная Корея взяла сторону России в споре об американской системе ПРО”⁶, а “Уолл-стрит джорнэл” назвала эту позицию руководства РК “оплошностью” и “ошибкой Ким Дэ Чжуна”, который, мол, “выступил против США”.⁷ На деле Южная Корея руководствуется своими национальными интересами, несмотря на военно-политический союз с Америкой. При этом, по сообщениям корейской печати, США были заранее поставлены южнокорейской стороной в известность о содержа-

нии совместного заявления (оно было окончательно согласовано между представителями РФ и РК за два дня до начала визита) и "не возражали".⁸

Важно также констатировать согласие России и РК в том, что касается оценки важности укрепления роли ООН в качестве центрального механизма международных отношений, играющего основополагающую роль в сохранении международного мира и безопасности на основе принципов верховенства права в международных отношениях и Устава ООН. И не удивительно: Республика Корея явно не хотела бы повторения на полуострове иракского или югославского сценария, и в этом ее приоритеты полностью совпадают с российскими.

Обращает на себя внимание также договоренность двух стран принять меры во избежание негативных последствий глобализации, что также свидетельствует о возросшей самостоятельности в политике Южной Кореи. Для России ценны и готовность РК изучать вопросы, связанные с российской инициативой по энергетическому обеспечению устойчивого развития, экологическому оздоровлению планеты и нераспространению ядерного оружия, интерес Сеула к российским предложениям о предотвращении милитаризации космоса и о создании Глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий.

* * *

И все же главный долгосрочный эффект саммита, по нашему убеждению, лежит в менее сенсационных, но более важных договоренностях экономического характера.

1. Главный для России и государств Корейского полуострова на обозримую перспективу проект - "продление" Транссиба на юг Корейского полуострова, что, по словам В.В.Путина, "приведет к мировому коммуникационному прорыву".⁹ Как выразился Ким Дэ Чжун, "недалек тот день, когда поезд из Пусана с мечтой о мире и процветании в XXI веке примчится прямо в Москву".¹⁰ В ходе переговоров на высшем уровне и предшествующих им встреч правительственных делегаций (в дни саммита в Сеуле прошла презентация Транссиба и проекта соединения с ним Транскорейской железной дороги) была достигнута договоренность об обсуждении конкретных параметров проекта в рамках вновь созданного комитета по транспортному сотрудничеству. Российская сторона подтвердила готовность к финансовому участию в модернизации "восточного" маршрута соединения ТКЖД с Транссибом (Сеул-Кэсон-Вонсан-Хасан на российско-северокорейской границе). Вместе с тем осторожные южнокорейцы пока намерены в первоочередном порядке восстанавливать более короткую "западную" линию на Китай (также с последующим выходом на Транссиб для транзита грузов в Европу), хотя не возражают и против параллельных работ на "восточном" маршруте.

2. Особое внимание было обращено на развитие долгосрочного сотрудничества в энергетике. Наиболее перспективным на сегодняшний день является проект строительства газопровода с Ковыктинского месторождения в Иркутской области на Юг Корейского полуострова через Китай. Российская сторона подтвердила готовность в рамках проведения тремя странами (КНР-РФ-РК) ТЭО рассмотреть возможность прокладки газопровода и через территорию КНДР (при том, разумеется, понимании, что возможные дополнительные расходы в этой связи лягут на потребителя). Российская сторона предложила так-

же изучить возможности участия корейских компаний в проектах, связанных с разработкой нефти и газа на Сахалине (возможно также строительство трубопроводов на этой основе).

3. Российская сторона подтвердила готовность к совместной модернизации энергоинфраструктуры Северной Кореи (речь, в частности, идет о четырех ТЭС, построенных в свое время в КНДР при советском содействии). Согласно предложенной схеме, Россия могла бы предоставить электроэнергетическое оборудование и услуги специалистов, а южнокорейская сторона финансировала бы эту программу, причем частично или даже полностью - путем списания соответствующих сумм с российского долга.¹¹ Эта схема была бы выгодна всем, т.к. позволяла бы РК с наименьшими затратами оказать КНДР помощь в восстановлении энергоснабжения (необходимость чего очевидна и с точки зрения и инвестирования, и осуществления транспортных проектов, не говоря уже о гуманитарных соображениях), а России - расплатиться с долгами. В Сеуле, однако, пока оказались не готовы к предметному разговору на этот счет и предложили России сначала заручиться "официальным согласием" КНДР.

4. Пока что России приходится решать долговую проблему испытанным способом - товарными поставками, включая продукцию военного назначения. В преддверии визита корейская сторона, как сообщалось, согласилась изучить возможность закупки в России ряда видов оборонительных вооружений и гражданской продукции на сумму до 700 млн. долл. (речь, в частности, шла о самолетах-заправщиках, транспортных самолетах, учебно-тренировочных самолетах, транспортных вертолетах и др.).¹² По информации в прессе, в ходе визита договоренность о намерениях РК изучить возможность таких закупок, в т.ч. с оплатой не менее 50% наличными, была закреплена в совместном документе о намерениях.¹³

5. В XXI веке возрастающую роль в экономическом сотрудничестве двух стран - и об этом прямо говорил В.В.Путин - должна играть сфера высоких технологий. В связи с предстоящим вступлением РК в Режим контроля за ракетными технологиями заманчивые перспективы открываются в аэрокосмической области (российской стороной даже было предложено оказывать РК содействие в запуске ее спутников до тех пор, пока в РК не будет построен собственный космодром). Достигнута договоренность вернуться к идее создания российско-корейского центра по научно-техническому обмену, продолжить работу совместных исследовательских центров на территории России, укреплять сотрудничество в сфере информатики и связи, мирного использования атомной энергии.

Российской стороне предстоит предпринять необходимые меры для улучшения климата для южнокорейских инвестиций в России. В частности, необходима скорейшая ратификация подписанного еще в 1999 году Соглашения о создании Российско-Корейского индустриального комплекса в СЭЗ "Находка", что позволило бы южнокорейским компаниям вкладывать средства в эту зону. Разумеется, СЭЗ при этом не должна использоваться для несанкционированных целей, превращаться в "налоговую дыру", для чего стороны должны будут подписать совместный документ, регулирующий спорные вопросы.

* * *

Похоже, что после саммита в Сеуле, оказались в значительной мере преодоленными расхождения и недопонимания прошлого. Россия и РК стали с

большим реализмом воспринимать друг друга, всерьез готовы искать новые пути взаимовыгодного партнерства. Особенно перспективными представляются многосторонние проекты, которые могут иметь не только серьезную экономическую отдачу, но и весомый политический эффект, укрепляя фундамент упрочения мира, развития, взаимопонимания в интересах совместного процветания в таком непростом, но столь важном для будущего России регионе, как Северо-Восточная Азия.

1. ИТАР-ТАСС. Сеул. 2001. 27 февраля.
2. Там же.
3. Официальный веб-сайт Президента Российской Федерации: Речи и выступления.
4. См. Korea Herald. 2001. 9 February.
5. ИТАР-ТАСС. Сеул. 2001. 27 февраля.
6. New York Times. 2001. 27 February.
7. Wall Street Journal. 2001. 28 February.
8. Korea Times. Seoul. 2001. 2 March.
9. ИТАР-ТАСС. Сеул. 2001. 27 февраля.
10. ИТАР-ТАСС. Сеул. 2001. 27 февраля.
11. Известия. 2001. 28 февраля.
12. Тона Ильбо. Сеул. 2001. 7 февраля.
13. ИТАР-ТАСС. Сеул. 2001. 28 февраля.

Внешняя политика нового руководства России и российско-корейские отношения

© 2001

Р. Савельев

Сегодня можно отметить, что нынешний внешнеполитический курс России в большей чем ранее степени увязывается с ее внутривнутриполитическими и экономическими интересами. Унаследовав практику отношений с другими странами, которая стала превалирующей в бытность, когда МИДом и правительством РФ управлял Е.М.Примаков, власть при президенте В.В.Путине пошла дальше, положив в основу своих действий за пределами страны прагматические цели и динамизм в их достижении. Как следствие, во внешних делах более четко обозначены соответствующие приоритетные направления. Теперь имеется в виду выстраивать взаимоотношения с иностранными партнерами таким образом, чтобы извлечь реально возможную практическую выгоду из связей с ними и в не меньшей степени - сократить риск от внешнего военно-политического давления на страну в условиях, когда вслед за вынужденным сокращением численности российских вооруженных сил уменьшилась ее общая и военная безопасность. Одновременно завершена разработка обновленной концепции внешней политики Российской Федерации и уточнены не только т.н. "западное", но и "восточное" направления или, как некоторые называют, векторы российской внешней политики¹. В появлении этих терминов можно усмотреть чисто словесную эквилибристику чиновников, ответственных за решение международных проблем. Однако при ином подходе можно увидеть серьезные намерения нынешнего президента и правительства, не сбрасывая со счетов Запад, более рационально и систематично корректировать российский курс в международных делах за счет более динамичных контактов с Востоком, особенно с теми странами азиатского и других регионов, которые готовы и склонны к поддержанию и развитию обоюдовыгодных отношений с Россией.

С началом второго тысячелетия в международном развитии обозначились две основные тенденции. Одна из них, как известно, характеризуется естественным стремлением к утверждению "многополюсного мира", другая - желанием лидера ряда крупных западных стран, прежде всего США, обеспечить себе приоритетное право при решении общемировых и региональных проблем. Все это происходит в условиях, когда в мире остается не так много географических регионов, где бы стабильно развивалась экономика, сохранялось общественное согласие, ушли в безвозвратное прошлое конфликты на межгосударственном уровне. Возникающие на этом фоне всплески напряженности подчас порождают у отдельных стран желание отстоять свои изолированные интересы на путях силового противостояния и национального эгоизма.

С определенной долей уверенности можно отметить, что сходные черты сформировались в Северо-Восточной Азии и, в первую очередь, на Корейском полуострове, где рецидивы прошлого трансформировались в долголетнее противоборство Севера и Юга, отказаться от которого враждующие стороны, по-видимому, смогут только, если настроения к примирению воспримут не только правящие элиты, закрепившиеся по разные стороны от 38-й параллели, но и значительная часть населения обоих корейских государств.

В России учитывают ситуацию, которая сложилась на полуострове, предпринимают шаги к реальному снижению напряженности в этом важном регионе и с учетом восточного вектора своей внешней политики считают необходимым последовательно выстраивать равноправные отношения как с Севером, так и с Югом Кореи. Видимо, поэтому в планах международных встреч президента В.В.Путина на 2000-2001 гг. были предусмотрены поездка в Северную Корею и переговоры с её лидером Ким Чен Иром, а также официальный визит в Сеул, откуда время от времени звучат призывы начать новый этап отношений с Россией².

После того как в Пхеньяне в июле прошлого года завершились переговоры с Ким Чен Иром, В.В.Путин на пресс-конференции отметил, что Россия и КНДР – близкие соседи, и в качестве позитивного шага выделил подписание обновленного двустороннего договора о дружбе и сотрудничестве. Он подчеркнул, что этот документ послужит делу укрепления двусторонних отношений, а последующие контакты на высшем уровне позволят насытить его реальными делами. Он заявил также, что в России с большим вниманием следят за развитием обстановки на Корейском полуострове³. Последнее заявление означало, что в Москве одобрительно отнеслись к результатам июньских переговоров Ким Чен Ира и Ким Дэ Чжуна в Пхеньяне (2000 г.) и вместе с тем трезво оценивают те трудности, с которыми Север и Юг еще могут встретиться на пути к действительно полному урегулированию межкорейских отношений.

В Москве реально оценивают внешнюю политику Северной Кореи и её намерения заявить о себе как о государстве, способном на равных вступать в переговоры с влиятельными странами мира, используя в этих целях так называемый ракетный фактор, как до этого ядерную программу.

В глобальном плане ядерные и ракетные угрозы КНДР не столь уж и существенны, особенно для стран, которые далеки от дальневосточных рубежей и проблем. Мало что они значат и для внешней безопасности Российской Федерации, однако северокорейская стратегия чревата неблагоприятными последствиями прежде всего потому, что вызывает ответную реакцию со стороны других государств, прежде всего Японии и Соединенных Штатов.

Запуск Северной Кореей многоступенчатой баллистической ракеты, состоявшийся 31 августа 1998 г., намеренная утечка из Пхеньяна информации о якобы готовящемся повторном запуске были, как известно, использованы США в качестве повода для оказания давления на мировое общественное мнение, с тем чтобы добиться согласия на корректировку Договора по противоракетной обороне 1972 г. и создание Соединенными Штатами так называемой национальной системы противоракетной обороны (НПРО). Это обстоятельство в известной степени способствовало в последние два года укреплению и американо-японского военного альянса. Япония отреагировала на запуск северокорейской ракеты готовностью своего правительства произвести “инициативные инвестиции” в программу создания системы ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии.

На российско-северокорейских переговорах в Пхеньяне ракетная программа КНДР не в последнюю очередь по инициативе российской стороны оказалась на первом плане. Ким Чен Ир заявил о намерении придать ей мирную направленность и подключиться к космическим исследованиям в случае, если

другие страны согласятся оказать в этом содействие. Было также заявлено, что КНДР не видит какой-либо альтернативы договору по ПРО 1972 г. и выступает против замкнутых блоковых систем ПРО ТВД.

Из Пхеньяна В.В.Путин вылетел на Окинаву. Переданные им мировому сообществу заверения северокорейского руководства, озвученные на саммите "восьмерки", о мирном характере северокорейской ракетной программы явились реальным вкладом России в решение острых международных проблем. Эти заверения в известной мере смягчают напряженность в Северо-Восточной Азии, вызванную "ракетной" стратегией КНДР, и свидетельствуют о том, что регион превратился в арену, где решаются серьезные геополитические проблемы, затрагивающие интересы мировых держав. В этой связи можно предположить, что страна или страны, которые сумеют первыми, избегая силовых методов, "открыть" Северную Корею для внешнего мира, а одной из них может стать Россия, скорее всего станут ее долговременными партнерами и смогут таким образом отчасти изменить соотношение сил в регионе в свою пользу.

В новых условиях политика России, имеющей свои традиционные интересы в Северо-Восточной Азии, фактически исходит из необходимости вывода Корейского полуострова из разряда взрывоопасных территорий.

В этом плане не менее значимым стал недавний (февральский) визит российского президента в Сеул. На встречах с президентом Ким Дэ Чжуном были обсуждены международные проблемы и перспективы двусторонних отношений. Достигнута договоренность относительно проекта, которым предусматривается соединение Транссибирской магистрали с корейскими железными дорогами. Проект в случае его успешной реализации станет выгодным Южной и Северной Корее, а также России⁴.

На сессии Совместной комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству, которая состоялась непосредственно перед прибытием В.В.Путина в Сеул, были согласованы сроки и объемы погашения российской задолженности по ранее полученным от Южной Кореи кредитам. Результаты работы комиссии были одобрены обоими президентами.

На встречах с ведущими южнокорейскими бизнесменами и в парламенте В.В.Путин подчеркнул, что Россия на взаимоприемлемой основе развивает отношения с обоими корейскими государствами, будучи уверенной в том, что, соблюдая это условие, она имеет возможность наиболее эффективно содействовать межкорейскому диалогу и сближению⁵.

Примечательно, что в Сеуле, вслед за Пхеньяном, в совместном заявлении, принятом по итогам переговоров, содержится тезис о поддержке Южной Кореей усилий российской дипломатии в деле противодействия планам создания системы НПРО. Некоторые российские СМИ по этому поводу не без оснований отметили, что вряд ли следует безоглядно рассчитывать на реальную поддержку со стороны Сеула при рассмотрении подобных международных проблем, учитывая его тесные военно-политические связи с Вашингтоном и долготелее присутствие американского экспедиционного корпуса на юге полуострова⁶.

В Москве к таким выводам вольно или невольно приходят, когда анализируют повторяющиеся заявления о том, что американские войска останутся на полуострове даже после воссоединения Кореи с тем, чтобы поддержать баланс сил в Северо-Восточной Азии. Но, зная факты, следует отметить, что ситуация может оказаться несколько иной. Неоднократные требования южнокорейских оппозиционных партий основательно пересмотреть правовое положение американских войск в стране вынудили южнокорейского президента высказаться по этой болезненной проблеме⁷, которая сопрягается не только с

межкорейским урегулированием, но и с нынешними и будущими интересами всего региона, особенно с безопасностью России, Китая и Северной Кореи. Не исключено, что сложатся условия, когда свое слово более решительно выскажут Москва и Пекин. И это понятно, поскольку американский экспедиционный корпус на юге Кореи никогда не был чисто оборонительной структурой. Таким американцы его никогда и не задумывали. Его оперативные связи и взаимодействие с американским военным контингентом на Окинаве, базой на Гуаме, с ВМФ США на Тихом океане и в других стратегически важных регионах мира - очевидное тому подтверждение.

Можно еще раз подчеркнуть, что те или иные намерения и практические действия США в военно-политической области подталкивают другие страны региона к выработке более результативной стратегии с целью отстаивания своих интересов за счет формирования новых политических и иных конструкций. Судя по ситуации, которая складывается в СВА после визитов В.В.Путина, здесь со временем может появиться неформальное политическое объединение, основу которого составили бы Россия, КНДР, Китай и, возможно, Южная Корея. При этом речь не идет об их возможном обособлении от региональных интересов в экономической, например, сфере. Степень же активности и сближения по другим направлениям наверняка будет зависеть от того, какая конкретная позиция станет преобладающей у Вашингтона и чаще всего следующего в его фарватере Токио.

Что еще из того, что происходит на Корейском полуострове, помимо того, о чем упомянуто выше, приходится учитывать России? Важно, например, что руководящие российские ведомства вспомнили: Корея — наш сосед, с которым российские дальневосточные регионы имеют общие сухопутные и морские границы. Изменить эту геополитическую реальность вряд ли возможно, хотя из Европейской части России, в частности из Москвы, она порой видится иначе, чем во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске или Южно-Сахалинске.

Для сегодняшнего дня характерна и другая особенность. Исходя из предшествующего опыта, есть возможность более точно определить, в состоянии ли нынешняя Россия расхотать свой политический и экономический потенциал, подключаясь к решению проблем Корейского полуострова. Даст ли нам ещё большая активность или наоборот пассивность в этих вопросах преимущества в международном плане. Имеется ли понимание того, что даже в случае эволюционного пути развития и постепенного мирного сближения Севера и Юга складывающаяся обстановка может потребовать и от них самих и от стран-соседей, естественно, и от России - принятия неординарных решений, со звучных изменившимся реалиям?

При оценке российских устремлений и действий на этих направлениях будет не лишним учитывать опыт и позиции стран, проявляющих сейчас повышенный интерес к полуострову, и прежде всего то, как выстраивают здесь свою практическую линию Китай и США.

Оценивая их действия, можно предположить, что американцы, и тем более, китайцы умеют смотреть вперед и предугадывать варианты действий на период, когда правящие политические элиты Севера и Юга будут созреть для устойчивого сближения. Имея надежные позиции в обеих частях полуострова, Пекин и Вашингтон в перспективе смогут обоснованно рассчитывать на благоприятное к себе отношение в случае, если Пхеньян и Сеул двинутся по пути к полному упорядочению межкорейских отношений, а в перспективе к медленному или спонтанному воссоединению страны. Такие надежды будут подкрепляться для Вашингтона продолжением военного присутствия на Юге, а для Пекина ставшими привычными связями с обеими корейскими столицами, где, без сомнения, и в последующем какое-то время будут функционировать

влиятельные политические группировки, способные порознь или совместно оказывать соответствующее влияние на внешнеполитический курс будущей объединенной или на первых порах "полуобъединенной" Кореи.

Как кажется, в российских общественных и политических кругах сегодня возобладало мнение, что страны, которые расположены по периметру российских границ, в силу их географического положения не могут долго оставаться вне сферы внимания российской политики. Для России не безразлично, насколько стабильна там ситуация, причем не просто "ситуация вообще", но такая, которая обеспечивала бы развитие добрососедских, а отнюдь не враждебных, антироссийских настроений. Это вполне применимо и к отношениям с Севером и Югом Кореи. Конечно, желательно, чтобы с учетом опыта, в том числе накопленного российскими ведомствами, укрепление взаимопонимания с двумя государствами Корейского полуострова происходило размеренно, без излишней спешки и суеты, но и без затяжек, которые в прошлом нередко возникали из-за внешних и внутренних российских проблем.

1. Независимая газета. 2000. 16 июня.
2. Korea Herald. March 4, 2000.
3. Нодон синмун. 2000. 21 июля.
4. Сегодня. 2001. 1 марта.
5. Известия. 2001. 2 марта.
6. Независимая газета. 2001. 1 марта.
7. Korea Now. May 25 2000.

Россия и безопасность в Евразии

Региональные режимы безопасности в Центральной Евразии на рубеже XXI века

© 2001

В. Петровский

Проблемы безопасности на евразийском геополитическом пространстве диктуют необходимость нормативно-дескриптивного подхода к евразийству, когда анализ традиций евразийской школы мышления сопровождается теоретическим осмыслением новой реальности, в том числе и в сфере международной безопасности. В данном контексте уместно расширительное толкование евразийского геополитического пространства, охватывающего, по сути дела, весь евразийский материк, на отдельные регионы и субрегионы которого проецируются интересы международной безопасности России.

В период после завершения "холодной войны" Евразия выступает своеобразным гигантским полигоном, на котором сосуществуют и взаимодействуют практически все известные ныне региональные режимы безопасности.

На фоне кризиса традиционных систем международной безопасности, подобных блоку НАТО, становится все более очевидной особая, центральная роль России в создании и развитии региональных режимов международной безопасности в Евразии, к числу которых относятся Договор о коллективной безопасности СНГ (ДКБ), Шанхайский Форум и зарождающийся механизм конструктивного стратегического партнерства России, Китая и Индии.

По канонам современной политической науки под международным режимом понимается набор сформулированных или подразумеваемых принципов, норм, правил и процедур принятия решений, воплощающих согласованную точку зрения государств - акторов применительно к той или иной сфере международных отношений. Принципы отражают понимание причинности, фактов и обязательности (честности). Нормы являются стандартами поведения, выраженными в понятиях прав и обязанностей. Правила являются конкретными указаниями к действию. Процедуры принятия решений отражают преобладающую практику совершения и исполнения коллективного выбора.¹

Международные режимы создаются не столько для централизованной реализации согласованных решений, сколько для создания атмосферы предсказуемости в международных отношениях, в условиях которой государства принимают решения по защите и продвижению своих национальных интересов с учетом интересов других государств, а также налаживают друг с другом взаимовыгодное сотрудничество.

Международные режимы устанавливают определенные стандарты поведения, которые помогают государствам оценивать намерения и репутацию друг друга и способствуют равноправному информационному обмену, тем самым увеличивая предсказуемость международного поведения.

Признавая, что международная стабильность может быть обеспечена асимметричным распределением комплексной национальной мощи, автор настоящей работы полагает, что концептуализация международных режимов возможна на основе интерпретации взаимодействия и взаимовлияния национальных интересов при учете системообразующей роли международного права и международных институтов, - применительно к конкретному региону (субрегиону) и конкретной сфере международных отношений.

Вопросы предсказуемости, доверия и равноценного обмена информацией выходят на первый план при конструировании международных режимов безопасности. При этом международные режимы не являются синонимом взаимности, а, скорее, укрепляют и институционализируют ее.² Существующие в рамках режима нормы и правила закрепляют согласованное понимание взаимности в той или иной сфере международных отношений и таким образом делигитимируют отступление от этих норм.

В основе структуры и функционирования международных режимов безопасности лежит диалектика баланса сил и баланса интересов в международных отношениях. Для государств-акторов международной системы (и потенциальных участников международных режимов) безусловным приоритетом и отправной точкой их практической политики является защита и продвижение интересов национальной безопасности.

Национальная безопасность определяется здесь как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз; положение страны, при котором ей не угрожает опасность войны либо иные посягательства извне на существование и независимое развитие, а также как состояние государства, позволяющее ему сохранять свою целостность и выступать самостоятельным субъектом международных отношений.³

Именно понимание интересов национальной безопасности определяет отношение того или иного государства к нормам международного права и международным режимам, которое варьируется от тотального изоляционизма до конструктивной вовлеченности. Как отмечал еще в 1939 г. Юджин Карр, *"международное право не может быть понято вне зависимости от политической основы, на которой оно покоится, и политических интересов, которым оно служит"*.⁴

Региональная безопасность есть составная часть всеобщей безопасности, относящаяся к тому или иному региону земного шара; состояние отношений между группой стран, при котором им не угрожает опасность войны или иное посягательство извне на существование, суверенное и независимое развитие. Региональная безопасность представляет собой систему, элементы которой связаны между собой как по вертикали (национальная, региональная, международная безопасность), так и по горизонтали (военная, политическая, экономическая, экологическая, гуманитарная и пр. безопасность).⁵

Еще в середине уходящего века классик политической науки Карл Дойч выделял амальгамированные (интегрированные) сообщества безопасности, которые характеризуются наличием общего механизма принятия решений и централизацией (НАТО, ОВД и пр.), и плюралистические сообщества безопасности, в которых многосторонний переговорный механизм заменяет формальную интеграцию. Причем если в годы "холодной войны" и биполярного проти-

востояния первый тип получил более чем достаточное развитие, плюралистические сообщества безопасности еще только зарождаются на региональном и субрегиональном уровне, требуя своей концептуализации.

В Евразии представлены все основные модели региональных режимов безопасности: общей безопасности (Common Security), коллективной безопасности (Collective Security) и безопасности на основе сотрудничества (Cooperative Security), каждая из которых, при наличии ряда общих черт, обладает отчетливо выраженной спецификой.

Концепция общей безопасности предусматривает подход к проблемам безопасности на основе взаимности и отказа от конфронтации; в ее основе лежит базисная посылка о преобладании общих интересов над индивидуальными. Концепция общей безопасности - скорее свод принципов, разработанных в области философии политики, нежели институционализированная система региональной безопасности. Базисные принципы общей безопасности включают в себя:

1) Отказ от использования военной силы как способа урегулирования международных конфликтов, и применение ее исключительно в целях самообороны.

2) Отказ от традиционной стратегии достижения военного преимущества над другими государствами.

3) Признание того, что безопасность государства не должна зависеть от уровня военной мощи.

4) Признание сокращения вооруженных сил и вооружения базовым принципом общей безопасности.

Концепция общей безопасности утвердилась как альтернатива традиционным представлениям о роли вооруженной силы в решении международных проблем, с осознанием бессмысленности и губительных последствий возможного применения ядерного оружия. С середины 80-х гг. она стала неотъемлемым элементом общеевропейского процесса, философской основой Хельсинкского акта и других важных документов и договоренностей, касающихся европейской безопасности.

Россия разделяет основные принципы общей безопасности и руководствуется ими в разработке и осуществлении своей внешней и оборонной политики. Как подчеркивается в *"Концепции национальной безопасности Российской Федерации"*,

"Объективно сохраняется общность интересов России и интересов других государств по многим проблемам международной безопасности, включая противодействие распространению оружия массового уничтожения, предотвращение и урегулирование региональных конфликтов, борьбу с международным терроризмом и наркобизнесом, решение острых экологических проблем глобального характера, в том числе проблемы обеспечения ядерной и радиационной безопасности"⁶.

Именно общность интересов и наличие общих угроз безопасности сближает Россию и ее соседей по евразийскому геополитическому пространству, заставляет их координировать свои усилия по отражению этих угроз.

В перечне новых, нетрадиционных угроз, противостояние которым становится для России и ее евразийских соседей насущной задачей дня, особое место занимает международный терроризм, мотивированный исламским фундаментализмом и экстремизмом. Не случайно Россия, осуществляющая нелегкую антитеррористическую операцию в Чечне и подвергающаяся за это нелицеприятной критике на Западе, находит понимание своей позиции на Востоке.

В частности, действия России в Чечне нашли понимание и поддержку в Китае. Ведь выступления сепаратистов в Синьцзян-Уйгурском автономном районе зачастую принимают форму террористических вылазок. Проведенный в 1999 г. социологический опрос в семи крупных городах КНР показал, что 88,4% китайцев осуждают "дипломатическое наступление" против России в связи с антитеррористической кампанией в Чечне. 87,6% опрошенных отметили, что чеченские бандформирования под предлогом решения межнациональных противоречий ведут сепаратистскую деятельность, используя террористические методы; 80,6% высказались за укрепление международного сотрудничества в борьбе с терроризмом и религиозным экстремизмом⁷.

Более того, по данным российской печати в боевых действиях на стороне чеченских сепаратистов участвуют десятки уйгурских наемников – граждан КНР. Отличились уйгурские боевики и в ходе крупномасштабных вооруженных вылазок против правительственных сил в Узбекистане и Киргизии летом 1999 г. Уйгуры, проживающие в китайском Синьцзяне, все активнее вовлекаются в деятельность радикальных исламских группировок, стремящихся дестабилизировать ситуацию в Средней Азии и мусульманских районах России.

В апреле 2000 г. в пакистанском Пешаваре состоялась "сходка" узбекских, таджикских, уйгурских и чеченских боевиков с участием более 100 главарей террористических группировок, обсуждавших программу совместных действий на ближайшую перспективу. Нельзя не согласиться с мнением обозревателей о том, что "Если талибам и уйгурским боевикам удастся прорваться в долину (Ферганскую – В.П.), то Россия рискует захлебнуться в потоке наркотиков, беженцев и импорта преступности ... Чтобы обезопасить свои южные границы, Россия, как и сто лет назад, должна оставаться в уйгурском вопросе союзницей Китая"⁸.

Нелегальная транспортировка и оборот наркотиков – также одна из нетрадиционных и наиболее опасных угроз для России и ее евразийских соседей. По мере того, как международная наркомафия пытается все более активно использовать Россию как объект наркотизации и транзита "тяжелых" наркотиков из Европы в Юго-Восточную Азию, распространение наркотиков через регионы, граничащие с Центральной Азией и Северным Казахстаном, становится для России подлинно национальным бедствием.

Как отмечается в специальном аналитическом докладе Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) "*Наркомания в России: угроза нации*", если первый вал наркотиков из Афганистана обрушился на территорию СССР еще в период афганской войны, то к настоящему времени уже сложилась мощная, хорошо отлаженная сеть поставок героина и опиума с территории Афганистана, где их производством занято несколько десятков тысяч человек.

Основной поток наркотиков идет через Таджикистан, границу с которым полностью закрыть невозможно. Находящиеся в Таджикистане российские пограничники по ряду объективных причин не могут полностью перекрыть наркотрафик, хотя делают для этого все возможное. По данным Федеральной пограничной службы, на таджикско-афганской границе задерживалось не более 5-10% направляемых в Россию или через нее наркотиков (ежегодный объем – около полутора тонн)⁹.

К 1999 г. более 75% мирового производства опиатов шло из Афганистана – в основном через Россию и страны Центральной Азии. Это составляет 4600 метрических тонн опиума – в два раза больше по сравнению с 1998 г.¹⁰ Только в октябре 2000 г., по данным агентства Интерфакс, российские погра-

ничники изъяли на юго-восточных участках границы Таджикистана более тонны сильных наркотиков.

Поскольку 65% наркотиков из Афганистана переправляется через Центральную Азию, наиболее привлекательными для мировой наркомафии стали границы Туркменистана, Узбекистана и Таджикистана. Однако в Россию афганские наркотики в больших объемах могут попасть только через Казахстан. По данным МВД РФ, 93% марихуаны, 85% гашиша и 78% опиума поступают в Россию через территорию Казахстана.

По мнению экспертов, особую опасность для стран СНГ представляет тесная связь наркомафии талибов с рядом экстремистских группировок, целью которых является дестабилизация и свержение законных режимов в ряде постсоветских государств. Эти группировки имеют тесные связи с афганскими и чеченскими "полевыми командирами". При помощи средств от наркоторговли финансируются планы новых террористических вылазок, направленных на изменение существующего порядка в регионах Центральной Азии и Кавказа¹¹.

Концепция коллективной безопасности является наиболее разработанной в теоретическом и практическом плане. Под коллективной безопасностью традиционно подразумевается система межгосударственного сотрудничества, при которой акт агрессии против одного из участников расценивается как агрессия против всей системы. В отличие от альянсов и коалиций, создающихся для защиты от потенциального внешнего агрессора, коллективная безопасность может быть направлена "вовнутрь", против того из участников системы, кто может решить прибегнуть к агрессии.

Как считал Х. Моргентхау, коллективная безопасность представляет собой "идеальное решение проблемы применения закона в сообществе независимых наций"¹². При этом система коллективной безопасности может функционировать лишь в том случае, если она действительно направлена против любой страны-агрессора, будь то противник или союзник.

Характерные особенности систем коллективной безопасности можно определить следующим образом:

- беспрецедентный масштаб универсальности, включая требования необходимых действий от каждого члена системы;¹³
- автоматизм применения санкций в случае необходимости;
- приверженность членов системы статус-кво и отсутствие разногласий в понимании агрессии и необходимости реагировать на нее.¹⁴

Однако система коллективной безопасности (как ее идеальная модель, так и различные варианты практического воплощения, включая Договор о коллективной безопасности СНГ) все же не идеальна. Существует, например, т.н. проблема коллективного действия, которая состоит в том, что создание систем коллективной безопасности, особенно в мирное время, побуждает многие государства пользоваться преимуществами участия в них, не неся соответствующих затрат (в прямом и переносном смысле).

Очевидная проблема заключается и в том, что реакция на агрессию в рамках системы коллективной безопасности неизбежно замедляется. Хотя теория коллективной безопасности и предусматривает меры превентивной дипломатии в урегулировании назревающего конфликта, механизм военного реагирования на акт агрессии в рамках системы не отработан.¹⁵

В отличие от военных союзов, для членов которых общий противник четко определен, существуют заранее разработанные планы мобилизации и развертывания вооруженных сил и пр. - участники системы коллективной без-

опасности нуждаются в дополнительном времени для координации своих усилий по отражению агрессии.

Упор на коллективные действия по отражению агрессии принижает значение одностороннего реагирования на агрессию, которое может быть менее мощным, но более оперативным. Преимущества многосторонности - большая мощь при меньшей гибкости. С этой точки зрения, эффективность военных союзов находится где-то посередине.

Преимущества систем коллективной безопасности заключаются не только в том, что они более эффективно противостоят агрессии, но и в том, что они в целом укрепляют международное сотрудничество и доверие (тем самым делая агрессию менее вероятной).

Россия и ее партнеры по Содружеству Независимых Государств, объединившиеся в 1992 г. в Договор коллективной безопасности (ДКБ), полностью испытали на себе все вышеупомянутые преимущества и недостатки системы коллективной безопасности. ДКБ выдержал эти испытания и пришел к рубежу веков усовершенствованным и окрепшим.

"Военная доктрина Российской Федерации" придает приоритетное значение укреплению системы коллективной безопасности в рамках СНГ на основе развития и укрепления ДКБ. Более того, Доктрина предусматривает, в рамках Договора, более тесные отношения России с Республикой Беларусь, включая проведение совместной оборонной политики, координацию деятельности в области военного строительства, развитие вооруженных сил государств-участников Союзного государства, использование военной инфраструктуры и иные меры по поддержанию обороноспособности Союзного государства¹⁶.

Важным этапом в развитии ДКБ, который в настоящее время объединяет Армению, Беларусь, Казахстан, Киргизию, Россию и Таджикистан, явилась проведенная в мае 2000 г. в Минске сессия Совета коллективной безопасности (СКБ) государств - участников Договора. В ней приняли участие президенты, министры иностранных дел и обороны, секретари Советов безопасности государств-участников.

По мнению генерального секретаря СКБ В. Д. Николаенко, важнейшим из принятых на сессии документов явился *"Меморандум о повышении эффективности Договора о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г. и его адаптации к современной геополитической ситуации"*, который предусматривает:

- меры по активизации деятельности межгосударственных органов ДКБ;
- совершенствование механизма обмена информацией и консультаций на высоком уровне;
- формирование региональных подсистем коллективной безопасности;
- усиление координации по совместному противодействию новым вызовам и угрозам национальной, региональной и международной безопасности;
- создание при СКБ консультативного механизма по проблемам миротворческой деятельности;
- формирование, в соответствии с национальным законодательством государств-участников, коллективных миротворческих сил быстрого реагирования.¹⁷

Как отмечалось в *"Заявлении глав государств-участников Договора о коллективной безопасности"*, адаптация ДКБ к современным геополитическим условиям является серьезным шагом по формированию эффективной системы международной безопасности в Европе и Азии. На сессии были одобрены также *"Положение о порядке принятия и реализации коллективных решений на*

применение сил и средств системы коллективной безопасности” и “Основные положения коалиционной стратегии”.

Принципиально важным является то, что государства-участники ДКБ не проводят разграничительных линий ни в отношении других государств СНГ, ни в отношении других военно-политических организаций и союзов, с которыми они готовы развивать военное сотрудничество по противодействию общим вызовам и угрозам¹⁸. Принципиально открытый характер ДКБ оставляет возможность и для установления партнерских отношений с НАТО, что будет способствовать укреплению стабильности в Евразии на макроуровне и развитию трансрегиональных режимов международной безопасности.

Одно из наиболее перспективных направлений работы СКБ – создание консультативного механизма по проблемам миротворческой деятельности и формированию коллективных миротворческих сил быстрого реагирования. Государства-участники ДКБ явно извлекли уроки из неоднозначного опыта миротворческой деятельности СНГ на центрально-азиатском направлении.

Уместно напомнить, что в 1993 г. Совет глав государств – членов СНГ принял решение о проведении первой миротворческой операции СНГ в Таджикистане силами Казахстана, Киргизии, России и Узбекистана. Однако парламент Казахстана не ратифицировал это решение, и в Таджикистане были размещены миротворческие контингенты трех государств, основу которых составила российская 201-я мотострелковая дивизия. Общая численность контингента составила 7000 человек (вместо 16 000 чел. по решению Совета глав государств СНГ).

В 1995-1997 гг. Киргизия в одностороннем порядке вывела из Таджикистана свой миротворческий батальон, мотивируя это отсутствием средств на его содержание. В 1998 г. этому примеру последовал Узбекистан¹⁹. Так отсутствие действенного механизма координации свело на нет идею многосторонней миротворческой операции, породив на Западе волну критики в отношении “одностороннего вмешательства” России в дела Таджикистана.

Состоявшийся в октябре 2000 г. Бишкекский саммит СКБ придал военной интеграции в рамках Договора новый импульс. На саммите было принято решение о разработке положения и плана формирования коллективных сил государств-участников ДКБ. Таким образом, СКБ становится реальным инструментом обеспечения безопасности стран-участниц: формируются принципы построения региональных подсистем безопасности в Центральной Азии, европейской части СНГ и на Кавказе; совершенствуется правовая база и зарождаются механизмы построения коалиционных сил быстрого реагирования.

Помимо наращивания военной составляющей СКБ, форсируется военно-техническое сотрудничество государств-участников ДКБ. Согласно подписанному в июне 2000 г. Соглашению об основных принципах военно-технического сотрудничества (ВТС), страны-участницы Договора будут поставлять друг другу вооружение и военную технику по отпускным ценам для собственных армий, что позволит почти в два раза удешевить оснащение коалиционных войск современными видами вооружения и станет дополнительным стимулом для вступления в ДКБ других стран Содружества²⁰.

Концепция безопасности на основе сотрудничества во многом сходна с концепцией общей безопасности. Безопасность на основе сотрудничества часто определяется как дипломатическое сотрудничество между государствами в области обеспечения безопасности.²¹ В то время, как традиционные концепции баланса сил рассматривают в основном возможные действия государств в ус-

ловиях военной конфронтации, концепция безопасности через сотрудничество акцентирует роль превентивной дипломатии и мер военно-политического доверия, т.е. налаживание регулярных каналов межгосударственного диалога по вопросам безопасности, выработку механизма консультаций и принятия решений и пр.

Если в рамках системы коллективной безопасности государства объединяются против общего возможного (или действительного) агрессора, то концепция безопасности на основе сотрудничества исходит из принципа общего участия, при котором наличие формальных институтов является необязательным, а поддержание неформального диалога представляется более уместным и эффективным.

С точки зрения военного планирования, безопасность на основе сотрудничества также предполагает упор не на подготовку противодействия угрозам (сдерживания агрессии), а на разработку превентивных мероприятий, резко снижающих вероятность вооруженного конфликта и потенциальные разрушительные последствия его развязывания.

Примером режима безопасности на основе сотрудничества в Евразии может служить Шанхайский Форум. Зарождение этого режима можно отнести к апрелю 1996 г., когда представители КНР, Киргизии, Казахстана, России и Таджикистана подписали в Шанхае Соглашение "Об укреплении мер доверия в военной области в районе границы", в соответствии с которым была определена зона транспарентности и военного доверия на 100 км по обе стороны бывшей советско-китайской границы.

Через год, в апреле 1997 г., в Москве, в развитие Шанхайского договора, было подписано соглашение "О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы". Документ предусматривал меры по сокращению личного состава, ограничению определенных категорий вооружений и военной техники (ВВТ), а также устанавливал предельные уровни вооруженных сил стран-участниц в районе границы.

Третья встреча участников "Шанхайской Пятерки" состоялась в июле 1998 г. в Алма-Ате. Стороны обсуждали создание системы безопасности в регионе и распространение опыта пятерки на весь Евразийский континент, а также всестороннее развитие экономического и транспортного сотрудничества. К этому времени началась активная работа нескольких рабочих групп по проработке предложений в указанных областях.

Постепенно "Шанхайская Пятерка" превращалась в постоянно действующий на рабочем уровне многосторонний форум, работа которого оказывала внешне не столь заметное, но ощутимое влияние на безопасность в Евразии. В рамках рабочих групп был подготовлен проект безъядерной зоны в Центральной Евразии, начато обсуждение проектов трансграничного сотрудничества, совместной борьбы с международным терроризмом, организованной преступностью и наркотрафиком.

Разработка проекта безъядерной зоны в Центральной Евразии представляет в этом контексте особый интерес. В апреле 1998 г. созданная в Бишкеке экспертная группа приступила к работе над проектом Договора о создании безъядерной зоны. Эта работа была продолжена на заседании экспертов в феврале 1999 г. в Ташкенте. Так, идея безъядерной зоны в регионе из политической декларации была переведена в плоскость подготовки к ее практической реализации²².

Участники четвертого саммита "Шанхайской Пятерки" в августе 1999 г. в Бишкеке приняли совместную декларацию, в которой отмечалась:

▪ важность эффективного противодействия международному терроризму, незаконному обороту наркотиков, контрабанде оружия, нелегальной миграции и другим формам трансграничной преступности, проявлениям национального сепаратизма и религиозного экстремизма;

▪ решимость не допускать использования территории своих стран для организации деятельности, наносящей ущерб суверенитету, безопасности и общественному порядку любого из пяти государств;

▪ поддержка усилий стран Центральной Азии по созданию зоны, свободной от ядерного оружия, а также продвижение инициативы Казахстана о созыве совещания по взаимодействию и мерам доверия в Азии;

▪ констатация того, что многополярность является общей тенденцией развития современного мира и способствует долговременной стабильности международной обстановки²³.

“Шанхайская Пятерка” последовательно декларировала свою открытость и ненаправленность против интересов третьих государств. Не случайно этот принцип лежит и в основе стратегического конструктивного партнерства между КНР и РФ. Как отмечал Президент России Б.Н. Ельцин, оценивая итоги Бишкекского саммита: “Мы ... не намерены превращать те многосторонние региональные и субрегиональные объединения, в состав которых входят Россия и КНР, в блок или альянс, противостоящий кому-либо. В полной мере это относится и к “пограничной пятерке”. Пусть на этом примере другие поучатся у нас объединению не против кого-то, а в интересах друг друга”²⁴.

В декабре 1999 г. в Бишкеке состоялась встреча руководителей правоохранительных органов стран “пятерки” для обсуждения координации совместной деятельности по противодействию международному терроризму и организованной преступности в Центральной Азии, включая обмен информацией, проведение работы по сближению законодательной базы своих стран и проведение совместных операций. Было принято решение о создании постоянно действующей “Бишкекской группы” по координации правоохранительной деятельности стран “пятерки”.

На российско-китайской встрече в верхах в декабре 1999 г. отмечалась целесообразность проведения регулярных заседаний тематических рабочих групп, а также встреч министров иностранных дел и обороны, а также председателей правительств стран “Шанхайской Пятерки” для обсуждения вопросов многостороннего взаимодействия в области экономики, политики и региональной безопасности²⁵.

Наконец, в июле 2000 г. на саммите в Бишкеке Шанхайская Пятерка была переименована в Шанхайский Форум, что закономерно отразило эволюцию этого многостороннего консультативного органа, который приобрел законченные черты многостороннего режима безопасности. Как подчеркнул в своем выступлении на саммите Президент Путин, за прошедшие годы тематика обсуждений вышла далеко за рамки трансграничного сотрудничества. Форум стал существенным фактором стабильности в регионе и оказывает серьезное влияние на международную обстановку. Россия поддержала инициативу выделения специальных координаторов для организации работы Форума, а также идею проведения в его рамках встреч руководителей правительств стран-участниц²⁶.

Как отмечается в Душанбинской декларации, многополярность приобретает “определяющее значение в складывающейся архитектуре нового мирового порядка и является позитивным фактором стабильности международной обстановки”. Подписавшие Декларацию решительно выступили против “не-

санкционированного Советом Безопасности ООН применения в международных отношениях военной силы или угрозы ее применения". Они обязались продолжить оказание "соразмерной помощи странам, чьи территории подвержены опасности использования во враждебных целях международными экстремистскими и террористическими силами"²⁷.

Шанхайский Форум, будучи гибкой и перспективной формой международного экономического режима и режима безопасности, имеет неплохие перспективы географического расширения в Евразии и за ее пределами. Присоединиться к его работе в той или иной форме уже изъявили желание Индия, Монголия и Иран.

Прообраз нового режима безопасности в Евразии – значительно менее формализованного и более гибкого – "стратегический треугольник" Россия-Индия-Китай. Его основой являются отношения конструктивного стратегического партнерства, которые Россия установила за последние годы с Китаем и Индией на двустороннем уровне. Предложение о возможности многосторонней координации политики в рамках "треугольника" была высказана в конце 1998 г. премьер-министром России Евгением Примаковым. Вызвав неоднозначные суждения в среде политиков, ученых и общественности, эта идея, тем не менее, необратимо вошла в научный и политический обиход. Если этот "треугольник" сложится, то появятся шансы уравновесить соотношение сил с США.

Инициатива, которую выдвинул Е.М. Примаков, находясь в 1998 г. с визитом в Дели, включает две составляющие. Одну из них можно определить как эмоциональную или политическую метафору. Предложение о создании стратегического треугольника последовало сразу же после известий о бомбардировках Ирака, и потому заявление российского руководителя выглядело как призыв к укреплению основ многополярного мира, которые были поколеблены односторонней акцией США и Великобритании.

Идея "стратегического треугольника" стала еще более актуальной с началом агрессии НАТО против Югославии. Не случайно премьер-министр Индии Атал Бихари Ваджапай подчеркнул, что правительство его страны изучает предложение о создании стратегической оси Москва – Нью-Дели – Пекин именно в этом контексте²⁸. А премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи отметил, что создание "стратегического треугольника" способствовало бы укреплению традиционно дружественных отношений между Россией, Китаем и странами Южной Азии, в особенности улучшению отношений между КНР и Индией²⁹.

Можно и нужно говорить о разных трактовках этой идеи. Здесь возникает ассоциация с небезызвестными треугольниками, многоугольниками и стратегическими альянсами, которые возникали в 60-х-70-х гг. и в Азии, и в других регионах мира. Думается, что Е.М. Примаков вкладывал несколько иной смысл в подобную концепцию. Фактически было предложено усилить стратегическое взаимодействие трех стран на уровне координации политики, придав "треугольнику" функции многостороннего переговорно-консультационного механизма с элементами трансрегионального режима безопасности.

Стратегический интерес России, если говорить о "стратегическом треугольнике", заключается в поддержании стабильности на региональном уровне, что невозможно без стратегического взаимодействия с такими странами, как Китай и Индия. Когда мы говорим о подобного рода треугольнике, это означает гибкое по форме, многоуровневое стратегическое взаимодействие по поддержанию региональной стабильности. По сути дела, речь идет о поддержании ста-

бильности и безопасности на гигантском Евразийском континенте, - и здесь взаимодействие этих трех стран просто трудно переоценить.

Что же позволяет автору утверждать, что идея "стратегического треугольника" - нечто большее, чем политическая метафора? По меньшей мере, следующие соображения:

во-первых, именно "стратегический треугольник" Россия-Индия-Китай помог бы спасти и вывести на новый виток развития региональный режим ядерного нераспространения. После проведения ядерных и ракетных испытаний в Индии и Пакистане стало очевидным, что режим нераспространения, основанный на Договоре о нераспространении (ДНЯО), инспекциях МАГАТЭ, позитивных и негативных гарантиях безопасности со стороны ядерных держав (и сам статус пяти ядерных держав в его нынешнем виде) - перестают служить надежной гарантией подлинного нераспространения. Консультации по вопросам ядерного нераспространения в рамках треугольника могли бы усилить региональный аспект режима нераспространения и тем самым ядерное нераспространение на глобальном уровне;

во-вторых, согласованные усилия России, Индии и Китая могли бы укрепить режимы транспарентности и меры доверия, включая, в частности, например Регистр ООН по обычным вооружениям, приграничные меры доверия и пр. Здесь уже накоплен значительный опыт, включая, в частности, пятисторонние соглашения о мерах доверия и сокращении вооруженных сил. Индия и КНР закупают значительное количество российского вооружения и боевой техники (более 80% общего объема ВТС), что дает российской стороне основания ставить и эти вопросы, касающиеся баланса сил в регионе;

в-третьих, агрессия НАТО в Югославии актуализировала вопрос о необходимости ускорения реформы ООН, которая была фактически проигнорирована Западом в ходе кризиса. На первый план выходит реформирование Совета Безопасности ООН, включая расширение состава его постоянных членов за счет ведущих региональных держав - центров силы. Индия - наиболее вероятный кандидат в ряду этих стран, и от позиции РФ и КНР как постоянных членов Совета Безопасности здесь многое зависит.

Практика международных отношений покажет, сложится ли стратегический треугольник Россия-Индия-Китай в эффективный механизм защиты становящегося многополярного мира или опять победит национальный эгоизм, основанный на примитивном силовом и блоковом мышлении. Думается, что российская дипломатия может и должна приложить умение и силы к тому, чтобы возобладало первое направление.

Именно оно может стать магистральным для укрепления международной безопасности на гигантских евразийских просторах - строительство региональных режимов безопасности на основе открытости, предсказуемости, гармонизации национальных интересов и межцивилизационного диалога.

1. Keohane, Robert O. *After Hegemony. Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton University Press, 1984. P. 57.
2. *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. David A. Baldwin, Ed. New York, 1993. P. 140.
3. Политологический словарь. Под ред. Мигولاتьева А.А. М., Луч: 1994. Ч. I. С. 36.
4. Carr E.H. *The Twenty Years Crisis. 1919-1939: An Introduction to the Study of International Relations*. London, 1939. Цит. по: *Neorealism and Neoliberalism: The Contemporary Debate*. P. 270.

5. Политологический словарь. Под ред. Мигولاتьева А.А. С. 38-41.
6. Российская газета. 2000. 18 января. С. 3.
7. Коммерсант. 1999. 18 ноября. С. 10.
8. Эксперт. 2000. 28 августа. № 31. С. 35, 37.
9. Наркомания в России: Угроза нации. Аналитический доклад. Совет по внешней и оборонной политике. М., 1998. С. 5.
10. Независимая газета. 2000. 20 апреля. С. 5.
11. Век. 2000 г. № 36. С. 5.
12. Hans J. Morgenthau, *Politics among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 6th Ed. New York, 1985. P. 315.
13. Необходимо различать в данном случае универсальность (особенности строения системы и приверженность участников ее правилам) и глобальность (географический охват).
14. Mark T. Clark. *The Trouble with Collective Security //Orbis*. Spring 1995. P. 240-241.
15. Op. cit. P. 243.
16. Российская газета. 2000. 25 апреля. С. 5.
17. Независимая газета. 2000. 21 июня. С. 5.
18. Содружество НГ. № 8. Независимая газета. 2000. 27 сентября. С. 9.
19. Красная звезда. 1999 г. 23 марта.
20. Независимая газета. 2000 г. 19 октября. С. 5.
21. Lee Min-Yong. *Building Security Regimes in Northeast Asia //The Journal of East Asian Affairs*. Vol. IX. # 1. 1995. P. 72.
22. *Eurasian Studies*. Summer 1999. # 15. P. 59.
23. Сегодня. 1999. 26 августа.
24. Российская газета. 1999. 25 августа.
25. Там же. 1999. 11 декабря.
26. Российская газета. 2000. 6 июля.
27. Там же. С. 1, 7.
28. ИТАР-ТАСС. 1999. 28 марта.
29. Там же. 1999. 25 февраля.

Что мешает достижению согласия между Токио и Пекином

© 2001

А. Семин

В последнее десятилетие истекшего века отношения между Японией и Китаем получили развитие практически во всех областях. Сотрудничество в торгово-экономической сфере и ускоренно расширяющиеся гуманитарные обмены дополнились политическим диалогом. Обрели регулярный характер контакты высшего руководства, стали чаще встречаться представители военных ведомств двух стран. Но тенденция, которая, казалось, свидетельствовала о постепенном установлении взаимопонимания, не привела к сближению политических позиций Токио с Пекином. Начавшись довольно активно, движение сторон навстречу друг другу вскоре замедлилось. Хотя в новый век они вошли, декларировав установление партнерских отношений, прочная основа для этого так и не возникла. Все последние встречи в верхах проходили неровно и имели малозначительные результаты. Топтание на месте в переговорах так или иначе связано с нерешенностью проблем послевоенного урегулирования. О главных из них пойдет речь ниже.

Территориальный спор о принадлежности островов Сенкаку (Дяюйдэо). Острова Сенкаку (китайское название Дяюйдэо) расположены в Восточно-Китайском море в 420 км к западу от японской Окинавы, 420 км от китайского порта Фучжоу и в 190 км к северо-востоку от тайваньского порта Цзилун. Острова необитаемы, среди них три относительно крупных, общей площадью 6,3 кв. км. Самый большой - Уодзуридзима, два почти равных по площади - Китакодзима и Минамикодзима.

История принадлежности островов весьма запутана. Впервые они упоминаются в китайских хрониках XIV в. как принадлежавшие Китаю в составе королевства Рюкю (ныне префектура Окинава). В начале XVII в. Рюкю было захвачено японскими самураями с острова Кюсю. Но в период правления в Китае династии Цинь (1644-1911) Сенкаку были включены в китайскую провинцию Тайвань. По условиям Симоносекского договора 1895 г., после войны с Китаем Япония получила Тайвань вместе с Пэнхуледао и Дяюйдэо (Сенкаку). Последние административно вошли в префектуру Окинава. Согласно Сан-Францисскому мирному договору 1951 г., Япония отказалась от территорий, захваченных в результате агрессии, в том числе от Тайваня, но не от Сенкаку. На последние, в составе японской Окинавы, до 1972 г. распространялись права опеки США. Некоторое время американцы использовали острова в качестве артиллерийского полигона. В 1968 г. появились первые сообщения об обнаружении на шельфе Сенкаку запасов нефти.

В июне 1971 г. было подписано японо-американское соглашение о передаче Японии прав на острова Рюкю (Окинава). Острова Сенкаку были включены в перечень переданных Японии территорий, которая с того времени осуществляет над ними контроль. Согласно другому соглашению, подписанному в тот период, Япония взяла на себя ответственность за оборону островных территорий. К концу 1972 г. на Окинаве был размещен контингент японских сил самообороны, а акватория, прилегающая к Сенкаку, стала патрулироваться кораблями и самолетами береговой охраны Японии.

Первый территориальный спор вокруг Сенкаку возник в 1971 г. Примечательно, что инициатива принадлежала Тайбэю, сделавшему в июне 1971 г. официальное заявление о своих правах на острова. В декабре того же года с аналогичным заявлением выступил Пекин. В ответ на эти шаги в марте 1972 г. свою позицию обозначил Токио¹. Мотивировка суверенных прав на острова у Тайваня и КНР была одинаковой: исторически и географически Сенкаку всегда считались частью провинции Тайвань². При этом делались ссылки на китайские "Хроники XIV века". Япония сочла обращение к истории неубедительным и выдвинула свои аргументы: после включения Сенкаку в состав Рюкю (Окинава) возражений ни от одной страны не возникало; острова не включались в перечень территорий, от которых Япония отказывалась по Сан-Францисскому мирному договору³. Характерно, что в этом споре с самого начала Вашингтон занял "нейтральную" позицию, отнеся разрешение проблемы целиком к заинтересованным странам. Позднее эта позиция была официально подтверждена государственным департаментом США⁴.

При подписании японо-китайского Совместного коммюнике о восстановлении двусторонних отношений в 1972 г. КНР не заявляла о правах на Сенкаку. Но подписание в 1978 г. японо-китайского Договора о мире и дружбе было отмечено инцидентом: китайцы организовали в районе островов своеобразную демонстрацию, задействовав в ней до 140 судов, включая джонки. Таким образом претензии были обозначены, после чего Дэн Сяопин во время пребывания в Токио заявил, что спор о принадлежности островов замораживается. Он подчеркнул: "Пусть всегда будет так, как сейчас. Япония может владеть островами 20-30 лет."⁵ Другими словами, часовой механизм этой "мины замедленного действия" с 1978 г., возможно, уже включен, о чем японцы не забывают. Тем более, что об этом напоминают и периодически возникающие инциденты.

В середине 90-х гг. территориальный спор вокруг Сенкаку стал подогреваться интересами сторон в отношении якобы имеющихся в районе запасов нефти. Китай с 1993 г. стал импортером нефти, его зависимость от ее ввоза с каждым годом возрастала. Остроту ситуация обрела с решением Токио в 1996 г. ввести режим 200-мильной исключительной экономической зоны вокруг Японии. Этим дополнительно подтверждались японские права на Сенкаку. В отличие от относительной сдержанности официальных властей КНР на начальном этапе спора, на этот раз реакция китайской стороны была и шумной, и масштабной, в нее включились этнические китайцы в странах Юго-Восточной Азии. Осенью 1996 г. антияпонские демонстрации прошли на Тайване, в Гонконге, Макао. Создавались организации "защитников Дяоюйдао". Участники акций обратились к руководству КНР с призывом продемонстрировать Японии военную мощь. В Пекине было объявлено о создании "оперативной группировки сил, специально предназначенной для направления в случае необходимости в район Дяоюйдао"⁶. В Токио ряд наблюдателей в тот период высказывал мнение, что шумиха вокруг Сенкаку, объединившая на этнической основе различные политические силы, возможно, поддерживается теми, кто стремится заложить основы будущей "сферы Большого Китая".

Обострение конфликта вокруг Сенкаку дало повод для различных оценок, в том числе крайнего порядка. К примеру, шеф токийского бюро (а ранее пекинского) "Нью-Йорк таймс" Н.Кристофер высказывал мнение, что Китай в будущем может пойти на овладение островами силой. Свою точку зрения он мотивировал так. В китайском руководстве сильны позиции сторонников военного решения проблемы Тайваня, но это нереально из-за угрозы вмешательства США. С Сенкаку иначе: Япония вряд ли станет воевать из-за них, США - тем более, они не занимают определенной позиции по вопросу принадлежности островов, и поэтому из-за них американские вооруженные силы применяться не будут⁷.

Инцидент в конечном итоге был исчерпан сам по себе, не получив развития. Стало очевидным, что Пекин не собирается идти на резкое ухудшение отношений, но проблема не снята и может использоваться и в дальнейшем в качестве "дипломатической карты", в целях оказания давления на Токио, получения от него уступок на тех направлениях взаимодействия, которые будут представлять наибольшую актуальность.

То, что проблема сохраняется, подтвердили некоторые последующие события. Так, в мае 1999 г. японская пресса обеспокоенно сообщала о том, что китайские суда ведут геологоразведку, предположительно на нефть, на шельфе островов Сенкаку, в исключительной экономической зоне Японии⁸. В связи с этими действиями Токио предложил правительству КНР провести японо-китайские консультации по проблеме морского права. Но Пекин отказался, заявив о непризнании действия экономической зоны Японии. В Токио позиция Китая была расценена как стремление к утверждению суверенитета над Сенкаку де-факто. Высказывались мнения, что в связи с этим может возникнуть острая политическая проблема⁹.

Весной 2000 г. имел место очередной инцидент. Китайская сторона выдвинула официально требование снести на Сенкаку храмовое сооружение, возведенное "японскими националистами" в память о погибших на островах во вторую мировую войну японцах, и принять меры к исключению в дальнейшем подобных действий. Токио уклонился от ответа¹⁰.

О компенсации ущерба, нанесенного Японией Китаю в результате войны. Этот вопрос при нормализации двусторонних отношений в 1972 г., в которой и Токио и Пекин были крайне заинтересованы, не занимал сколько-нибудь значительного места. Китайская сторона отказалась от получения репараций, в ответ японская - проявила готовность оказывать КНР экономическую помощь. В Совместном коммюнике о восстановлении отношений правительство Японии заявило, что "полностью осознает ответственность за огромный ущерб, причиненный китайскому народу во время войны, и выражает в этой связи сожаление."¹¹ Но последующие события неоднократно подтвердили, что вопрос о компенсации военного ущерба не снят, а отложен, и через некоторое время Пекин начал периодически ставить его публично, обычно увязывая это с другими вопросами китайско-японских отношений. При этом проблема, не будучи очерченной каким-либо обоюдным соглашением (кроме вышеупомянутого Совместного коммюнике 1972 года, которого японцам казалось достаточно), имеет, очевидно, тенденцию к разрастанию. Об этом, в частности, говорит тот факт, что требование компенсации от Японии разделяет все больше китайцев. Так, согласно одному из недавних опросов общественного мнения в КНР, требование поддержали в 1999 г. 58% опрошенных, тогда как в 1995 г. их было 40%¹².

По японским, возможно, неполным, данным, в ходе войны в Китае в 1937-1945 гг. было убито около 10 млн. китайских жителей. 3 млн. человек рабоботали принудительно на японских оккупантов¹³. В начале 90-х гг. общий ма-

териальный ущерб от агрессии оценивался в Японии в 300 млрд. долл. В этой сумме 120 млрд. рассматривались в качестве ущерба, нанесенного государству (в 1951 г., при подписании Сан-Францисского договора, она составляла по оценке экспертов 50 млрд. долл.), а 180 млрд. - частным лицам¹⁴.

В 1992 г., в период подготовки визита в Китай императора Японии Акихито, вопрос о материальной компенсации Китаю за японскую агрессию неожиданно был поднят средствами массовой информации КНР и имел немалый общественный резонанс. На сессии Всекитайского собрания народных представителей даже обсуждался законопроект о выплатах Японией 180 млрд. долл. в порядке компенсации материальных претензий частных лиц. Проект не был принят, но дебаты вокруг этого вопроса в китайских общественно-политических кругах оказали негативное влияние на атмосферу подготовки исторического визита в Китай императора Японии - первого за весь период истории отношений двух стран.

В 1998 г., во время официального визита в Японию председателя КНР Цзян Цзэминя, данная проблема обозначилась вновь, получив новое толкование китайской стороны. Лидер КНР, в частности, заявил: "Япония виновна в гибели 35 млн. жителей и ущербе на сумму свыше 600 млрд. долл., огромных бедствиях, причиненных китайскому народу."¹⁵

Токио, испытывая постепенно нараставшую обеспокоенность, стремится избегать открытой полемики и продолжает придерживаться позиции, изначально занятой и официально подтвержденной в 1993 г.: "Обязательства Японии по военным репарациям в отношении всех стран, за исключением Северной Кореи, выполнены в соответствии с международными соглашениями."¹⁶ Но в условиях нажима, которому подвергается японская сторона, ряд экспертов в последнее время высказывает сомнение в правильности той позиции, которую Япония заняла с самого начала. Необходимо было, считают они, не замалчивать проблему, а обозначить ее и предложить Пекину вступить в официальные переговоры. Рано или поздно это все равно придется сделать, по мнению, например, профессора университета Кэйо Т.Ямада. Но при этом время работает не в пользу Японии¹⁷.

К вопросу о моральной компенсации. Здесь для японцев ясности ничуть не больше, чем с проблемой компенсации материальной. Условно в вопросе имеется как бы две стороны. Первая - неудовлетворенность Пекина выражением извинений официального Токио в связи с содеянным в результате агрессии против Китая, несмотря на то, что при нормализации японо-китайских отношений было документально зафиксировано признание Японией ответственности за причиненный ущерб китайскому народу и выражалось сожаление. В 90-е годы японская сторона неоднократно подтверждала "покаянную" позицию в заявлениях официальных лиц:

- в 1992 г. император Японии выразил "глубокое сожаление в связи со страданиями" китайского народа, вызванными войной, которую Япония вела в Китае;¹⁸

- в 1993 г. впервые официальным лицом - премьер-министром М.Хосокава - был публично признан "акт агрессии" Японии в отношении Китая;¹⁹

- в 1995 г. премьер-министр Т.Мураяма подтвердил в официальном заявлении, что "народы Китая и других азиатских стран стали жертвой агрессии и колониализма" со стороны Японии.²⁰

В 1998 г. вопрос был поднят вновь в связи с японо-китайской встречей на высшем уровне в Токио в ноябре, в которой участвовали председатель КНР Цзян Цзэминь и премьер-министр Японии К.Обути. В японской прессе появились предположения относительно того, какую форму "покаяния" хотела бы зафиксировать документально китайская сторона.

Как полагали, Пекин добивался, чтобы содержание соответствующего пункта в коммюнике было аналогичным тому, которое в октябре того же года было принято по итогам переговоров премьер-министра Японии К.Обути с президентом Южной Кореи Ким Дэ Чжуном. Там говорилось: "Касаясь японо-южнокорейских отношений в этом веке, премьер-министр К.Обути со смирением признает исторический факт того, что Япония нанесла огромный ущерб и страдания народу Южной Кореи в результате колониального правления, и заявляет о своем глубоком сожалении и искреннем извинении".²¹

Нежелание Японии пойти навстречу ожиданиям Пекина встретило весьма негативную реакцию Китая. Переговоры на саммите 1998 г. шли трудно, их итоги получили невысокую оценку наблюдателей. В прямой связи с ходом обсуждения указанной проблемы председатель КНР сделал ряд резких заявлений, он, в частности, подчеркнул: "Японии следует пересмотреть события войны и усвоить их уроки" и указал на "различие в понимании истории как на одну из главных проблем в японо-китайских отношениях".²²

Это "различие в понимании истории" (читай: военного прошлого), по-видимому, можно конкретно рассматривать как вторую сторону проблемы компенсации морального ущерба. Впервые в контактах с японской стороной Цзянь Цзэминь обозначил эту сторону в ноябре 1995 г. на встречах с премьер-министром Т.Мураяма, в ходе Осакаской конференции АТЭС. Китайский лидер подчеркнул тогда необходимость для Японии корректировки "неправильного понимания истории" в ответ, как посчитали наблюдатели, на очередной призыв к КНР прекратить ядерные испытания.²³

Военная тема, по объективным причинам, лишь ненадолго выпадала из поля зрения общественности двух стран. Обращение средств массовой информации к прошлому в условиях Японии порой подогревается стремлением политиков использовать "историческую картину" в конкретных политических целях. Это было заметно особенно в период 1994-1995 гг., когда ощущался повышенный интерес к теме в связи с 50-летием окончания второй мировой войны. Тогда в СМИ были опубликованы новые и забытые факты военного времени. Значительный, к примеру, резонанс вызвала огласка некоторых ранее неизвестных документальных свидетельств о деятельности на китайской территории и в других странах японского "отряда 731", который занимался чудовищными экспериментами над живыми людьми, производством и планированием применения бактериологического оружия.

С газетных полос обеих стран начиная с 1990 г. не сходит и тема оставленных японской армией с войны 1937-1945 гг. на территории Китая складов с химическими боеприпасами. По оценке официальных японских источников, насчитывается около 700 тыс. снарядов, по китайским данным - их 2 млн. 90% этих боеприпасов содержатся в подземных хранилищах в провинции Цзилинь. Согласно Конвенции о химическом оружии, вступившей в силу в апреле 1997 г., оно должно быть уничтожено в течение 10 лет²⁴. Япония признала необходимость принятия практических мер, с учетом реальной опасности, которую представляют химические снаряды для китайского населения. Оболочки снарядов разрушаются - и от утечек в атмосферу горчичного газа уже пострадало множество жителей, но процесс принятия практических мер за прошедшее десятилетие мало продвинулся вперед. В Китае побывали несколько групп японских экспертов, изучающих вопрос. В июне 1999 г. между двумя странами был подписан меморандум о сотрудничестве²⁵. Однако конкретных планов утилизации боеприпасов пока нет, главным образом в связи со сложностью технической стороны данной проблемы. И, естественно, сохраняется почва, как предполагают, надолго, для соответствующих настроений, прежде всего в Китае.

КНР в последние годы не раз получала поводы для официальных заявлений, протестов в адрес правительства Японии - то в связи с содержанием школьных учебников, "неправильно" освещающих события войны; то в связи с публичными выступлениями японских официальных лиц: в одном только 1994 г. это были министр юстиции С.Нагано, министр внешней торговли и промышленности Р.Хасимото, которые своими высказываниями на тему войны затрагивали чувства китайцев. Поводом для острой полемики в печати двух стран в 1998 г. стали комментарии, интервью и заявления очевидцев событий военного времени в Нанкине после выхода в США книги И.Чанг "Насилие в Нанкине - забытый холокост второй мировой войны". В августе 2000 г. китайское правительство фактически отказалось принять с визитом в согласованные сторонами сроки министра транспорта Х.Морита, который вызвал эту реакцию своим участием в ритуальном посещении вместе с некоторыми другими членами японского кабинета министров токийского храма Ясукуни, где находится мемориал тех, кто мировым сообществом признан военными преступниками. Другими словами, военное прошлое не только не преодолено в общественном сознании, но не устранено и из обращения в сфере политического взаимодействия Японии и Китая.

Тайваньская проблема. Она также своим происхождением связана с прошлым японо-китайских отношений. И остается по-прежнему актуальной, будучи увязанной отношениями Японии не только с Китаем, но и США, Тайванем, со стратегическими, оборонными и другими интересами страны. Возникнув как результат восстановления межгосударственных отношений с КНР (1972 г.), эта проблема с годами не утратила остроты. На данном этапе это объясняется, с одной стороны, постепенным ужесточением курса Пекина после решения вопроса с Гонконгом (1997) и Макао (1999) на конечное воссоединение с Тайванем, и стремлением китайского руководства получить в этом вопросе дипломатическую поддержку Токио, а с другой - постепенным расширением обязательств Японии в рамках союза с США по ведению военных действий в Тайваньском проливе в случае возникновения чрезвычайной ситуации, что, естественно, встречает негативную реакцию КНР. "Распространение на Тайваньский пролив японо-американского сотрудничества в области обороны нарушает суверенные права Китая"²⁶, - заявил в 1997г. министр обороны КНР Чи Хаотянь.

Японию со стратегической точки зрения, по-видимому, устраивает статус-кво Тайваня. Ее не может не беспокоить перспектива образования "Большого Китая", включающего КНР, Гонконг, Макао и Тайвань. Такая структура угрожала бы экономическим интересам Японии на азиатском рынке, как считают американские эксперты²⁷. Есть еще один аспект гипотетического присоединения Тайваня к Китаю в представлении японских аналитиков: если это произошло бы в условиях сохраняющегося недоверия между Японией и Китаем²⁸, остров мог бы стать базой китайских ВМС и у Китая появилась возможность блокирования жизненно важных коммуникаций Японии с Юго-Восточной Азией, Европой и с Ближним Востоком - главным источником японского нефтеимпорта. К тому же были бы облегчены условия для овладения КНР островами Сенкаку.

Япония сохраняет значительные интересы на Тайване, продолжает развивать с ним весьма широкие торгово-экономические и гуманитарные связи. После установления дипломатических отношений с КНР и разрыва их с Тайбэем была создана специальная организация - Ассоциация по отношениям с Восточной Азией, с 1992 г. она именуется Представительством Тайбэя по экономике и культуре. Наряду с Токио, представительские учреждения действуют в Осаке, Фукуоке и Иокогаме (в помещениях бывших консульских учре-

ждений Тайваня). Японские интересы на Тайване защищает Японо-тайваньское общество взаимобменом. Хотя тайваньское руководство не совсем удовлетворено возможностями неофициальных контактов, в целом двусторонние отношения в 90-х годах развивались очень активно, что особенно было заметно в области торговли.

В 1998 г. японо-тайваньский торговый оборот составил 36,2 млрд. долл., при экспорте 9,3 млрд. и импорте 27 млрд. долл. Кстати, как и с Китаем, у Японии с Тайванем проблемой является хронический торговый дефицит: в 1990 г. он был равен 7,6 млрд. долл., а в 1998 г. - 19,7 млрд. долл. До 1992 г. двусторонний товарооборот Японии с Тайванем был выше, чем с Китаем, но и позднее он продолжал расти, вплоть до рубежа 1996 г., когда начало сказываться ухудшение экономической ситуации в Японии²⁹.

До 1990 г. наблюдался и рост японских инвестиций на Тайване, достигавший почти 500 млн. долл. в год. Позднее приток японских капиталовложений сократился, при одновременном увеличении их в Китае, тем не менее он удерживался в 1992-1999 гг. на уровне 250 млн. долл. в год³⁰.

В 90-е годы, как и прежде, Тайвань привлекал многочисленных туристов, деловых людей из Японии. Одновременно нарастал туристический бум тайваньцев в Японию, и к началу 90-х гг. их общая численность превысила количество путешественников из США. В 1992 г. с Тайваня в Японии побывало около 700 тыс. туристов, из КНР - чуть более 100 тыс.³¹ К тому времени 156 рейсов в неделю выполняли две авиакомпании Тайваня и две - Японии. Заметим, что тайваньская сторона не использовала, в силу статуса отношений с Японией, такие основные японские международные аэропорты, как Нарита и Кансайский.

Необходимо подчеркнуть, что там, где речь идет о развитии деловых связей, Япония без больших проблем сочетает свою политику в отношении Китая и Тайваня. И такое положение может сохраниться надолго. Судя по всему, японский бизнес готов смотреть на Тайвань через призму перспективы образования единого экономического организма, куда вместе с Китаем, Гонконгом войдет и Тайвань.³²

Говоря о японских интересах на Тайване, сегодня безусловно приходится класть на чашу весов интересы Японии в Китае. К концу 90-х гг. они уже представлялись весьма серьезными, можно сказать - приоритетными. Но решающую роль в подходе Токио к вопросу о Тайване, являющемуся фактически составной частью японо-китайских отношений, играет учет позиции Соединенных Штатов. Именно они в состоянии гарантировать реализацию того или иного варианта решения тайваньского вопроса. А Япония, при этом, выступала бы в качестве заинтересованного, но все же зависимого партнера США по военно-политическому союзу. В этой ситуации говорить о вполне самостоятельном подходе Токио к тайваньской проблеме не приходится, обращает на себя внимание, что изначально этот подход лишен "прозрачности", что объясняется как внешнеполитическими, так и внутривнутриполитическими обстоятельствами. Примером является одно из принципиальных положений пересмотренных в 1997 г. Основных направлений японо-американского сотрудничества в области обороны, касающееся Тайваня. Очевидное включение Тайваньского пролива в сферу действия японо-американского договора безопасности вызвало озабоченность в Китае и некоторых других странах Восточной Азии. Ответом были неясные разъяснения японских чиновников разного уровня, только добавившие беспокойства соседям Японии.

Свое стремление избегать публичных заявлений по Тайваню японские представители часто объясняют тем, что Япония, отказавшись от прав на него по Сан-Францисскому договору, не может высказываться относительно реше-

ния тайваньской проблемы и статуса острова. Объяснение - малоубедительное, тем не менее стиль выдерживается. Как и при подписании Совместного коммюнике о нормализации отношений с КНР, Япония уклоняется от четкого формулирования своего отношения к известной китайской позиции по тайваньскому вопросу: "Китай - один, Тайвань - часть его", ограничиваясь в официальных документах лишь выражением "понимания подхода Китая". Пекину этого недостаточно. На данном этапе он хотел бы, используя Японию, препятствовать тенденции к провозглашению независимости Тайваня. Поэтому Китай заинтересован в дипломатической поддержке со стороны Токио и соответствующем японском воздействии на Тайбэй. "Если не будет поддержки Японии и США, провозглашение Тайванем независимости станет невозможным"³³, - подчеркивал посол КНР в Японии Цзян Чэнь. Китайская сторона усиливала в последние годы нажим на японцев по вопросу с Тайванем, хотя добивалась, разумеется, в первую очередь изменения американской позиции в тайваньском вопросе.

В ходе визита в Китай в июле 1998 г. президент Б.Клинтон сделал заявление, которое в американской печати было расценено как самое важное по Тайваню за последние 15 лет. Суть состоит в том, что США приняли "три нет" по Тайваню. Американский президент указал, что "США не будут поддерживать независимость Тайваня; любое решение, направленное на создание "двух Китаев" или одного Китая и одного Тайваня; принятие Тайваня в такие организации, как ООН"³⁴. При этом, судя по реакции Токио в тот момент, Вашингтон сделал свое заявление, идя навстречу Пекину, без предварительного обсуждения со своим ближайшим военно-политическим союзником в Азии, каким для США является Япония.

О том, что японский партнер оказался не вполне готов к принятию нового подхода Вашингтона к Тайваню свидетельствуют, к примеру, некоторые суждения японских экспертов, сделанные незадолго до визита Б.Клинтона в КНР. Так, известный политолог, ранее дипломат высокого ранга Х.Окадзакки подчеркивал: "Если бы США согласились с китайской целью блокировать тайваньскую декларацию о независимости, то компенсацией за принятие такого обязательства, чреватого риском и сомнительной эффективностью, должен бы быть, как минимум, отказ Китая от использования силы против Тайваня... Воспрепятствование независимости Тайваня, подчиняясь китайскому диктату без минимальной компенсации, означает, что единственным вознаграждением являются интересы американского бизнеса. ...Такой результат был бы моральной катастрофой."³⁵

Но признаки того, что Вашингтон, идя на сближение с Китаем, был готов скорректировать свой курс в отношении Тайваня, японскими наблюдателями фиксировались. Не прошло, в частности, без внимания высказанное в печати мнение бывшего помощника министра обороны США, профессора Джозефа Ная о том, что "пришло время внести ясность", и что "Тайвань следует побудить к заявлению об отказе декларировать свою независимость. США при этом должен заявить, что "они воздержатся от использования военной силы в случае возникновения конфликта между Китаем и Тайванем."³⁶

После того, как США официально сформулировали свою позицию, ситуация подталкивала Токио уточнить линию поведения в тайваньском вопросе. Но, вероятно, на это необходимо время. Требуется отказаться от прежней позиции при "сохранении лица". Во всяком случае, на токийском саммите лидеров Японии и Китая в 1998 г. японское руководство этого не сделало. В Совместном коммюнике по итогам встречи содержание пункта по тайваньской проблеме мало отличалось от того, что было зафиксировано в тексте документа о восстановлении японо-китайских отношений 1972 г.

Подводя некоторый общий итог, можно подчеркнуть следующее. Каждая из вышерассмотренных проблем, будучи непростой, в то же время не является непреодолимым препятствием на пути развития двусторонних связей в тех областях, где интересы Японии и Китая более всего совпадают. Вообще, как представляется, указанные проблемы до сих пор не преодолены отчасти потому, что нужны в качестве средства регулирования уровня и темпов развития отношений между двумя странами. На данном этапе, по-видимому, главным образом от Пекина зависит определение меры в этих взаимоотношениях.

Китайское руководство, безусловно, учитывает важность отношений с Японией, тем не менее для него:

- еще важнее - успех в развитии отношений с США (Пекин явно здесь проявляет большую, чем с Японией, готовность к компромиссу), что может оказаться весьма эффективным средством воздействия и на позицию Токио, в том числе по тайваньскому вопросу;

- также важно - решение сложных внутрисполитических задач, а сегодня это - консолидация партии, общества на новом рубеже реформ, когда ставка делается на "идеи национального возрождения, национальной гордости, национального превосходства"³⁷.

И в этом смысле тема военного прошлого в политико-идеологических усилиях занимает особое место, принося свои результаты. Анкетный опрос, проведенный в КНР Молодежным ежегодником Китая среди 100 тыс. чел. в 1997г. в канун 25-летия нормализации отношений с Японией, дал такие результаты: 80% опрошенных связывали свои представления о Японии с войной, а образ японца - с массовой резней в Шанхае. Свыше 50% - наиболее характерной чертой японцев назвали "жестокость"³⁸. Тенденция подтвердилась и при другом опросе, который проводился в 1999г. Центром изучения китайско-японских отношений при Пекинской академии наук среди студентов, изучающих японский язык. 61% респондентов заявили, что они с недоверием относятся к Японии, столько же дали низкую оценку отношений между двумя странами³⁹. Настроения недоверия и настороженности в отношении соседнего Китая сохраняются и среди японского населения. Согласно данным изучения общественного мнения, проведенного газетой "Иомиури" в 1999 г., негативные настроения в отношении друг друга среди общественности и Японии и Китая даже за последние годы усилились. Так, среди опрошенных японцев негативное отношение к Китаю высказали 45,9% (в 1995г. - 34,9%), положительное - 47,7 (1995 - 54,6); у китайцев Япония вызывала отрицательные эмоции 50,4% респондентов (1995 - 37,8), положительные - 43,3% (1995,5)⁴⁰.

Поэтому вряд ли стоит удивляться тому, что указанная тенденция продолжает находить отражение и в СМИ, и в руководящих звеньях обеих стран. К примеру, в своем выступлении на сессии Всекитайского собрания народных представителей в марте 2000 г. премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи, говоря об китайско-японских отношениях, подчеркнул, почти как в давние времена, необходимость "бдительности в отношении ультраправых сил" в Японии. Ответ не заставил себя ждать: в японской прессе заявление китайского руководителя было расценено как "проявление присущего Пекину взгляда на тенденции в японской политике"⁴¹.

Таким образом, на пути к политическому сближению Японии и Китая остается не одно препятствие. И такое положение имеет шансы сохраняться долго. До тех пор, пока, как представляется, между двумя странами не будет выработана согласованная модель политического взаимодействия. Этой моделью вряд ли можно считать декларированное сторонами в 1998 г. "партнерство на основе сотрудничества в XXI веке." При этом - в таком взаимодействии должна возникнуть и заинтересованность у Вашингтона. Вероятнее всего япо-

но-китайские отношения останутся достаточно сложными, поскольку строятся на противоречивой основе: в сочетании сотрудничества с соперничеством, при непреодоленном недоверии друг к другу и наличии нерешенных проблем.

1. Асахи симбун. 1972. 9 марта.
2. Сэкай. 1972. № 8. С. 20.
3. Асахи симбун. 1972. 9 марта.
4. ИТАР-ТАСС. Компас № 40. 1996. 3 октября.
5. Тюнити симбун. 1978. 14 октября.
6. Санкэй симбун. 1996. 12 октября.
7. Asay Evening News. June 12, 1996.
8. Иомиури симбун. 1999. 20 мая.
9. Санкэй симбун. 1999. 29 мая.
10. The Daily Yomiuri. May 1, 2000.
11. Вага гайко-но кинкё (Обзор внешней политики Японии). 1973. № 17. С. 503-508.
12. The Daly Yomiuri. October 1, 1999.
13. Япония: полвека обновления. М., 1995. С. 536.
14. Там же. С. 536.
15. The Daily Yomiuri. November 29, 1998.
16. The Japan Times. September 14, 1993.
17. В беседе с автором в Москве 04.09.1995.
18. The Japan Times. October 28, 1992.
19. Ibid. August 14, 1993.
20. Майнити симбун. 1995. 11 мая.
21. The Daily Yomiuri. December 9, 1998.
22. Ibid. November 29, 1998.
23. The Japan Times. November 19, 1995.
24. The Daily Yomiuri. August 18, 1997.
25. Комэй симбун. 1999. 3 августа.
26. The Daily Yomiuri. August 18, 1997.
27. Национализм в международных отношениях России, стран Восточной Европы и Восточной Азии. М., 1992. С. 45-50.
28. The Japan Times. January 4, 1996.
29. Справочник "Япония 2000": ИДВ. 2000. С. 175-176.
30. The Japan Times. January 5, 1996.
31. Ibid.
32. Ibid.
33. Иомиури симбун. 1998. 29 ноября.
34. The Daily Yomiuri. July 11, 1998.
35. Иомиури симбун. 1998. 1 июня.
36. Майнити симбун. 1 июня.
37. Гельбрас В. Куда идет Китай // Мировая экономика и международные отношения. М., 1998. № 4. С. 39.
38. Иомиури симбун. 1997. 22 сентября.
39. Иомиури симбун. 1997. 22 сентября.
40. The Daily Yomiuri. October 1, 1999.
41. Иомиури симбун. 2000. 6 марта.

Преступность в современной Японии

© 2001

Н. Анисимцев

Национальная и международная преступность в мире после «холодной войны» являются одним из главных источников опасности как для отдельных стран, так и для человечества в целом - такой тезис часто звучит сегодня на международных симпозиумах по проблемам борьбы с преступностью¹.

В этом отношении Япония представляет собой уникальный «островок благополучия»: это, пожалуй, единственная высокоразвитая страна, которая смогла сочетать форсированно высокие темпы экономического и социального развития с исключительно низким уровнем преступности (обычно за высокий динамизм общество платит высокой криминогенностью).

Ныне действующий уголовный кодекс страны был опубликован 25 апреля 1907 года, а с 1 октября 1908 года он вступил в силу. Уголовный кодекс (УК) Японии неоднократно подвергался ревизии, его обновления и дополнения продолжают и по настоящее время.

В послевоенной Японии учет и представление данных об уголовной преступности осуществляется чаще всего по критериям правового обоснования квалификации того или иного преступления, а именно, по двум подсистемам - «преступления по уголовному кодексу» и «преступления, предусмотренные специальными законами». Названия несколько условны.

В первую подсистему входят как преступления, предусмотренные УК Японии, так и преступления, предусмотренные некоторыми специальными законами (их девять). Статистика «преступлений по УК» учитывает и количество дел, зарегистрированных полицией, и количество подозреваемых. Во вторую подсистему входят «преступления, предусмотренные специальными законами». Учёт в ней ведётся по количеству лиц, дела которых рассматриваются прокуратурой.

Дело сбора и представления обществу статистических данных по уголовной преступности поставлено в Японии на высоком уровне. Особо высоким качеством и оперативностью отличается полицейская статистика страны.

В Японии довольно велики цифры латентной преступности. Если принять официальные данные преступности за 100%, то латентная преступность добавляет к ней ещё примерно 105%².

Сводная статистическая картина состояния преступности в Японии. В первые годы после окончания войны для Японии был характерен резкий скачок преступности, обусловленный экономическим истощением и послевоенной разрухой, высоким уровнем безработицы, деморализацией общества, неизбежной в результате поражения и иностранной оккупации.

Наиболее показательной для характеристики текущего состояния и тенденций уголовной преступности является статистика «преступлений по УК».

В 1948-49 гг. полиция зарегистрировала рекордное количество «преступлений по УК» - примерно 1.600.000. Кривая, отражающая состояние преступности, в последующий период демонстрировала волнообразное развитие. Так, в 1970 году число правонарушений по УК составляло 1.932.401. Рост происходил в основном за счёт так наз. «профессиональной небрежности на транспорте» (т.е. «неумышленное причинение смерти и/или телесных повреждений при управлении транспортом»)³. Затем, это число плавно возрастало до рекордной отметки в 1993 году - на уровне 2.400.000. Но если вычесть из этих цифр автотранспортные нарушения, то число преступлений по данной группе учёта сокращалось с 1.600.000 в 1948-49 гг до 1.200.000 в 1973 году, а затем снова подросло до 1.812.119 в 1996 году⁴. В первой половине 2000 года зафиксировано 1.111.752 преступления.

Количество нарушителей специального законодательства в 1949 году достигало отметки 860.160, а затем снижалось до 80.000-90.000 в 1990 х годах⁵.

Достижения Японии в борьбе с преступностью со всей наглядностью предстают при сопоставлении их с уровнем преступности в других высокоразвитых странах.

Количество основных преступлений, зарегистрированных полицией (1986-1995 гг)⁶

Год	США	Велико-британия	Германия	Франция	Япония
1986	13.211.869	3.660.004	4.367.124	3.292.189	1.581.411
1987	13.508.708	3.716.185	4.444.108	3.170.970	1.577.954
1988	13.923.086	3.550.174	4.356.726	3.132.694	1.641.310
1989	14.251.449	3.706.217	4.358.573	3.266.442	1.673.268
1990	14.475.613	4.363.632	4.455.333	3.492.712	1.636.628
1991	14.872.883	5.075.343	5.302.796	3.744.112	1.707.877
1992	14.438.191	5.383.485	6.291.519	3.830.996	1.742.366
1993	14.144.794	5.317.110	6.750.613	3.881.894	1.801.150
1994	13.989.543	5.032.447	6.537.748	3.919.008	1.784.432
1995	13.867.143	4.885.944	6.668.717	3.665.320	1.782.944

Очевидно, что даже с учётом латентной преступности можно сделать вывод: Япония добилась весьма высоких результатов, опередив другие высокоразвитые страны в деле защиты личности, общества и государства от преступных посягательств.

Имущественные преступления и преступления в сфере высоких технологий. Наибольший процент в группе «правонарушений по УК», за вычетом «профессиональной небрежности на транспорте», составляют правонарушения, связанные с посягательством на чужую собственность и получением незаконных доходов.

Среди них самой большой группой было воровство - от 70 до 89 % преступлений. К ним полицейская статистика относит кражи со взломом, угон автотранспортных средств (особо многочисленная группа - хищения велосипедов со стоянок), кражи в магазинах. Пик в статистике воровства был пройден в 1948 году - 1.246.445; затем число краж сокращалось, пока в 1975 году не начался новый подъём, показавший в 1998 году цифру 1.789.049. Прирост проис-

ходил в основном за счёт мелких краж - угон мотоциклов, велосипедов, краж из салонов автомобилей. С другой стороны, одновременно сокращалось количество более опасных видов хищений, таких как кражи со взломом, карманное воровство, в том числе вспарывание и выхватывание сумок у пешеходов.

На втором месте по распространённости стояли преступления, связанные с мошенничеством. Пиковое число мошенничеств наблюдалось в 1950-м году - 187.528. Затем цифры снижались. Но с рубежа 1970-х - 1980-х годов по этой графе снова наблюдается рост. С 1989 года ежегодно регистрируется 40.000 - 60.000 случаев мошенничества.

Третье место по численности заняли правонарушения, связанные с организацией азартных игр, лотерей, скупкой краденого.

Своеобразной приметой научно-технической и, в частности, информационной революции последних десятилетий является становление и рост преступности в сфере высоких технологий.

Данные о количестве дел «беловоротничковой преступности», заявленных в полицию за 1984-1998 гг таковы: 1984 г - 91.824, 1985 - 92.734, 1986 - 81.084, 1987 - 84.437, 1988 - 80.840, 1989 - 66.225, 1990 - 64.419, 1991 - 60.166, 1992 - 63.121, 1993 - 59.326, 1994 - 63.780, 1995 - 56.928, 1996 - 61.187, 1997 - 61.316, 1998 - 59.271⁷.

Высокий уровень информатизации и компьютеризации японского общества, развития информационно-коммуникационных мощностей и информационно-сетевого сервиса имел своим следствием появление нового вида преступлений - преступлений с использованием электронно-коммуникационных средств.

К ним относится использование для совершения преступлений традиционного состава новых, компьютерно-сетевых технологий. Например, имели место случаи продажи наркотиков при посредстве электронной доски объявлений. В сети размещалось объявление о «продаже психо-фармацевтических препаратов», покупатели отправляли по электронной почте заказ, по электронной почте получали банковские реквизиты счёта для оплаты, оплачивали счёт, и после этого по обычной почте получали товар. Ловкий наркоторговец успел создать сеть, охватывающую территорию всей страны. Разоблачить его удалось только благодаря информатору, но и после ареста доказать его вину оказалось технически очень сложной задачей. Аналогичным образом продавалось пиратское программное обеспечение, распространялись электронно-магнитные носители информации порнографического содержания. Через средство сети совершаются и мошенничества в сфере торговли.

Всё больше появляется и правонарушений, связанных именно с незаконным доступом к компьютерам и сетям, препятствованием их нормальной работе. Подобных преступлений за период 1986 - 1995 гг в Японии было зафиксировано 189, а если учитывать всю статистику преступлений такого рода, включая те, что не были своевременно и правильно зафиксированы и оформлены документально, то всего за указанный период отмечено 471 преступление⁸.

Следует отметить, правда, что Япония пока существенно отстаёт от США по количеству взломов компьютерных систем, а также, вирусных атак. В 1994 году Управление содействия информационным технологиям Японии зафиксировало в стране примерно 1000 атак компьютерным вирусом. А в США в 1995 году только компьютеры министерства обороны были атакованы хакерами 250.000 раз⁹.

Тяжкие и насильственные преступления. К таким преступлениям в Японии относят убийства, изнасилования, ограбления, поджоги и некоторые другие виды преступлений.

Численность некоторых видов тяжких преступлений (дел, заявленных в полицию) и их раскрываемость (% арестов) в 1984-1998 гг в Японии¹⁰

Год	Всего	Убийства	Изнасило- вания	Ограбления	Поджоги
1984	7.856 - 88.3%	1.712-97.2%	1.926-89.6%	2.188-78.8%	1.980-89.5%
1985	7.425-89.5%	1.780-96.5%	1.802-90.1%	1.815-82.5%	2.028-89.1%
1986	7.151-87.4%	1.676-96.7%	1.750-88.1%	1.949-78.5%	1.776-87.7%
1987	7.095-87.4%	1.584-98.0%	1.823-87.4%	1.874-78.2%	1.814-87.6%
1988	6.582-87.0%	1.441-97.1%	1.741-86.4%	1.711-78.5%	1.629-87.8%
1989	5.899-84.6%	1.308-95.9%	1.556-83.6%	1.586-75.9%	1.449-84.9%
1990	5.930-83.8%	1.238-96.7%	1.548-82.3%	1.653-77.0%	1.491-82.4%
1991	6.014-82.9%	1.215-96.0%	1.603-84.5%	1.848-71.9%	1.384-84.6%
1992	6.338-80.6%	1.227-96.6%	1.504-82.6%	2.189-69.7%	1.418-81.6%
1993	7.064-89.3%	1.233-96.5%	1.611-92.6%	2.466-79.9%	1.754-94.4%
1994	7.320-87.6%	1.279-95.8%	1.616-91.6%	2.684-78.2%	1.741-92.2%
1995	6.768-91.2%	1.281-96.5%	1.500-94.0%	2.277-82.7%	1.710-96.2%
1996	7.010-89.0%	1.218-98.3%	1.483-88.8%	2.463-80.1%	1.846-94.7%
1997	7.684-87.6%	1.282-95.6%	1.657-88.8%	2.809-79.5%	1.936-93.2%
1998	8.253-84.7%	1.388-97.7%	1.873-88.2%	3.426-76.3%	1.566-87.4%

В послевоенный период статистическая кривая числа убийств шла вверх, пик пришёлся на 1954 год - 3.081 убийство. Затем число их начало плавно снижаться, минимум был достигнут в 1996 году - 1.218, что означает практически трёхкратное сокращение от начального уровня. Данная позитивная тенденция подтверждается и изменением удельного веса этой статьи правонарушений в общем числе преступлений: в конце 1940-х годов убийства составляли 3,3-5,0% преступлений, к концу 1990-х годов их доля упала до 1%. Одновременно раскрываемость этого вида преступлений выросла с 90-95% до 96-98%.

На фоне позитивной статистической тенденции в Японии в то же время стали появляться крайне пугающие общество так называемые «чудовищные преступления» - преступления, отличающиеся особой жестокостью и не имеющие каких-либо видимых рациональных мотивов, целей.

Сходные тенденции отмечаются и в статистике ограблений. Пик числа ограблений приходился на 1948 год - 10.854, что составляло примерно 10-14%. В последующий период положение улучшается, и в 1989 году была достигнута низшая отметка - 1.586, что представляло собой 1,3% от общего числа преступлений по УК. Затем в 1990-х годах снова наблюдался рост численных показателей этих преступлений до отметки 3.426 в 1998 году. Очевидно, что и здесь по сравнению с послевоенными годами отмечается примерно трехкратное сокращение. В последнее десятилетие и эта графа преступности «обогатилась» ранее отсутствовавшими в Японии нюансами, как то - ограбления финансовых институтов, налёты и стрельба на улицах в стиле американских гангстерских боевиков.

Таким образом, в сфере тяжких преступлений в Японии наблюдается сложный, диалектический процесс: значительное сокращение численности тяжких преступлений за послевоенный период сопровождается и контртенденцией - появлением некоторых не менее опасных для общества новых нюансов преступности, делающих её особо социально-опасной.

Тем не менее, в целом по абсолютному количеству преступлений и по характеру доминирующих тенденций в их численной динамике Япония явля-

ется страной практически свободной от тяжких преступлений; графа тяжких преступлений в Японии - величина малозначительная.

Незаконный оборот оружия. В Японии порядок приобретения и владения огнестрельным оружием регулируется специальными законами.

Японское законодательство разрешает владение длинноствольным оружием только официально зарегистрированным охотникам. Хотя лицензия на приобретение ружья стоит относительно недорого, приобрести его не просто. В частности, полиция имеет право по собственному усмотрению отказать гражданину в праве приобретения оружия.

В Японии на руках у гражданских лиц находится примерно 27 тысяч единиц нарезного охотничьего оружия и примерно пол-миллиона единиц гладкоствольного оружия. Для сравнения, можно вспомнить, что в США, где численность населения всего в два раза выше, чем в Японии, на руках находится примерно 100 миллионов единиц длинноствольного оружия и порядка 60 миллионов единиц короткоствольного оружия, что каждая американская семья владеет, или владела огнестрельным оружием¹¹.

Что касается пистолетов и револьверов, то в Японии гражданские лица вообще не имеют права владеть ими. Под строгим контролем находятся даже стартвые пистолеты.

Около половины всех случаев незаконного применения огнестрельного оружия в Японии приходится на членов преступных группировок. Так выглядит статистика количеств случаев применения огнестрельного оружия в Японии в целом, и в том числе применений его гангстерами: 1987 г - 286 случаев всего (гангстерами - 164), 1988 - 249 (гангстерами -112), 1989 - 268 (142), 1990 - 255 (118), 1991 - 182 (47), 1992 - 174 (29), 1993 г - 178 (75), 1994 - 210 (38), 1995 г - 128 (28), 1996 г -108 (25)¹².

Заметно, что и в сфере нелегального оборота оружия в Японии также проявляются противоборствующие тенденции. С одной стороны, с 1965 года отмечается значительный прогресс в снижении числа инцидентов с применением огнестрельного оружия. С другой стороны, японские исследователи обращают внимание на тревожную тенденцию последнего десятилетия: если раньше незаконное владение огнестрельным оружием было присуще членам преступных сообществ, то теперь стремление к приобретению и даже применению оружия демонстрируют и обычные граждане; оружие выходит за границы мира профессиональной преступности.

Вместе с тем, сравнения Японии с другими странами в этой области свидетельствуют о вполне благополучном положении дел.

Нелегальный оборот наркотиков. В сегодняшней Японии регулирование оборота наркотических и стимулирующих веществ осуществляется соответственно нескольким специальным законам, каждый из которых по отдельности регулирует оборот определённого вида веществ. Соответственно, и статистический учёт их оборота ведётся по отдельным видам.

Количество правонарушений, связанных с употреблением наркотиков. 1984-1998¹³

Год	Стимуляторы	Марихуана	Кокаин	Героин	Опиум
1984	24.022	1.230	14	27	181
1985	22.980	1.099	26	71	426
1986	21.052	1.171	26	45	362
1987	20.643	1.276	35	37	336
1988	20.399	1.464	37	43	199
1989	16.613	1.344	88	90	147

Год	Стимуляторы	Марихуана	Кокаин	Героин	Опиум
1990	15.038	1.512	93	54	91
1991	16.093	1.386	110	60	105
1992	15.062	1.529	133	90	80
1993	15.252	1.933	116	101	126
1994	14.655	2.003	130	72	214
1995	17.101	1.481	111	71	159
1996	19.420	1.228	78	36	135
1997	19.722	1.104	59	44	140
1998	16.888	1.236	93	61	132

Вышеупоминавшиеся тенденции - количественное сокращение вкупе с появлением новых негативных качественных параметров - просматриваются и на фактах нелегального оборота наркотиков. С одной стороны, очевидно, что властям удаётся добиваться снижения оборота наркотиков. Но с другой стороны, начал меняться социальный портрет контингента наркоманов - теперь это не только представители мира профессиональной преступности, не только люди, переживающие экстремальные психологические нагрузки, не только жители крупнейших городов; в современной Японии наркотики продаются по территории всей страны, и потребители их встречаются среди различных социальных слоёв, даже среди провинциальных домохозяек.

Однако, абсолютные цифры конфискованного зелья не велики. Так, стимуляторов, являющихся наиболее распространённым наркотиком среди правонарушителей, было конфисковано в 1992 году - 163,7 кг, в 1993 году - 96,2 кг, в 1994 году - 313,3 кг, 1995 г - 85,1 кг, в 1996 году - 650,8 кг¹⁴.

В целом, Япония остаётся и в вопросах нелегального оборота наркотиков и борьбы с ними страной относительно благополучной.

Организованная преступность. Организованные преступные группировки Японии и их члены традиционно называются «якудза», есть у них и другое, официальное название - «борёкудан» («насильственные группировки»).

Специфической чертой японской действительности является практически легальный статус борёкудан в обществе. Гангстерские кланы имеют свои официально зарегистрированные представительства. Каждый клан имеет свою индивидуальную эмблему, которую члены клана носят как значок на лацкане пиджака, боссы носят золотые значки. Гангстеры имеют визитные карточки с указанием принадлежности к группировке. До недавнего времени борёкудан регулярно передавали в полицию списки своих членов. Есть факты уважительного отношения к якудза со стороны офицеров полиции. Со своей стороны, якудза иногда оказывают содействие полиции: чистят улицы от мелких хулиганов, помогают полиции и администрации в срыве забастовок и разгоне демонстраций, оказывают благотворительную помощь населению при стихийных бедствиях.

Такое «идиллическое» положение начало меняться в 1992 году: правительство ввело в действие так называемый «Закон о противодействии насильственным группировкам». Закон не ставит борёкудан вне правового поля, он только вводит ограничивающий критерий, по которому, если число членов какой-либо группировки, зарегистрированных как уголовные преступники, превышает известный процент, то группировка должна быть признана в качестве «установленной насильственной группировки»; вынесение подобного вердикта влечет за собой ограничения на право заниматься 11 видами деятельности, например, рэкетом в мягких формах (типа взимания с ресторанов платы за услуги по «охране», предоставление «крыши», если при этом не применяется яв-

ная угроза мести в случае отказа от таких «услуг»). Практика показала, что и подобные меры в Японии становятся весьма эффективными.

Японским властям удалось добиться в послевоенный период значительного прогресса в деле сокращения численности гангстерских рядов. В 1958 году под шгандартами борёкудан находилось примерно 184 тысячи человек. К началу 1990-х годов осталось 87 тысяч человек. В результате действия принятого в 1992 году «Закона о противодействии борёкудан» к концу 1997 года осталось 32.109 человек, объединённых в 23 группировки. По данным на 2 мая 1997 года это были следующие группировки¹⁵ (Название / Местонахождение штаб-квартиры / Численность участников): Ямагути-гуми/Кобэ/18300 человек; Сумиёси-кай/Токио/6700; Инагава-кай/Токио/5600; Кёкуто-кай/Токио/2000; Мацуба-кай/Токио/1700; Айдзу-котэцу/Киото/1300; Кокусуй-кай/Токио/540; Кудо-рэнг-кусано-икка/Китакусю/530; Додзин-кай/Курумэ/500; Окинава-кёкурю-кай/Наха/470; Соай-кай/Итихара/400; Кёкуто-сакураи-сокэ/Нумадзу/370; Сакауэмэ-гуми/Осака/340; Кёкурю-кай/Наха/310; Кёсэй-кай/Хиросима/300; Года-икка/Симоносэки/210; Кёдо-кай/Ономити/200; Адзума-гуми/Осака/180; Кодзакура-икка/Кагосима/140; Асано-гуми/Касаока/130; Тайсю-кай/Тагава/120; Яmano-кай/Кумамото/100; Синва-кай/Тамамацу/80.

С 1992 года в послевоенной эволюции криминального мира Японии намечился качественно новый этап. Благодаря принятию Закона о противодействии организованной преступности и под давлением общества и власти борёкудан начинают терять свои прежние позиции, маскироваться, более активно искать новое поле деятельности.

Однако, противозаконная деятельность, по-прежнему, является главной сферой их деятельности. Удельный вес тех или иных видов преступного промысла в общем списке преступлений борёкудан объективно просматривается по статистике арестов членов группировок.

Аресты членов гангстерских группировок (1983-1999 гг)¹⁶

Год	Всего	Стимуляторы	Вымогательство	Азартные игры	Нелегальные биржевые игры
1983	23.845	5.457	2.731	1.607	556
1984	25.499	6.140	3.067	1.456	532
1985	24.826	5.897	3.235	1.158	465
1986	23.316	5.856	2.937	995	417
1987	23.097	5.592	3.096	1.028	313
1988	22.113	5.550	2.983	1.112	288
1989	18.627	4.218	2.483	910	323
1990	17.028	3.793	2.189	776	314
1991	16.188	4.208	1.978	607	254
1992	16.306	3.646	1.994	658	361
1993	14.648	2.878	1.763	770	498
1994	12.922	2.405	1.692	637	351
1995	11.699	2.453	1.402	502	338
1996	11.808	2.507	1.354	484	293
1997	10.746	2.191	1.283	364	270
1998	10.615	2.028	1.368	238	237
1999. I-е полуг.	5.106	1.026	683	98	85

Якудза дают и значительный процент в общей массе серьёзных правонарушений в стране: их доля среди заключенных в 1987 году была 31,7% (13.978 человек), в 1996 г - 24,9% (10.054 человек), в 1998 г - 10.615 человек.

Есть некоторые данные, позволяющие оценить результативность и влияние организованной преступности в денежном выражении.

Статистика свидетельствует, что успехи гангстеров в легализации своих капиталов и бизнеса не стоит переоценивать. Только 1/8 их доходов приходит из легальных источников, остальное имеет криминальную природу. В структуре их нелегальных доходов наибольшее значение имеют статьи нелегального оборота наркотиков, гангстеры полностью контролируют эту сферу преступности, и она приносит им 1/3 их доходов. Далее, (по убывающей) - доходы от букмекерства, организации азартных игр, проституция и порнография, рэкет («сокайя»), оплата телохранительских услуг, реализация прав кредитора.

Суммарный годовой доход борёкудан оценивается различными источниками в сумму несколько превышающую триллион иен, или равную 10 млрд.долларов США. В абсолютном измерении цифра является весьма внушительной: она в 8 раз превышает доходы такой компании как «Тоёта», или равна половине государственного бюджета России после «реформ» 1990-х годов. Но картина сильно отличается при сравнительной оценке этих цифр. Внутри Японии это меньше 1% ВВП страны, а точнее, в 1990 году - 0,27% ВВП¹⁷. Для сравнения, по зарубежным данным, в России периода правления президента Б.Ельцина оргпреступность поставила под свой контроль от 25 до 40% ВВП России¹⁸.

Очевидно, что методами экономического давления какое-либо самостоятельное влияние на экономическое положение страны и волю ее правительства, на благосостояние общества в целом организованная преступность Японии оказывать не может, она экономически слишком слаба для этого.

В последнее десятилетие пристальное внимание международной общественности привлекает деятельность организованной преступности на международной арене; в ряду с итальянской мафией, колумбийским наркокартелем, китайскими триадами и так называемой «русской мафией» упоминаются и японские якудза.

Отдельные факты проникновения якудза за рубеж, действительно, отмечались. Но в целом сведения о таком проникновении следует считать преувеличенными.

Подлинная роль, вес и значение якудза раскрываются внутри самой Японии.

Некоторые японские авторы склонны причислять якудза к властвующей элите Японии. Например, исследователь Такано Хадзимэ¹⁹ утверждает, что в последнее десятилетие правящая элита страны, ранее состоявшая из трёх основных контингентов - политики, бюрократы, бизнесмены, теперь пополнилась и четвёртым элементом - якудза.

Основанием для подобных заключений служат факты обширных и высоких знакомств и связей боссов преступного мира Японии с господствующей элитой страны.

Особо ценные для себя приобретения гангстеры получили в последние полтора десятилетия - им удалось наладить контакты с финансовой элитой страны. Делалось это различными способами: через «сокайя» - акционеров, которые имеют возможность шантажировать руководство компаний; через операции по повышению стоимости земельных участков (так называемые «дзизагэя»); с помощью мошеннических займов у банков (так называемые «дзюсэн»). Со своей стороны и финансовый мир Японии прибежал к помощи

гангстеров. В частности, по информации осведомителей, министерству финансов Японии удалось освободить банки Сого в центральных регионах Японии от господства якудза с помощью гангстеров другой группировки - «Ямагути-гуми».

Якудза имеют весьма давние связи и с политической элитой страны.

Практика использования криминальных элементов властями зародилась в Японии ещё в средние века. И в современной Японии правящий класс нередко привлекал гангстеров для срыва забастовок, разгона демонстраций и массовых антивоенных выступлений. На подозрении в связях с якудза иногда оказывались и высокопоставленные политики Японии. Например, проходила информация, что продвижению Нобору Такэсита на пост премьер-министра содействовали борёкудан.

В целом, в последнее десятилетие численность группировок организованной преступности переживает значительный спад. Под давлением общества и властей гангстеры пытаются освоить легальный бизнес. Однако их экономический вес в экономике Японии ничтожно мал, сведения об их успехах в завоевании зарубежных рынков не подтверждаются. Реальная сила гангстерских группировок заключается в их связях с правящей финансовой и политической элитой страны, и за последние полтора десятилетия они смогли упрочить такие контакты. Однако, в этих связях гангстеры были и остаются только подчинённым элементом. Правильно считать, что власти Японии, ее правящая элита надежно держат организованную преступность под контролем, и поэтому организованная преступность Японии не способна поколебать политическую, социальную, экономическую стабильность страны.

Коррупция. Коррупционные скандалы в высоких сферах являются почти хронической темой японских средств массовой информации. Только за последнее десятилетие в Японии в отставку вынуждены были под давлением коррупционных скандалов уйти 4 премьер-министра страны - Нобору Такэсита (1987-1989), Сосукэ Уно (1989), Киити Миядзава (1991-1993), Морихиро Хосокава (1993-1994).

Полицейская статистика, выступления прессы, судебные разбирательства открывают лишь верхушку айсберга коррупции: они показывают готовность и способность общества и правозащитных органов к борьбе с этим злом, но не действительный размах коррупции в обществе, ибо значительная часть ее конечно же остается втайне.

Лучше отображает подлинные масштабы коррупции статистика Transparency International (TI), а именно, проводимые этой международной организацией сравнительные обследования отдельных стран, основанные на оригинальных методологических разработках - индексах CPI (Corruption Perceptions Index) и BPI (Bribe Payers Index).

Индекс CPI²⁰ позволяет довольно объективно оценить степень распространения коррупции в современной Японии.

По данным обследования 1998 г., в котором участвовали 85 стран, CPI Японии составил 5.8 баллов, что равно 25-му месту по степени чистоты от коррупции. Первое место занимала Дания (10.0), нижнюю строчку - Камерун (1.4), 85 место. В 1999 году были обследованы 99 стран, первое место сохранила Дания (10.0 балла), нижнюю строчку - Камерун (99 место, 1.5 балла). Япония сохранила 25-е место с 6.0 баллами. Для сравнения, США - 18-е место, 7.5 баллов, Германия - 14-е место, 8.0 балла, соседи Японии по списку - Испания, Франция, Португалия сверху и Словения, Эстония, Тайвань снизу. В этом списке Белоруссия - 58-е место, 3.4 балла, Украина - 77-е место, 2.6 балла, Россия - 83-е место, 2.4 балла²¹.

С 1999 г. введен индекс ВРІ - «индекс взяточдателей»²². В 1999 году ВРІ Японии был на 14-м месте (из 19 мест). Лучший показатель 1-е место заняла Швеция (8.3 балла), худший показатель (19-е место) оказался у Китая (3.1 балла). Германия и США поделили 9 и 10 места (по 6.2 балла). Соседи Японии по списку - Франция и Испания (12 и 13 места), Малайзия и Италия (15 и 16 места)²³.

Напрашивается вывод, что Япония согласно индексам СРІ и ВРІ является «пограничной страной» между группой среднеразвитых стран (Италия, Испания, Греция, Польша, Словения и т.п.) и группой экономически и социально процветающих стран (Германия, США, Швеция, Дания, Финляндия, Великобритания и т.п.).

Политический экстремизм. Преступность может иметь и политический характер.

Наиболее мощным крылом японского экстремизма является праворадикальное движение. Правые экстремисты насчитывают под знаменами своего движения около 120.000 человек, объединённых в 800 группировок. Активностью среди них характеризуются 50 группировок, насчитывающих примерно 23.000 членов.

Идеологически и организационно они довольно близки к якудза. Идеология правых представляет из себя поэтизацию средневековых рыцарских традиций, «самурайских ценностей» - самоотверженная преданность монарху и сеньору по заветам синтоизма и канонам конфуцианства, буддийское презрение к мирским страстям, к страданиям и смерти; в новое время этот арсенал был пополнен идеями расовой чистоты и солидарности японцев и их миссии «освободить Азию и цветные народы от белого империализма» («пан-азиатизм»). Описанный набор «ценностей» противопоставляется идеологической и нравственной всеядности современной Японии.

В реальной политике они ратуют за возвращение монархии ее довоенного статуса, когда монарх официально считался «богочеловеком» и верховным главнокомандующим. Правые требуют аннулирования статьи 9 конституции, провозгласившей отказ Японии от собственных вооруженных сил и права ведения войны. По международным делам их взглядам присущи антиамериканизм и антикоммунизм.

В практической деятельности японские ультра заметно радикальнее их американских, европейских, российских собратьев: угрозы и покушения на убийства членов правительства, партийных и профсоюзных лидеров, обвиняемых в пренебрежении национальными интересами и традициями, чрезмерном либерализме, коррумпированности - в Японии не редкость.

Но оценивая их роль на японской политической сцене, есть риск впасть в переоценку. Японские праворадикальные группировки в целом -, как отмечал видный японский социолог Маруяма Масао, - всегда были подконтрольны господствующему классу и нередко использовались последним всего лишь как инструмент междоусобных «разборок».

Общая численность леворадикального крыла японского экстремизма оценивалась на рубеже 1980-1990-х годов в 35.000 человек; активных среди них было 14.400 человек.

В идеологии они опираются на антигуманные мировоззренческие принципы, придают самоценное значение радикальным насильственным методам в общественной жизни, склонны прикрываться квази-марксистской терминологией и паразитировать на различных социальных проблемах современности. Левые экстремисты воинственно-нигилистически относятся к тысячелетним традициям своего народа, они выступают против японской монархии даже в её современной форме, когда император Японии является всего лишь «символом единства японской нации». В вопросах мировой политики для них характерны

демагогические выпады против «империализма и ревизионизма». На практике эта среда, как и правые радикалы, порождает подстрекателей общественных беспорядков, организаторов и исполнителей покушений и политических убийств.

В последние три десятилетия арсенал стратегии левых радикалов «обогатился» террористическими акциями на мировой арене. Самая знаменитая организация среди них - «Японская Красная армия» («Нихон сэкигун-ха»), созданная Фусако Сигэнобу и Цуёси Окудайра и др. на базе её предшественника «Фракции Красной Армии Коммунистической Лиги». Они приняли в 1971 году новую стратегию - «План строительства международных баз»: создание за пределами Японии - в Северной Корее, на Кубе, в Ливане и др. - военнотренировочных лагерей для подготовки боевиков, которые по возвращению в Японию должны были проводить «революцию» вооруженным путем.

В 1990-х годах эти группы осуществили ряд громких террористических актов - угоны самолётов, захваты заложников и освобождение их за крупный выкуп, взрывы и обстрелы в аэропортах, около дипломатических представительств, клубов. Широка и география их деятельности - Корея, Израиль, Ливия, Малайзия, Нидерланды, Бангладеш, Индонезия, Италия и пр.

Однако в 1990-х годах и этот план терпит фиаско. Их лидеров арестовывают, изгоняют из стран, передают японским властям - в Румынии (март 1995 г), Перу (июнь 1996 г), в Непале (сентябрь 1996 г), Ливане (февраль 1997 г), Боливии (ноябрь 1997 г).

Лево-экстремистские группировки Японии в последние десятилетия переживают перманентный кризис: не добившись массовой поддержки в Японии, они вынуждены были уйти в эмиграцию. Серия кровавых и бессмысленных актов 1970-1980-х годов, как и следовало ожидать, не приблизила их к «революции». В 1990-х годах их стали арестовывать даже в странах, где им сочувствовали, или относились к ним терпимо. Очевидно, что кровавых инцидентов от них общество ещё может ожидать, но видеть в них угрозу, способную поколебать существующую в Японии власть, нет ни малейших оснований.

В середине 1990-х годов в Японии произошли инциденты, которые дают повод для опасений в возможности появления в этой стране религиозного экстремизма - так называемое «дело АУМ Синрикё». Основанием для таких опасений послужили террористические акции в токийском метро с применением боевого отравляющего вещества нервно-паралитического газа зарин; ответственность за инциденты была возложена полицией и некоторыми масс-медиа на буддийскую секту «АУМ Синрикё».

Секта АУМ Синрикё была основана в 1985 году японским мистиком Сёко Асахара. Взгляды С.Асахара представляют собой причудливую смесь йоги, буддизма, индуизма, христианства. Этот «гуру» скорбит об утрате человечеством духовных ценностей, засильи материалистических умонастроений, критикует различные политические силы современности, вплоть до масонства. С самого начала в их деятельности, как обычно бывает у многих подобных сект, отмечалась тенденция к чрезмерно настойчивой прозелитистской деятельности, давлению на диссидентов и оппонентов, выманиванию материальных ценностей у своей паствы. Секта проявляла интерес и к практической политике, в 1990 году она без успеха для себя участвовала в парламентских выборах.

По обвинению в организации зариновой атаки и прочих преступлениях были привлечены к ответственности 13 лидеров секты. Периодически суд выносит обвинительные заключения по отдельным обвиняемым. В 2000 году процесс активизировался, за первую половину года приговор вынесен восьмерым обвиняемым, в том числе пять человек получили смертные приговоры.

В то же время в связи с «делом АУМ» власти Японии подверглись критике со стороны либеральных сил страны. Некоторые аналитики высказывают мнение, что «дело АУМ» является «политической проблемой»²⁴.

Сама секта отрицает свою причастность к зариновым атакам.

Расследование и судебное разбирательство проходят в нездоровой обстановке. Японские правозащитные группы и «Международная амнистия» критикуют японские власти за арест и длительное задержание Ёсихиро Ясуда, адвоката Сёко Асахара. Полиция демонстрирует тенденцию «вешать» на АУМ множество убийств по всей стране. Освещение дела в масс-медиа носит обвинительный уклон. Многие японские масс-медиа вынесли свой обвинительный приговор секте, не дожидаясь приговора суда. Уже после осуждения некоторых участников секты, продолжаются преследования их со стороны местных властей; местные власти принимают решения, нарушающие гражданские права членов секты. Дело доходит до отказа детям Сёко Асахара в праве поселиться в их местности и посещать там школу.

Подобные факты побудили некоторые либеральные круги в Японии и за рубежом более осторожно оценивать происходящее вокруг секты АУМ. «При демократии даже АУМ не виновна, пока не будет обвинительного заключения суда... Нет места для «правосудия Линча» при демократии...», - выступил со страниц близкой к деловым кругам газеты «Майнити дейли ньюс» видный японский журналист Морзе Сайто. Эти четыре года нанесли ущерб японской системе правосудия»²⁵.

Звучат в Японии в связи с этим делом и опасения за будущее гражданских свобод в стране, в частности, свободу совести.

Эти опасения перекликаются и с положениями доклада Госдепартамента США по правам человека за 1999 год²⁶, где в разделе, посвященном Японии, дело о зариновой атаке в Токио связывается с такими проблемами (названия глав), как «отказ в честном государственном правосудии», «религиозная свобода». Таким образом, и зарубежные наблюдатели за происходящим в Японии склоняются к осторожной позиции в том, что касается выводов и оценок по «делу АУМ».

Время прояснит обстоятельства этого дела: действительно ли можно говорить о зарождении в Японии религиозного фанатизма, экстремизма, и сможет ли Япония справиться и с этим серьезным испытанием для японского правосудия.

Однако отдельные явления экстремизма не опровергают факт эффективности действующей в Японии политической системы. Правящая элита Японии реализует свою руководящую волю, согласованные интересы господствующего класса, умело используя механизмы буржуазной демократии, гибко сочетая их с ресурсами и технологиями высокоразвитого государственно-монополистического капитализма, увязывая их с культурой самобытных национальных традиций; в какой-либо «чрезвычайщине» она просто не нуждается.

Вышесказанное позволяет сделать некоторые выводы относительно состояния основных параметров и магистральных тенденций преступности в японском обществе в послевоенный период и сегодня.

В послевоенный период в Японии количественная динамика преступлений, за вычетом правонарушений, связанных с «профессиональной небрежностью на транспорте», характеризовалась тем, что высокие цифры первых послевоенных лет волнообразно снижались до начала 1970-х годов, а затем плавно возрастали, практически вернувшись сегодня к исходному уровню.

В последние 15 лет наблюдается сокращение тех правонарушений, которые относятся к тяжким и наиболее опасным преступлениям - убийства, из-

насилования, разбойные нападения, распространение огнестрельного оружия и наркотических веществ, идёт резко на убыль численность рядов организованной преступности. Тенденция развивается параллельно с некоторым ростом числа малозначительных правонарушений.

Оборотной стороной низких и снижающихся количественных параметров преступности является ухудшение её качественных параметров: в остатке проявляются наиболее социально опасные элементы. Преступники, посягающие на чужую собственность, начали осваивать высокие технологии, в том числе компьютеры и информационные сети. Убийцы и грабители демонстрируют большую чем прежде жестокость и дерзость. Оружие и наркотики выходят за границы мира профессиональной преступности и проникают в новые, нетрадиционные для их распространения социальные контингенты. Среди гангстерских группировок развивается процесс олигополии, гангстеры осваивают сферы легального бизнеса, налаживают деловые контакты с финансовой элитой страны. Коррупционные скандалы дискредитируют политическое лидерство. Японский политический экстремизм продолжает оказывать давление на политическую жизнь страны, - он бросает вызов органам правопорядка и либеральной системе гражданских прав и свобод, выходит и на международную арену.

В целом, однако, реальность такова, что уровень преступности в Японии сегодня в несколько раз ниже, чем в США, России, странах Европы. Существующие формы преступности высокого уровня - организованная преступность, коррупция, политический экстремизм - успешно сдерживаются правящей элитой страны. По мировым стандартам преступности японское общество остаётся вполне благополучным.

1. См. McFarlane J. Transnational Crime as a Security Issue. A presentation to the 2-nd Meeting of the CSCAP Study Group on Transnational Crime. Oct., 1997.
2. См. подробно: Морозов Н.А. Сравнительно-правовой анализ преступности в современной Японии. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 1997. С.10.
3. См. Ерёмин В. Как Япония справляется с преступностью // Знакомьтесь - Япония. 1998. С. 63-79.
4. Ministry of Justice. Summary of the White Paper on Crime. 1997. [Www.moj.go.jp/ENGLISH/index.htm](http://www.moj.go.jp/ENGLISH/index.htm).
5. Ibidem.
6. Ibidem.
7. Составлено по данным Национального полицейского управления Японии на 30 сентября 1999 года. [Www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR29.html](http://www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR29.html)
8. National Police Agency. Intermediate Report on Security of the Information Systems. [Www.npa.go.jp/soumu/ereport.htm](http://www.npa.go.jp/soumu/ereport.htm)
9. [Www.npa.go.jp/soumu5/pro_eng.htm](http://www.npa.go.jp/soumu5/pro_eng.htm)
10. Составлено по данным Национального полицейского управления Японии на 30 сентября 1999 года. [Www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR23-26.html](http://www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR23-26.html)
11. Kopel D.B. Japan: Gun Control and People Control.1988. [Www.netside.com/~Icoble/2ndamend/japan.txt](http://www.netside.com/~Icoble/2ndamend/japan.txt)
12. Current State of Boryokudan.1996. [Www1a.mesh.ne.jp/BOOTSUI/english/e-boul/e-g2.htm](http://www1a.mesh.ne.jp/BOOTSUI/english/e-boul/e-g2.htm)
13. Составлено по данным Национального полицейского управления Японии на 30 сентября 1999 года. [Www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR31.html](http://www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR31.html)
14. Japan Almanac // Asahi Shimbun. Tokyo, 1998. P. 235.
15. [Www1a.mesh.ne.jp/BOOTSUI/english/e-boul/e-3.htm](http://www1a.mesh.ne.jp/BOOTSUI/english/e-boul/e-3.htm)
16. Составлено по данным Национального полицейского управления Японии на 30 сентября 1999 года. [Www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR41.html](http://www.jinjapan.org/stat/stats/14CMR41.html)
17. Белявская О.А.Организованная преступность в Японии. М.,1990. С.6.

18. Canadian Security Intelligence Service. Transnational Criminal Activity. November 1998. [Www.csis-scrs.gs.ca/eng/menu/menue.html](http://www.csis-scrs.gs.ca/eng/menu/menue.html)
19. Takano Hajime. Who got yakuza into our banking system? [Www.alternatives.com/crime/Yakuza2.html](http://www.alternatives.com/crime/Yakuza2.html)
20. TI - частная международная наблюдательная организация, базирующаяся в Берлине, основана в мае 1993 года. Она разработала ряд индексов для оценки степени коррумпированности страны. Индекс CPI показывает рейтинг страны по 10-бальной шкале: 10 баллов - высшая степень свободы от коррупции, 0 баллов - максимальная степень коррумпированности.
21. The 1999 Transparency International Corruption Perceptions Index. [Www.transparency.de/documents/cpi/index.html](http://www.transparency.de/documents/cpi/index.html)
22. BPI - Индекс взяточдателей - введен TI с 1999 года, выражает рейтинги 19 ведущих стран-экспортёров по степени готовности их компаний давать взятки при работе на зарубежных рынках. В остальном индекс BPI тождественен индексу CPI (см. прим. 20).
23. The 1999 Transparency International Corruption Perceptions Index. [Www.transparency.de/documents/cpi/index.html](http://www.transparency.de/documents/cpi/index.html)
24. Political problems related to Safety and Crime in Japan. Is Japan still a safe country? [Www.pixi.com/~creatives/reptgagr/900top01.html](http://www.pixi.com/~creatives/reptgagr/900top01.html)
25. Saito Morse. Battling windmills. Turtle-speed justice // Mainichi Daily News. 26 July 1999.
26. U.S. Department of State. Human rights Reports for 1999: Japan. [Www.state.gov/www/global/human_rights/1999_hrp_report/japan.html](http://www.state.gov/www/global/human_rights/1999_hrp_report/japan.html)

Экономика

Проблемы развития азиатских НИС в зеркале зарубежной экономической науки

© 2001

П. Мозиас

Окончание. Начало: ПДВ, 2001, №1.

С позиций сегодняшнего дня, когда благодаря сделанному в 70-е годы Южная Корея является одним из ведущих мировых экспортеров автомобилей и океанских судов, а Тайвань – станков с ЧПУ, такие аргументы могут показаться вполне доктринерскими. Между тем опровергнуть их с содержательной экономической точки зрения весьма трудно, если вообще возможно. Политика «вторичного» импортзамещения в НИС в 70-е годы действительно мало соответствовала традиционным представлениям о сравнительном преимуществе, и она действительно привела к существенным финансовым дисбалансам. Так что формально рассуждения неоклассиков вполне справедливы.

Разгадку этого очевидного парадокса, по-видимому, следует искать на пути более четкого разграничения временных планов: то, что в краткосрочной перспективе чревато издержками, в дальнейшем может обернуться существенными приобретениями. И вот тут следует сказать, что концепция сравнительного преимущества, будучи адекватной в статической ситуации, способна дать лишь самые общие представления о направлении дальнейшего движения. Претендовавший на динамизм «стадиальный переход» Балаша на деле был не более чем описательной концепцией, оставлявшей без ответов вопросы о том, как именно происходит переход от одной стадии сравнительного преимущества к другой, и как должна вести себя при этом экономическая политика. Тогда как логика, которую Я.Литтл назвал «инженерной» (ее, скорее, следовало бы охарактеризовать как «логику развития национальной промышленной системы»), предпочтительна по крайней мере тем, что она способна более или менее четко обрисовать причинно-следственные связи, обуславливающие то или иное течение процесса индустриализации.

Впрочем, с наибольшими трудностями неоклассики столкнулись все же не на теоретическом фронте, а в области конкретики. Уже первые попытки разработать на основе опыта НИС рекомендации для других развивающихся

Мозиас Петр Михайлович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник ВНИИВС при Министерстве экономического развития и торговли РФ.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ. Исследовательский проект № 00-02-00241а

государств привели к неожиданным результатам. А.Крюгер, последовательный критик политики импортзамещения и сторонница внешнеэкономической либерализации, по итогам исследования экономической политики в 10 развивающихся странах пришла к выводу, что девальвация и устранение внешнеторговых ограничений сами по себе приводят только к временному оживлению экспорта. Причем обеспечивается оно главным образом за счет большей загрузки уже имеющихся в промышленности производственных мощностей.

В дальнейшем этот эффект постепенно сходит на нет, и во многих странах власти прибегали к восстановлению импортных ограничений как способу борьбы с торговым дефицитом. В тех же случаях (как это было в Южной Корее), когда имел место долгосрочный рост экспорта, обеспеченный инвестициями в экспортные отрасли, то девальвацией и импортной либерализацией дело не ограничивалось, а имела место целенаправленная политика государства, компенсировавшая компаниям риски освоения внешних рынков. Так что, заключала Крюгер, если и можно отождествлять экспортную ориентацию с режимом «нейтральных стимулов», то обеспечивался он не за счет государственного невмешательства, а, напротив, за счет специальных мер государства, повышавших рентабельность экспортной деятельности до уровня рентабельности продаж на внутреннем рынке.¹

«Представляется очевидным, - писала А.Крюгер, - что для быстрого и устойчивого роста экспорта необходимы как реалистичный валютный курс, так и норма прибыли, достаточная для привлечения новых ресурсов в экспортные отрасли. И, судя по всему, это предполагает предоставление предпринимателям в экспортоориентированных отраслях гарантий того же типа, которые обеспечиваются импортными ограничениями и другими сходными мерами в условиях импортзамещения. В экономиках, в которых государственное вмешательство обычно простирается практически на все области экономической деятельности, государственная политика может весьма существенно воздействовать на динамику рентабельности, и такое воздействие может быть необходимым для того, чтобы создать достаточные стимулы к перераспределению ресурсов в экспортные отрасли.»²

Иными словами, в условиях развивающейся экономики для притока инвестиций в экспортные производства даже в тех отраслях, по которым страна имеет сравнительное преимущество, чисто рыночных стимулов недостаточно, этот процесс должен поощряться государством. А экспортную ориентацию, прямо признала Крюгер, не стоит ассоциировать исключительно с либерализацией и противопоставлять ее в этом качестве дирижистской политике импортзамещения. В действительности осуществление как импортзамещения, так и экспортной ориентации предполагает активные государственные интервенции (при всем различии их методов и порождаемых ими последствий). Но почему это так - А. Крюгер не объяснила, просто сославшись, как в приведенной цитате, на вообще свойственную развивающимся странам значительную роль государства в экономике.

Не все так просто оказалось и с импортной либерализацией. Оценивая последствия либерализации, осуществленной на Тайване на рубеже 50-60-х годов, Я.Литтл был вынужден признать, что ее результатом было не введение режима «свободной торговли», а формирование своего рода дуальной экономики. Экспортеры могли ввозить из-за рубежа необходимые им товары производственного назначения по ценам мирового рынка, им компенсировались импортные таможенные пошлины и косвенные налоги. Но это сочеталось с сохранением достаточно высоких ставок импортного таможенного тарифа, в том числе и на товары самих экспортных отраслей. Кроме того, тайваньским поставщикам оборудования и комплектующих возмещалась сумма импортной пошли-

ны, которую экспортер должен был бы заплатить при закупках аналогичной продукции за рубежом. Местные производители получали тем самым протекционистскую защиту и стимулировались к продажам своей продукции экспортерам.³ Нет нужды объяснять, что все это существенно отличалось от нарисованной Б.Балаша картины свободного выбора экспортеров между внутренними и внешними источниками субпоставок.

Но можно ли сказать, что принципы функционирования экспортного и импортозамещающего секторов были различными? Многие неоклассики утверждали, что это именно так и что, по крайней мере, экспортный сектор можно считать средоточием экономического либерализма. Десятилетием позже Я.Литтла нечто подобное попытался доказать Л.Вестфаль в статье об индустриальной политике в Южной Корее.⁴ В корейской экономике он выделял два сектора, в отношении которых проводилась разная политика – сектор экспортных, «сформировавшихся» отраслей, по которым страна имела сравнительное преимущество, и сектор «нарождающихся» отраслей (*infant industries*). Если в первом случае речь шла о режиме «нейтральных стимулов», то во втором – об активной протекционистской политике. Причем, как специально оговаривался Вестфаль, рентабельность экспортных продаж на уровне не меньше чем при продажах на внутреннем рынке была обеспечена не за счет крупномасштабной импортной либерализации, а путем «изоляции» экспортной деятельности от «неблагоприятных последствий» политики, проводившейся в другом секторе.

Хотя импортная либерализация тоже имела место, но она касалась беспошлинного импорта инвестиционных товаров для экспортных производств. За счет контроля над банковской системой (все банки в Южной Корее были в 1961 г. национализированы и оставались в госсобственности до начала 80-х годов) государство также гарантировало экспортерам доступ к кредиту на пополнение оборотных средств – в определенной пропорции к объемам экспортных продаж. Подобного рода стимулы, отмечал Вестфаль, предоставлялись «равномерно»: экспортеры из различных отраслей пользовались ими на единообразных условиях.

Но в то же время, признавал Вестфаль, в поощрении экспорта использовался и такой инструмент, как ежеквартальное установление экспортных планов по отдельным компаниям, а также по отдельным товарам и рынкам сбыта. За их перевыполнение фирмы стимулировались дополнительным доступом к кредиту и налоговыми скидками. Кроме того, меры вроде налоговых послаблений, предоставления кредитов по преференциальным процентным ставкам, привилегированного доступа к квотируемому импорту использовались и как дополнительные рычаги стимулирования экспорта в периоды, когда ускорение инфляции приводило к завышению валютного курса. И перечислив все это, Л.Вестфаль вынужден был скорректировать свою первоначальную формулировку: стимулы в экспортном секторе были «по преимуществу, но не полностью нейтральны».⁵

Что же касается сектора «нарождающихся отраслей», то здесь использовался широкий арсенал средств поощрения – преференциальный доступ к долгосрочному кредиту, налоговые и таможенные льготы, защита от импортной конкуренции. Государство непосредственно определяло круг ведущих агентов развития этих отраслей. Предпочтение отдавалось крупнейшим корейским ФПГ («чеболь»), нередким было и создание государственных предприятий, а доступ иностранных инвесторов в новые отрасли жестко регламентировался. Принципиально, однако, и то, что государство поощряло скорейший выход «нарождающихся отраслей» на внешние рынки и снижение цен до мировых показателей. В отношении этих отраслей тоже применялось экспортное планирование, сочетавшее в себе методы административного воздействия и

экономического стимулирования. Сам механизм субсидирования и протекционизма в отношении «нарастающих отраслей» работал таким образом, что при гарантированной прибыльности продаж на защищенном и монополизированном внутреннем рынке фирмы могли снижать цены, сталкиваясь с более эластичным спросом на конкурентных международных рынках. Существенно и то, что размеры государственного субсидирования уменьшались по мере «созревания» новых отраслей, а критерием его как раз и выступало увеличение экспорта.

Но, принимая во внимание все это, можно ли говорить о коренных различиях в экономической политике, проводившейся в отношении первого и второго секторов? Уровень либерализации в экспортном секторе действительно был выше, но и здесь использовались инструменты активного государственного воздействия, в том числе экспортное планирование. С другой стороны, в отношении «нарастающих отраслей» государственное поощрение со временем ослаблялось, и эти отрасли также стимулировались к экспорту. Как признавал сам Вестфаль, по крайней мере часть этих отраслей в дальнейшем переходила в разряд экспортных отраслей – носителей сравнительного преимущества, а их место занимали новые «нарастающие отрасли».

Поэтому речь, скорее, нужно вести об отдельных звеньях единого процесса. Новые промышленные отрасли всегда первоначально создавались как импортзамещающие. Для их экспортной ориентации требовались дополнительные стимулы, которые затем постепенно снимались, и режим действительно становился ближе к «нейтральному», хотя полностью таковым он не становился никогда. Так что различие между секторами касается больше выполнявшихся ими функций (экспортная деятельность или замещение импорта), чем применявшихся методов государственного регулирования. Политика развития, проводившаяся в азиатских НИС, предстает в таком случае как внутренне сложная, но целостная, сочетавшая в себе меры экспортной ориентации с импортзамещением, использование рыночных механизмов – с активным государственным вмешательством в экономические процессы.

К началу 90-х годов, будучи уже не в силах отрицать сам факт масштабных государственных интервенций в экономиках НИС, неоклассическое направление вынуждено было перейти к оценке их эффективности и объяснению их причин. Ресурсы для такого рода анализа были найдены в пределах самой неоклассической парадигмы. Дело в том, что вообще говоря, неоклассическая теория не исключает определенные ситуации, в которых рынок не может обеспечить эффективное распределение ресурсов. Подобные ситуации называют «несовершенствами» или «провалами» рынка (market failures). Обычно к ним относят:

- монополизацию рынков;
- несовершенство (асимметричность) информации;
- наличие внешних эффектов (экстерналий) – издержек и выгод от рыночных сделок, не получающих отражения в ценах;
- производство общественных благ – товаров, которые потребляются всеми группами населения на равных основаниях независимо от того, платят люди за них или нет;
- порождаемое рынком крайне неравномерное и заведомо социально неприемлемое распределение доходов.

Во всех этих случаях теория считает оправданными действия государства, выходящие за рамки обычной политики макроэкономической стабилизации. Или, говоря иначе, такие ситуации очерчивают пределы государственного вмешательства, допустимого с точки зрения неоклассической теории. Под ту

или иную категорию «провалов рынка» и стали подводить интервенции, к которым прибегали правительства азиатских НИС.

Так, Г.Папанек связывал их с позитивными экстерналиями, проистекающими из самой сути трудоемкой экспортной ориентации. Фирмы в экспортных отраслях несут издержки, связанные с проникновением на внешние рынки и с подготовкой трудовых ресурсов для работы по стандартам, приемлемым для обеспечения международной конкурентоспособности. Однако частные выгоды, которые получают в итоге фирмы и которые находят отражение в ценах на экспортную продукцию, оказываются меньше, чем выгоды, получаемые обществом в целом. Так происходит потому, что результатами усилий одной фирмы могут воспользоваться другие. Престижем компании, поставляющей на внешние рынки качественную продукцию, может воспользоваться производитель из той же страны, экспортирующий менее качественный товар. Или же персонал, подготовленный одной фирмой, могут нанимать другие, не производившие соответствующих затрат. Поэтому без государственного вмешательства инвестиции частных фирм в физический и человеческий капитал были бы ниже общественно оптимальных. По мнению Папанека, правительства азиатских НИС решали эту проблему за счет государственного субсидирования экспорта и значительных государственных инвестиций в систему образования.⁶

Л.Вестфаль объяснял причины государственных интервенций, адресуясь к несовершенствам международного рынка технологий. Для развивающихся стран, не имеющих собственной базы НИОКР, именно заимствование технологий является ключевым условием индустриализации. Между тем покупка оборудования и лицензии за рубежом, как правило, еще не достаточна для эффективного внедрения технологии. Обычно для ее адаптации к условиям развивающейся экономики нужны дополнительные усилия. Поэтому издержки, которые несет фирма-покупатель, обычно выше, чем непосредственная цена, уплачиваемая при импорте технологии.

В свою очередь попадание технологии на внутренний рынок развивающейся страны приводит к возникновению позитивных внешних эффектов, так как реально технологией пользуется не только ее непосредственный импортер, но и его смежники – контрагенты, а через них – и другие фирмы. Отсюда возникает необходимость в государственном субсидировании фирм-импортеров технологий, которые выступают инициаторами создания принципиально новых для развивающейся экономики производств. Это и нашло свое выражение в политике поощрения «нарастающих отраслей», проводившейся в азиатских НИС.⁷

Наиболее последовательно такой методологический подход был реализован во впервые опубликованном в 1993 г. и получившем широкий резонанс докладе коллектива авторов Всемирного Банка «Экономическое «чудо» Восточной Азии. Экономический рост и государственная политика». Эту хорошо документированную работу (использовались материалы не только по «четверке» НИС, но и по Японии и трем странам АСЕАН) по праву можно считать квинт-эссенцией обновленной неоклассической трактовки «восточно-азиатской модели развития».

Авторы доклада уделяли особое внимание проводившейся в странах Восточной Азии «здоровой», «прорыночной» макроэкономической политике, создавшей благоприятные условия для частных инвестиций. Имелись в виду бюджетная сдержанность и контроль за приростом денежной массы, обеспечившие низкие темпы инфляции; отказ от искусственного завышения валютного курса; государственные инвестиции в человеческий капитал; эффективное управление внешним долгом и т.д. Но, признавали авторы, сводить всю картину экономической политики к таким чисто либеральным элементам было бы

неправильно, так как восточно-азиатские правительства прибегали к активному вмешательству в экономические процессы, прежде всего — к селективной поддержке приоритетных отраслей промышленности.

Оценки авторов по поводу эффективности государственных интервенций были весьма амбивалентными. В принципе легче доказать, утверждали авторы, что азиатские правительства ограничивали негативные последствия интервенций, нежели продемонстрировать их реальные положительные эффект. Во всяком случае, ценовые деформации, вызванные интервенциями, в странах Восточной Азии были менее существенными, чем в других развивающихся странах. Кроме того, авторы ссылались на больший либерализм, свойственный экономической политике Гонконга и стран АСЕАН, и утверждали, что и на Тайване и в Южной Корее масштабы государственного вмешательства могли бы быть скромнее.⁸ Тем не менее признавалось, что в ряде случаев государственные интервенции действительно способствовали экономическому росту и улучшению в распределении доходов. Но происходило это только тогда, когда государственное вмешательство было ответом на «провалы рынка» — иначе функцию распределения ресурсов мог бы выполнить и спонтанный рыночный механизм. Характерно, однако, то, как именно определяли авторы подобные ситуации.

Логика рассуждений отталкивалась от констатации, что в рыночной экономике функцию передачи информации выполняют цены. Но в развивающихся странах, где, как прямо признавали авторы, рыночные механизмы развиты не достаточно, существуют серьезные проблемы с распространением информации и с координацией деятельности экономических субъектов. А потому существует потребность в иных механизмах координации, и они обеспечивают благодаря деятельности государства.

В наибольшей степени информационные проблемы испытывают на себе рынки капитала. Фондовые рынки в развивающихся странах только складываются, и главным источником финансирования для компаний выступает кредит. Но рынок кредита даже в условиях высокоразвитой экономики по природе своей склонен к рационалированию. Средства никогда не предоставляются соискателю автоматически, так как необходима проверка его способности выплачивать долг. Капитал поэтому распределяется через сложный процесс оценок и согласований, весьма далекий от идеальной картины анонимного конкурентного распределения ресурсов. Воздействие азиатских правительств на функционирование национальных банковских систем (в том числе через влияние на величину процентных ставок и на выбор приоритетных заемщиков) и было реакцией на эти врожденные недостатки чисто рыночной координации.

Далее, ввиду несовершенств кредитных рынков отдельным компаниям трудно мобилизовать средства для реализации крупных инвестиционных проектов. Между тем в целом ряде отраслей крупные размеры капиталовложений являются условием эффективной организации производства, снижения издержек до оптимального уровня. Ситуацию усугубляет то, что при несовершенстве ценовой информации и очевидной несбалансированности отраслевой структуры развивающихся экономик не ясны перспективы новых капиталовложений. Предприниматели не уверены в наличии спроса на свою продукцию и в бесперебойности поставок сырья и комплектующих. В таких условиях государственная промышленная политика обеспечивает необходимую координацию, стимулируя развитие отраслей-смежников, в том числе за счет создания государственных предприятий в тех случаях, когда не находится частных инвесторов, готовых осуществлять соответствующие проекты.

Наконец, еще одна категория «провалов рынка» связана с высокой рискованностью освоения новых технологий и выхода на неизвестные внешние

рынки. Такого рода деятельность к тому же чревата возникновением значительных внешних эффектов, ибо результатами деятельности одних фирм пользуются другие. В развивающихся странах это усугубляется отсутствием отлаженных рыночных механизмов диверсификации инвестиционных рисков. Поэтому такие проблемы преодолеваются за счет государственного субсидирования сферы НИОКР и поощрения экспорта.⁹

Осмысливая эти аргументы, трудно отделаться от ощущения двойственности. Если отбросить частности, то речь идет о том, что развивающимся экономикам присущи такие же виды «провалов рынка», как и экономикам развитым, но только в развивающихся странах эти проблемы носят более выраженный характер. Иными словами, потребность в активном государственном вмешательстве в развивающихся странах объясняется тем, что... это страны слаборазвитые. Тавтологичность подобной аргументации не требует особых комментариев.

Другое дело, что собственно критерием слаборазвитости авторы доклада Всемирного Банка определили незрелость рыночных механизмов в экономике развивающихся стран. Но тогда возникает вопрос, а применима ли вообще в данном случае методология объяснения государственных интервенций через «провалы рынка»? Ведь в принципе такая методология призвана трактовать некие отклонения от общего правила, ситуации периферийного плана по отношению к стандартным. Применительно же к азиатским НИС, да и к развивающимся странам в целом, такие отклонения как раз и выглядят фундаментальной закономерностью.

Проблема не в том, что апелляция к «провалам рынка» вообще не правильна. Изъян ее состоит в том, что категориальный аппарат, разработанный на основе описания уже сформировавшейся рыночной системы, используется для анализа принципиально иной ситуации. И поэтому данная методология способна дать лишь самый поверхностный срез проблемы и не может дать динамического описания процессов, происходящих в развивающейся экономике. Ведь сама по себе констатация того, что рыночный механизм не развит, еще ничего не говорит о том, как именно он развивается, каковы закономерности этого процесса, и как должно изменяться в перспективе соотношение между рыночным саморегулированием и государственными интервенциями.

В то же время, хотели того или нет авторы доклада, но постановка вопроса о незрелости рынка и о компенсирующем ее государственном вмешательстве вплотную подводит к двум принципиальным выводам, касающимся в целом неоклассической трактовки экономического развития азиатских НИС.

Во-первых, эта постановка вопроса ставит под удар идею о либерализации как о возвращении к некоему «естественно-рыночному» порядку вещей. Выясняется, что такого «естественного» состояния просто не существует в природе, и рынок нельзя рассматривать как исходную, постоянную и неизменную целостность. Для создания развитых институтов рыночной экономики нужно время, и нужны специальные усилия со стороны государства. Безосновательными выглядят в таком случае надежды на либерализацию как на политику, высвобождающую энергию рыночных сил, автоматически обеспечивающих оптимальное распределение ресурсов, в частности — их перераспределение в отрасли, по которым страна имеет сравнительное преимущество. Вполне логично поэтому, что экспортная ориентация оказалась гораздо более сложным явлением по сравнению с тем, как ее первоначально изображали неоклассики.

Но, во-вторых, если государственные интервенции выступают как компенсация неразвитости чисто рыночных инструментов распределения ресурсов, то тем самым явно или неявно предполагается, что государственное вмешательство должно ослабляться по мере созревания институтов рынка. А та-

ким образом обосновывается идея о долгосрочном процессе либерализации экономики как о процессе созреваания рыночных институтов, стимулируемом определенной государственной политикой. Тогда и реформы, проведенные на Тайване и в Южной Корее на рубеже 50-60-х годов, и новый период либерализации, наступивший в 80-90-е годы, можно рассматривать как отдельные этапы этого длительного процесса. В этом смысле неоклассическая трактовка вполне адекватно описывает конкретные шаги по созданию рыночной экономики, но к сожалению она сводит причины экономического успеха НИС только к таким шагам, не давая полной картины происшедшего.

Вопрос, таким образом, не в том, что неоклассическая трактовка не верна в принципе. Просто, в силу своей статичности, она не достаточна.

На пути к новой парадигме

В любом случае ограничиться констатацией, что опыт азиатских НИС укладывается в общую для развивающихся стран тенденцию активного государственного вмешательства в экономику было бы сильным упрощением. История второй половины XX в. дает немало примеров того, как элитаристские тенденции в государствах "третьего мира" возникали вследствие идеологического стремления ограничить роль частного предпринимательства или же стремления правящих элит к обогащению за счет извлечения ренты. Да и в тех случаях, когда государство пыталось совмещать интервенции с использованием рыночных сил, такие попытки часто не были плодотворными (как в тех же странах Латинской Америки). Почему все же в азиатских НИС государственные интервенции способствовали экономическому успеху? Можно ли сказать, что дело тут только в избранной внешнеэкономической стратегии, столь явно отличавшей Тайвань и Южную Корею от большинства развивающихся стран?

К началу 90-х годов эти вопросы оказались в фокусе внимания тех исследователей, которые, убедившись в неадекватности традиционных трактовок азиатского «чуда», попытались разработать новый подход, ставящий во главу угла именно экономическую роль государства. В неоклассических кругах этот новый подход принято называть «ревизионистским», тогда как сами его сторонники предпочитают характеризовать его как концепцию «государства развития» или «государства, осуществляющего развитие» (developmental state).

Термин «государство развития» впервые был введен в оборот политологом Ч.Джонсоном. По его мнению, такое государство формируется с приходом к власти элиты реформаторов, знакомых с ситуацией в передовых странах и осознающих необходимость в ускоренной модернизации собственной страны. В случае с Тайванем и Южной Кореей большое значение имело также стремление правящих режимов в условиях противостояния с коммунистическими соперниками подтвердить свою политическую легитимность достижениями в экономике.

«Государство развития» привержено ценностям частной собственности и рынка, но проводит активную интервенционистскую политику. Правящая группа предлагает обществу мобилизационную идеологию, окрашенную в националистические тона. Власти убеждают население, что от экономического роста выиграют все социальные группы, а не только верхушка государственной бюрократии и бизнеса. В формировании экономической политики важную роль играют консультации правительства и крупного бизнеса, но государство достаточно сильно для того, чтобы противостоять лоббистскому давлению. Долгосрочная экономическая политика ограждена от влияния краткосрочных политических интересов. Это достигается через разделение функций между высшим политическим руководством, определяющим общее направление движения и гарантирующим общественную стабильность, и группой деполитизиро-

ванных технократов, реально управляющих экономикой. Высшие руководители обеспечивают технократам определенное пространство для маневра, но в то же время они прибегают к периодическим перетряскам правительственной команды, избавляясь от неэффективных или коррумпированных чиновников. Политический режим при этом имеет откровенно авторитарную форму (как на Тайване и в Южной Корее до конца 80-х годов) или же форму демократической однопартийности по послевоенному японскому образцу.¹⁰

В работах Ч.Джонсона, написанных еще в 80-е годы, утверждалось, что эта модель развития, возникнув однажды в восточно-азиатских странах, оставалась в основных своих чертах неизменной. В более поздних политологических исследованиях (в частности в работах С.Хаггарда) внимание акцентировалось на постепенном усилении позиций частного бизнеса, приведшем к экономической и политической либерализации.¹¹

Как нетрудно убедиться, в отличие от неоклассиков и сторонников «теории зависимости», подстраивавших конкретные страновые исследования под априорно принятые теоретические установки, «государственники» двигались противоположным путем – от эмпирических фактов к теоретическим обобщениям. Это свойственно и экономическому анализу с позиций «государства развития». Заслугой «государственников» можно считать уже то, что в их работах было дано комплексное, без идеологизированных купюр описание реальных процессов, протекавших в экономиках азиатских НИС.

Сложнее обстоит дело с их концептуальным осмыслением. Наиболее интересные разработки в этом направлении изложены в публикациях Р.Уэйда и А.Амсден. Примечательно, что оба исследователя в прошлом придерживались более традиционных подходов. Первые работы А.Амсден по восточно-азиатской тематике, посвященные Тайваню, были написаны с позиций «теории зависимости». Экономические успехи Тайваня характеризовались как «уникальный случай», не воспроизводимый в условиях других развивающихся стран, хотя при этом особо подчеркивалось, что нейтрализация негативных последствий «зависимости» была обеспечена за счет определяющей роли государства в экономике.¹² Что же касается Р.Уэйда, то он использовал многие инструменты неоклассического анализа и считал своей задачей не столько опровержение, сколько дополнение неоклассического подхода.¹³

Путь решения теоретических проблем, возникших при исследовании азиатского «чуда», Р.Уэйд видел в возвращении к традиции теории развития 50-60-х годов с ее приоритетным вниманием к процессу накопления капитала. Преимущество азиатских НИС по сравнению с другими развивающимися странами состояло прежде всего в наличии эффективных государственных механизмов поощрения инвестиционной деятельности. Если у неоклассиков огосударствление банковской системы в НИС в 50-80-е годы и почти полное отсутствие иных, кроме банков, финансовых посредников трактовалось как недостаток, то Уэйд, напротив, считал, что такая финансовая система была весьма эффективна в решении задач экономического развития. У субъектов частных сбережений не было иного выбора, кроме как помещать средства на счета в государственные банки. За счет жесткого государственного контроля в банковской сфере ограничивались возможности для вывоза денег за рубеж. Государство, таким образом, способствовало трансформации сбережений в инвестиции, поддержанию предложения капитала внутри страны и снижению процентных ставок для компаний-заемщиков.

Но дело не только в этом. В условиях, когда рынки ценных бумаг только начинают складываться, а возможности самофинансирования промышленных компаний ограничены, высокая норма накопления может быть обеспечена только за счет активного привлечения компаниями банковских кредитов. Зна-

чительная задолженность фирм является поэтому условием поддержания высоких темпов экономического роста. Но одновременно она означает и повышенный риск для национальной финансовой системы. Выплаты по кредитам по определению фиксированы, тогда как прибыли компаний подвержены существенным колебаниям. Поэтому всегда существует опасность, что определенная часть компаний не сможет осуществлять погашение кредитов, и в банковской системе возникнут «плохие долги».

В таких условиях не склонные к риску субъекты сбережений будут избегать помещения средств на банковские депозиты. В свою очередь фирмы-заемщики будут опасаться, что выплаты по долгам поглотят большую часть прибыли или даже приведут к неплатежеспособности. Поэтому они будут предъявлять пониженный спрос на кредит. Если государство не будет воздействовать на ситуацию, то норма накопления будет ниже потенциально возможной. Правительства азиатских НИС решали эти проблемы двояким образом. С одной стороны, они осуществляли меры по повышению устойчивости банковских систем (за счет страхования банковских депозитов, рекапитализации «проблемных» банков и т.д.). С другой стороны, государство брало на себя весомую долю рисков, связанных с частной инвестиционной деятельностью (путем контроля за величиной процентных ставок, предоставления инвесторам фискальных льгот, непосредственного финансового участия в приоритетных инвестиционных проектах и т.д.).¹⁴

Государственное воздействие на инвестиционный процесс осуществлялось на всех стадиях индустриального созревания экономик. Сама последовательность фаз экономической политики, согласно Р.Уэйд, определялась не субъективным выбором между либерализацией и дирижизмом или же выбором между следованием и неследованием сравнительному преимуществу. Здесь действовали внутренние закономерности развития национальной промышленной системы. Период «первичного» импортзамещения 50-х годов не был напрасно потерянным временем, механизмы быстрого экономического роста и структурной трансформации были запущены уже в то время. А переход к экспортной ориентации в конце 50-х – начале 60-х годов нельзя рассматривать как отказ от не оправдавшей себя прежней политики. Он был связан с происшедшим насыщением внутренних рынков Тайваня и Южной Кореи простой потребительской продукцией, и в этом смысле придание трудоемким отраслям экспортной направленности явилось дальнейшим развитием потенциала, созданного в 50-е годы.

В свою очередь процессы «вторичного» импортзамещения также были объективно обусловлены. Во-первых, тем самым создавались внутренние производства инвестиционных товаров, необходимых для экспортных отраслей. Причем, как отмечал Р.Уэйд, потребность в развитии капиталоемких отраслей промышленности не может быть адекватно выражена только через рыночные ценовые сигналы. Импортное оборудование и комплектующие могут быть дешевле отечественных. Но простое сопоставление цен не дает полной информации об издержках, которые несет страна. В условиях неразвитости собственных базовых производств и системы НИОКР рост инвестиций равнозначен росту импорта, а это даже в условиях экспортной ориентации способствует хронической дефицитности торгового баланса с соответствующими макроэкономическими последствиями. Стимулы к вложению капитала в отрасли, выпускающие продукцию производственного назначения, возникали поэтому не столько как следствие рыночного спроса, предъявляемого отраслями-производителями потребительских товаров, сколько благодаря целенаправленным усилиям государства, стремившегося к сбалансированному развитию национальной экономики.

Во-вторых, политика государства строилась не только исходя из текущей ситуации, но и в расчете на ее будущие изменения. Осознавая недолговечность трудоемкой специализации, государство осуществляло «упреждающее» развитие новых, капиталоемких и техноёмких отраслей. Изначально они ориентировались в основном на обслуживании внутреннего рынка, но активно поощрялась и их экспортная деятельность. Нельзя, таким образом, говорить, что государственная политика просто следовала сравнительному преимуществу, а само оно изменялось вследствие структурных сдвигов, происходивших под воздействием рыночных сил. Речь шла о «моделировании» будущей экспортной специализации государством. В краткосрочном плане такая политика была чревата финансовыми дисбалансами. Но затем они преодолевались, и страна получила не только стабильные финансы, но и диверсифицированную промышленную структуру с новыми профилирующими отраслями-экспортерами.¹⁵

В целом, по мнению Р.Уэйда, различия хозяйственных систем азиатских НИС и других развивающихся стран, в частности – латиноамериканских, не следует рассматривать через призму дихотомий «либерализм – дирижизм» и «экспортная ориентация – импортзамещение». То есть из всей системы дихотомий, сформулированных в свое время Б.Балаша, адекватным является только противопоставление внутри- и внешнеориентированных вариантов развития. Специфика стран Восточной Азии состояла в особом механизме взаимодействия экспортного и импортзамещающего секторов. Речь шла не просто об импортзамещении, а о развитии отраслей, обслуживавших потребности экспортеров. Импортное регулирование основывалось не столько на формальных, сколько на неформальных ограничениях. Местные производители инвестиционных товаров получали протекционистскую защиту, но одновременно они ощущали постоянную угрозу допуска большего количества импортных аналогов на внутренний рынок, а потому вынуждены были стремиться к снижению своих цен до уровня мировых.

Иными словами, если экспортеры действовали непосредственно в условиях международной конкуренции, то для импортзамещающих производств такие условия *имитировались* благодаря определенной политике государства. Дисциплинирующее воздействие мировых цен в результате оказывалось на всю экономику, и, как следствие, структура цен в экономиках НИС действительно не была существенно «деформирована», если считать признаком деформации отклонение от мировых показателей. Это вовсе не означает, что распределение ресурсов происходило исключительно под воздействием ценовых сигналов с внешних рынков: эти сигналы опосредовались государством, которое само выступало главным генератором стимулов к структурным сдвигам. Но можно сказать и так, что именно «замкнутость» всей экономической модели на экспорт обеспечивала результативность государственных интервенций.¹⁶

Легко заметить, что многие элементы неоклассического подхода Р.Уэйдом не отвергались, а наполнялись новым содержанием. Понятно, однако, что концепция, являющаяся простым alter ego неоклассики и заимствующая методологию последней, не может не воспроизводить, пусть «с обратным знаком», и ее внутренние изъяны. Полемизируя с неоклассиками, Уэйд подчеркивал, что государство продолжало играть ведущую роль в экономиках НИС и после окончания «первичного» импортзамещения. Сам факт постепенной либерализации экономик при этом практически отрицался, по крайней мере применительно к периоду 60-70-х годов. Утверждалось, что реформы рубежа 50-60-х годов привели лишь к изменению направленности интервенций, а она сводилась к «упреждению» смены сравнительного преимущества в экспортном секторе и поощрению импортзамещающих производств инвестиционных товаров.

Но тогда получается, что в статической ситуации (в случае с трудоемкими отраслями) сравнительное преимущество реализовывалось исключительно благодаря спонтанным рыночным силам. А государственные интервенции (вопреки общему пафосу рассуждений Р.Уэйда) выглядят не как системообразующий элемент, а как дополнение к экономической системе, действующей на рыночных принципах. Формально Р.Уэйд отвергал подход к объяснению государственных интервенций через «провалы рынка», так как, по его мнению, речь шла не о распределении, а о создании новых ресурсов. Но в конечном счете, говоря о причинах интервенций, он использовал понятия «внешних эффектов», «нарождающихся отраслей», «эффекта экономии на масштабах», и в этом смысле оставаясь, таким образом, в рамках неоклассической методологии.¹⁷

В работах А.Амсден предпринята попытка создания принципиально новой парадигмы. По мнению этой исследовательницы, Тайвань и Южная Корея относятся к группе стран, переживших процесс «поздней индустриализации» (к этой группе А.Амсден отнесла также Бразилию, Аргентину, Мексику, Индию и Турцию). Во всех этих странах промышленное развитие по-настоящему началось только в середине XIX в. и было обеспечено благодаря сходным институциональным факторам, прежде всего — благодаря активной роли государства в экономике.

В Англии — стране первой промышленной революции, а также в США и Германии, вышедших на позиции мировых промышленных лидеров к концу XIX в., процесс индустриализации базировался на собственных научно-технических достижениях. Напротив, «поздняя индустриализация» основана на заимствовании стандартизованных технологий из-за рубежа, а не на создании принципиально новых продуктов или производственных процессов. Практически единственным конкурентным преимуществом стран «поздней индустриализации» является дешевизна трудовых ресурсов. Но проблема в том, что и это преимущество не может быть реализовано автоматически, поскольку низкий уровень оплаты труда напрямую связан с такими показателями экономической отсталости, как низкая норма сбережений, высокие процентные ставки, зависимость от импорта промежуточной продукции и т.д. Поэтому промышленный экспорт из стран «поздней индустриализации» становится конкурентоспособным только при условии субсидирования его государством. Иначе говоря, согласно А.Амсден, и в статической ситуации сравнительное преимущество по трудоемким отраслям реализуется только благодаря государственным интервенциям.

В более общем плане государственное стимулирование инвестиций за счет установления протекционистских импортных барьеров и выделения льготных кредитов является необходимым условием развития национального промышленного потенциала. Именно государственные субсидии, по словам Амсден, являются настоящим символом «поздней индустриализации». Это обусловлено внутренними противоречиями процесса развития. Теоретические концепции, изображающие превращение сбережений в инвестиции как процесс, управляемый исключительно рыночными процентными ставками, как известно, были поставлены под сомнение еще Кейнсом. В развивающейся экономике ситуация особенно сложна. Для стимулирования сбережений нужны высокие процентные ставки, а поощрение инвестиций, наоборот, требует пониженных ставок. Аналогичным образом, для стимулирования экспорта требуется снижение валютного курса, а для минимизации выплат по внешнему долгу и платежей за импортные инвестиционные товары нужен завышенный валютный курс.

Такого рода конфликты интересов и решаются с помощью государственного посредничества. В результате формируется система множественных цен, в частности – система процентных ставок, дифференцированных для отдельных категорий заемщиков, и система различных валютных курсов для экспортеров и импортеров (даже при формальной унификации валютного курса такой эффект достигается за счет субсидирования экспорта).¹⁸ Итак, если Р.Уэйд соглашался с неоклассиками в характеристике системы цен в азиатских НИС как «недеформированной», то А.Амсен, напротив, подчеркивала, что цены подвергались целенаправленному государственному воздействию.

Сильной стороной концепции А.Амсен, несомненно, является то, что в ее рамках не только преодолевается традиционное противопоставление экспортной ориентации и импортзамещения, но также и внешне- и внутриориентированные варианты развития трактуются как частные проявления общего правила. Но приходится признать, что методологические основы концепции не выглядят бесспорными. Критерием отнесения отдельных стран к группе «поздней индустриализации» фактически выступает время подключения национальных экономик к системе мирового хозяйства (что, кстати, весьма напоминает методологический подход «теории зависимости»). Процесс развития при этом трактуется через призму внешнеэкономических факторов, прежде всего – ценовой конкурентоспособности экспорта и возможностей заимствования иностранных технологий. То есть уже в начальном пункте анализа неявно предполагается существование «открытой» экономики, хотя, вообще говоря, потребность в государственных интервенциях должна быть объяснена на более абстрактном уровне, предполагающем «закрытую» модель. Иначе не совсем понятно, что собственно говоря, общего у азиатских НИС с той же Индией, в экономической политике которой долгое время сильны были изоляционистские тенденции.

Более плодотворным представляется объяснение государственных интервенций через ссылку на противоречия интересов по поводу процентных ставок и других финансовых переменных. А.Амсен признавала, что такие противоречия свойственны любой экономике, но настаивала, что в развивающейся экономике они особенно остры. И хотя сама Амсен не делала такого вывода, но весь ее анализ подводил к тому, что государственные субсидии выступают не просто как символ «поздней индустриализации», а как свидетельство неразвитости рыночных механизмов перераспределения финансовых ресурсов, в частности – от субъектов сбережений к фирмам-инвесторам. А отсюда и следует, что приток инвестиций даже в трудоемкие отрасли, по которым развивающаяся страна имеет сравнительное преимущество, становится реальным только при активном государственном содействии.

Но почему развитие Южной Кореи и Тайваня оказалось более успешным, чем в других странах «поздней индустриализации»? По мнению А.Амсен, причина не в большей опоре на рыночные силы, а в лучшем функционировании институтов. В азиатских НИС государство было достаточно сильно для того, чтобы дисциплинировать использование субсидий частными фирмами: в отличие от других развивающихся стран, государственные субсидии предоставлялись не безусловно, а в обмен на соблюдение определенных требований. Иначе говоря, вопреки неоклассическим предписаниям, ключом к успеху было не отсутствие государственной поддержки бизнеса как таковой, а установление жестких процедур ее предоставления.

Система не была свободна от коррупции и фаворитизма, но в целом она была эффективной. Государство поощряло соревнование между фирмами, и «призами» для победителей в нем были прежде всего льготные кредиты и лицензии на создание новых производственных мощностей. В свою очередь дея-

тельность фирм оценивалась по таким показателям, как темпы внедрения новых технологий, повышение качества продукции, достижения в сфере НИОКР и, главное, объемы экспортных продаж. Именно экспорт продукции выступал в качестве главного объективного критерия при распределении субсидий.¹⁹ И, учитывая это, формулировку А.Амсден, по-видимому, стоит скорректировать: дело не только в институтах, но все-таки и в рынке тоже. А именно: можно сказать, что с помощью соревновательного распределения субсидий государство не просто компенсировало институциональными средствами неразвитость внутренних механизмов рыночной конкуренции, но и распространяло на внутреннюю экономику действие ценовой дисциплины внешних рынков.

Концепция «поздней индустриализации» А.Амсден, как и концепция «государства развития» в целом, не свободны, таким образом от внутренних противоречий и несовершенств. Собственно говоря, так бывает всегда при разработке новых концепций, тем более, что в данном случае речь идет не только о новой трактовке «восточно-азиатской модели», но и о переработке всей теории экономического развития. Вклад «государственников» в решение обеих этих проблем весьма значителен, их разработки по многим позициям выглядят убедительно. Тем не менее концепции «государства развития» вряд ли стоит предсказывать легкую судьбу и ожидать ее превращения со временем в новую господствующую теорию. И это связано не только с неразработанностью самой концепции. Общественные науки, и экономика в частности, по природе своей политизированы и идеологизированы, значительную роль в них играют не только объективные знания, но и субъективные устремления исследователей. Поэтому трудно ожидать, что в современном мире, где столь популярны либеральные веяния, может стать общепринятой концепция, обосновывающая необходимость в государственном активизме, пусть только для ранних стадий экономического развития. Не случайно, в одной из своих статей А.Амсден сравнила полемику «государственников» и неоклассиков с войной маленькой партизанской армии против ядерной супердержавы.²⁰

...Так складывалась ситуация с концептуальным осмыслением опыта азиатских НИС к середине 90-х годов – к моменту, когда азиатский финансовый кризис дал новый импульс неоклассическим трактовкам, теперь уже в духе отрицания азиатского «экономического чуда» как такового.

-
1. Krueger. Op.cit. P. 206-215, 277-284.
  2. Ibid. P. 213.
  3. Little. Op.cit. P. 476-484.
  4. Westphal L. Industrial Policy in an Export-Propelled Economy: Lessons from South Korea's Experience // Journal of Economic Perspectives. Vol. 4. № 3. Summer 1990. P. 41-59.
  5. Ibid. P. 45.
  6. Papanek G. The New Asian Capitalism: an Economic Portrait // Berger P., Hsiao M. (eds.). In Search of an East Asian Development Model. New-Brunswick – Oxford, 1988. P. 27-78.
  7. Westphal. Op.cit. P. 55-56.
  8. World Bank. The East Asian Miracle. Economic Growth and Public Policy. N.Y., 1993. P. 1-25.
  9. Ibid. P. 90-93. См. также несколько модифицированное изложение этой точки зрения в опубликованной тремя годами позже статье одного из авторов доклада Дж. Стиглица: Stiglitz J. Some Lessons from the East Asian Miracle // World Bank Research Observer. Vol. 11. № 2. August 1996. P. 151-177.
  10. Johnson Ch. Political Institutions and Economic Performance: the Government – business Relationship in Japan, South Korea, and Taiwan // Deyo (ed.). Op.cit. P. 136-163.

11. Haggard. S. Pathways from the Periphery. The Politics of Growth in the Newly industrializing Countries. Ithaca - London, 1990. P. 126-160.
12. Amsden A. Taiwan's Economic History. A Case of Etatism and a Challenge to Dependency Theory // Modern China. Vol. 5. № 3. July 1979. P. 31-380.
13. Wade R. State Intervention in "Outward-looking" Development: Neoclassical Theory and Taiwanese Practice // White G. (ed.) Developmental States in East Asia. L., 1988. P. 31-68.
14. Wade R. Governing the Market. Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization. Princeton, 1990. P. 364-368.
15. Ibid. P. 73-112, 357-361.
16. Ibid. P. 117-139.
17. Ibid. P. 350-358.
18. Amsden A. Asia's Next Giant. South Korea and Late Industrialization. Oxford - New York, 1989. P. 3-18.
19. Ibid. P. 141-147.
20. Amsden A. Why Isn't the Whole World Experimenting with the East Asian Model to Develop: Review of "The East Asian Miracle" // World Development. Vol. 22. № 4. April 1994. P. 627-633.

Планирование семьи в Китае: итоги и перспективы

© 2001

Я. Бергер

(Окончание. Начало в ПДВ №1, 2001)

Констатация серьезных достижений в реализации государственной политики планирования семьи сопровождается в китайской и зарубежной демографической литературе признанием того, что за эти успехи пришлось заплатить немалую цену. Это проявилось прежде всего в нарастании ряда серьезных социально-демографических проблем, которые способны затормозить экономический рост, усилить социальную напряженность и усложнить достижение поставленной китайским руководством цели построения могущественной и процветающей страны. Речь идет прежде всего о старении населения, о сокращении численности населения в рабочем возрасте и о дисбалансе полов.

К старению населения ведут два процесса: с одной стороны, снижение коэффициента смертности, а с другой - падение коэффициента суммарной рождаемости. Последний имеет своим следствием уменьшение доли молодежи и соответственно - относительное возрастание доли пожилого населения. Поэтому основу этой тенденции заложила политика планирования семьи. Вплоть до 70-х годов в период быстрого роста населения проблемы старения населения еще не существовало, происходило скорее его омоложение. До середины 70-х годов общий коэффициент рождаемости превышал 30 промилле (исключая «три года бедствий»). В 1963 г. он достиг максимального значения в 43,37 промилле. Смертность же упала с 20 промилле до 6-7 промилле и сохраняется на этом уровне до сего времени. Общая численность населения с 542 млн. чел. в 1949 г. возросла до 924 млн. чел. в 1975 г., или в среднем за год на 2,07%. Соответственно численность населения в возрасте 65 лет и старше увеличилась с 24 850 тыс. в 1950 г. до 40 830 тыс., или в среднем за год на 2,01%, т. е. примерно теми же темпами, что и все население. Доля пожилого населения в общей численности населения сначала сократилась с 4,41% в 1953 г. до 3,56% в 1964 г., а потом снова поднялась к 1975 г. до 4,4%. Соответственно медианный возраст населения сначала сократился с 22,7 лет до 20,2 лет, а потом вновь поднялся до 22,5 лет. Доля детей и подростков несколько возросла¹.

Коэффициент суммарной рождаемости после 1993 г. составляет всего 1,6-2,0. Общий коэффициент рождаемости населения с 20 промилле упал до 17 промилле, соответственно естественный рост населения сократился с 15 промилле и более до 10 промилле². Значительно сократились темпы роста населения.

Соответственно ускоряются темпы старения населения. В начале следующего века население Китая, по меркам ООН, станет старым (т.е. таким, в

возрастной структуре которого доля лиц в возрасте 65 лет и старше превышает 7%, а доля детей до 14 лет меньше 30%). Продолжают возрастать и абсолютные размеры пожилого населения. В 1995 г. его численность достигла 75,8 млн. чел., превысив на 85% уровень 1975 г. Среднегодовой рост численности старших возрастных когорт составил 3,14%, что в 2,36 раза выше темпов роста всего населения.

По прогнозам китайских демографов, основанным на материалах переписи 1990 года, удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения в 2000 г. составит 10%, а к 2050 г. – 29,28%, в т.ч. лиц в возрасте 65 лет и старше – 22,53%. В 2050 г. на каждые 10 работников будет приходиться 53 пожилых человека в возрасте 60 лет и старше³. В 1995 г. медианный возраст населения в Китае был несколько больше 27 лет, в 2025 г. он составит около 40 лет⁴.

Разумеется, как уже было сказано выше, Китай лишь следует тем путем, который прошли уже многие развитые, прежде всего – европейские страны. Франция, например, пересекла рубеж, обозначающий переход к старому типу населения, еще в 1886 г., примерно столетие назад его достигли и другие европейские страны. Учитывая, что движение в Европе было гораздо более медленным и постепенным, это позволило накопить значительно больше общественного богатства и смягчить негативный эффект этого процесса. Даже в Японии, которая сегодня неизмеримо богаче, чем может стать Китай к 2025 г., подобное старение за последние четыре десятилетия вызывает серьезную озабоченность. Семипроцентный рубеж удельного веса лиц в возрасте 65 лет и старше в общей численности населения Япония пересекла в 1970 г., а к 1995 этот показатель более чем удвоился. Неуверенность в том, что Япония сможет справиться с растущим числом пенсионеров, связана прежде всего с тем, что уходит в прошлое традиционная для патриархальной семьи социальная роль женщины как главной носительницы бремени заботы о пожилых. С ростом женской занятости, образовательного ценза женщин, переходом к нуклеарной семье это бремя во все возрастающей мере вынуждено принимать на себя общество⁵. Китай же, даже в том случае если ему удастся сохранить нынешние быстрые темпы экономического роста на более или менее отдаленную перспективу, еще долго будет оставаться очень бедной страной, которой будет весьма трудно выполнять миссию жизнеобеспечения пожилых – как на семейном, так и тем более на общественном уровне.

В Китае пенсии служат главным источником существования пожилых людей только в городах. Так, согласно данным Всекитайского выборочного исследования, проведенного Государственным статистическим управлением в 1994 г., в городах пенсия является основным источником средств существования почти для половины пожилых людей, тогда как поддержка детей или других родственников – примерно для одной трети, а трудовые доходы – для одной седьмой⁶.

Но ситуация по стране в целом коренным образом отличается от ситуации в городах. Материальная поддержка детей и других родственников является основой существования для 57,1% пожилых людей в Китае, в то время как на трудовые доходы в качестве главного источника полагаются 25% пожилых людей, а на пенсию – только 15,6%⁷. В 2025 г. дедушками и бабушками станет нынешнее поколение родителей, потомки которых в силу своей малочисленности не будут располагать достаточными возможностями, чтобы обеспечить их старость. Относительно небольшая, но значительная по абсолютной численности группа вообще окажется бездетной. У четверти – не останется выживших сыновей, и они окажутся в незавидной, согласно китайской куль-

турной традиции, зависимости от зятя или, того хуже, будут вынуждены конкурировать за поддержку с его стороны со своими сватами.

Но, разумеется, дело не ограничивается только источниками материальных средств для существования пожилых. Нужна еще и физическая забота о них. И в этом отношении также неизбежно усугубление трудностей.

Вторая проблема – **сокращение рабочей силы**. В течение последних десятилетий быстрый экономический рост Китая был отчасти обеспечен значительным увеличением числа работников. С 1975 по 1995 г. численность населения в рабочем возрасте увеличилась более чем наполовину (или примерно на 300 млн. чел.). После 2010 г. рост населения в рабочем возрасте существенно замедлится, а после 2020 г. начнет его существование сокращение. К 2050 г. произойдет также значительное постарение структуры рабочей силы: более чем в полтора раза уменьшится доля работников в возрасте до 30 лет (в сравнении с 1990 г.), и в два с лишним раза увеличится доля работников в возрасте 45–49 лет⁸.

Сокращение численности работников, особенно молодых возрастных когорт, может затруднить движение Китая по пути экономического роста и в качественном отношении. Каждое следующее поколение стремится получить лучшее образование, чем предыдущее, реализация этой тенденции – основа роста производительности труда. Но если последующие поколения будут по численности уступать предыдущим, то этой тенденции будет нанесен существенный ущерб.

Китай – не первая страна в мире, сталкивающаяся со старением населения или сокращением рабочей силы. Но третий демографический вызов не имеет прецедента. Это – грядущий дисбаланс между мужчинами и женщинами в брачном возрасте.

Будущий дисбаланс женихов и невест связан с наблюдаемым в последние годы изменением соотношения полов при рождении в пользу младенцев мужского пола. Сам этот факт сомнению не подвергается, хотя масштабы его оцениваются по-разному. Однако по поводу причин данного явления, и прежде всего его соотношения с государственной политикой планирования семьи существуют диаметрально различные взгляды. Многие западные и некоторые китайские демографы полагают, что с введением курса на ограничение рождаемости дисбаланс полов стал неуклонно возрастать. В 1993 г. Проблемная группа по соотношению полов при рождении Китайского центра демографической информации и исследований заявила, что соотношение полов при рождении в Китае ухудшается по мере быстрого снижения рождаемости и что существующие порайонные различия в соотношении полов при рождении тесно связаны с темпами сокращения рождаемости.

Как считают некоторые китайские и многие западные демографы, по крайней мере часть этого дисбаланса представляет статистический артефакт. Они утверждают, что сочетание жестких правительственных квот на число допускаемых рождений с традиционным для Китая (и некоторых других стран Азии) приоритетом мужского пола побуждает некоторых родителей прятать или «недосчитывать» новорожденных девочек, с тем чтобы попытаться родить мальчика. На счет неполной или искаженной отчетности отдельные китайские специалисты относили от половины до трех четвертей той части дисбаланса полов при рождении, что превышает «норму». («Исследования соотношения полов при рождении в Китае». Материалы для внутреннего пользования. Март 1995 г. Цит. по⁹).

Вместе с тем западные и некоторые китайские демографы большую часть отмеченного дисбаланса считают реальной, полагая ее следствием выборочных по полу ребенка аборт и – в меньшей степени, как это бывало

встарь, — умерщвления девочек. Так, известный американский исследователь А. Коул (A. Coale) писал в 1996 г. о возрождении традиции утопления младенцев. К тому же выводу приходили еще раньше другие американские ученые — Эйрд (Aird) и Банистер (Banister)¹⁰. При этом они исходили из того, что «нормальное» соотношение полов при рождении независимо от обстоятельств должно составлять 102-107 мальчиков на 100 девочек.

Группа китайских демографов, работавшая с 1993 г. над этой проблемой, существенно продвинула ее изучение. Их выводы сформулированы в книге Ма Интуна, Фэн Литяня и Чэнь Юхуа «Новая теория соотношения полов при рождении и ее применение», вышедшей в свет в самом конце 1998 г. Книга получила высокую оценку в китайской специальной литературе как выдающийся вклад в демографическую теорию и практику планирования семьи. Главное достижение авторов усматривается в том, что они, базируясь на крупномасштабных демографических исследованиях, особенно на материалах двух всекитайских выборочных исследований рождаемости в 1982 г. и 1988 г., установили наличие зависимости между соотношением полов при рождении, с одной стороны, и очередностью рождений — с другой.

Авторы, основываясь на материалах всеобщих переписей населения Китая 1982 и 1990 гг., однопроцентного всекитайского выборочного исследования населения 1987 г. и двухпроцентного выборочного исследования рождаемости и планирования семьи в Китае 1988 г., заключили, что повышение доли мальчиков в соотношении полов при рождении в 80-х годах в Китае — объективный факт, а не статистическая ошибка. По их мнению, зафиксированное всеобщей переписью 1990 г. соотношение полов на 1989 г., равное 111,92, результат достаточно точный.

При этом устанавливается рост соотношения полов в пользу мальчиков при каждом последующих родах. Так, в 1980-1988 гг. для первенцев оно составляло 105,49, для вторых родов — 110,83, для третьих — 113,94, для четвертых 114,13, для пятых и последующих — 115,64. Такая же тенденция, хотя и в меньшей степени, наблюдалась и в 70-х годах¹¹.

С позиций новой теории, соотношение полов при рождении — проявление закона больших чисел, его изменения не имеют отношения ни к темпам и масштабам сокращения рождаемости, ни к уровню социально-экономического развития, ни к образовательному цензу, ни к различиям между городом и деревней, ни к повышению или понижению возраста рожениц, ни к демографической политике и практике. Соответственно ошибочным считается попытка приписывать повышению доли мальчиков в соотношении полов исключительно приоритету мужского пола — безотносительно к способам его реализации. Новая теория не отрицает наличия таких предпочтений, но отказывается признать за ними определяющую роль. В 70-х годах, когда падение рождаемости было наибольшим, соотношение полов оставалось стабильным — на уровне 106, т.е. таким же, как в странах, где нет или почти нет приоритета мужского пола. Новая теория фиксирует к тому же не усиление, а, напротив, ослабление такого рода предпочтений в Китае — в связи с повышением социальной роли и статуса женщины.

И все же главную ответственность за повышенное соотношение полов при рождении в пользу мальчиков в Китае авторы возлагают на выборочные по признаку пола искусственные аборты. «Если ... женщины в репродуктивном возрасте, родив мальчика, больше рожать не желают, а семьи с одной или двумя и более дочерьми и без сыновей продолжают рожать, то при минимальном воздействии прочих факторов крайне трудно избежать завышенного соотношения полов при рождении в течение определенного времени»¹² Эта тенденция стала набирать силу в Китае в 80-х годах прежде всего потому, что в

70-х годах в стране еще не было простых, дешевых и широко доступных способов определения пола младенца на стадии беременности.

Соотношение полов у первенцев как в Коре, так и в Китае с 80-х годов установилось на уровне 102-107. Выборочные по полу аборт, хотя и имели в данном случае место, не оказывали большого влияния на соотношение полов просто потому, что их было мало. Поскольку в 1989 г. в Китае соотношение полов при рождении всех младенцев составило 113,9, то это означает, что по меньшей мере 14,28% матерей прошли исследование на определение пола младенца на стадии беременности и 6,9% после этих исследований совершили аборт.

В распространенности исследований по определению пола и аборт существуют очень большие территориальные различия. Если говорить о предпочтении мальчиков, то оно присуще слабо развитым районам, деревне более, чем городу, малому городу больше, чем большому.

С момента появления современных технологий определения пола при беременности в Китае их применение было ограничено почти исключительно медицинскими показаниями. В иных случаях без специального разрешения оно строго запрещалось. И тем не менее современные технологии нелегально распространяются из больших городов в малые, из малых – в деревню. Соответственно в этом направлении происходило и изменение в соотношении полов при рождении. А в итоге в деревне оно оказалось выше, чем в малых городах, а в малых городах выше, чем в больших. Впрочем в деревне существуют и свои, традиционные, но достаточно точные методы определения пола младенца в утробе матери, используемые в китайской медицине¹³.

Выводы авторов новой теории подтверждаются региональными исследованиями. Так, группа хубэйских ученых, изучавших ситуацию в этой провинции, являющейся в стране лидером по величине дисбаланса в соотношении полов при рождении (в 1995 г. – 134,6 против средней по Китаю величины в 117,%), пришли к заключению, что главная причина столь высокого показателя здесь – определение пола ребенка на стадии беременности и выборочные по полу искусственные аборты. Что же касается утаивания отчетности, то оно затрагивает в большей степени новорожденных мальчиков, чем девочек, поскольку в первом случае родители хотят родить второго мальчика и скрывают первого, а во втором – такое же желание является вполне законным и первого ребенка-девочку скрывать незачем¹⁴.

Авторы новой теории полагают, что по мере материального и духовного развития страны, с заменой традиционной культуры репродукции культурой современной нарушение баланса полов при рождении может быть остановлено и возвращено к нормальному состоянию.

Новый подход был расценен как крупный прорыв в изучении данной проблемы. Он опровергает неизменность некой «нормы» соотношения полов при рождении – как той, что была определена ООН (102-107), так и той, что была определена в начале 90-х годов некоторыми китайскими исследователями для соотношения полов при рождении в Китае (примерно 108). Тем самым, с точки зрения профессора Хао Хуншэна (Институт демографии Китайского Народного университета), наносится сокрушительный удар по попыткам объяснить высокое соотношение полов при рождении в современном Китае главным образом умерщвлением девочек или искажением отчетности¹⁵. Авторы новой теории не отрицают возможности отдельных случаев умерщвления младенцев женского пола, но считают, что их числом в статистике можно пренебречь.

Неблагоприятное соотношение полов при рождении младенцев может еще более ухудшаться в детском возрасте при экстремальных обстоя-

вах. Сравнительное изучение Китая, Индии и Кореи, трех азиатских стран, где дискриминация женщин особенно сильна, приводит некоторых ученых к заключению о том, что крупные социальные катаклизмы, в числе которых наряду с войнами и голодом называется и резкое падение рождаемости, ведут к серьезному повышению смертности девочек. К такому выводу, в частности, приходят китайский ученый Ли Шучжо, директор Института населения и экономики Сианьского транспортного университета, и его американский коллега — главный научный сотрудник Центра изучения населения и развития Гарвардского университета Моника Дас Гупта. Во всех трех названных странах, пишут они, «падение рождаемости сопровождается неблагоприятными условиями существования для женского пола и повышением соотношения полов в детском возрасте»¹⁶. Здесь, разумеется, речь идет не столько о прямом умерщвлении новорожденных девочек, сколько о шансах на их дальнейшее выживание, но тем не менее и это обстоятельство чрезвычайно важно для конечного результата.

Наблюдаемый уже в течение двух десятилетий серьезный дисбаланс полов при рождении младенцев очень скоро должен отозваться (и уже отзывается) растущей диспропорцией женихов и невест. По китайской традиции женятся все, кто на это способен. Но существующая ситуация ставит значительную часть юношей перед суровой дилеммой: либо искать невесту вне своей возрастной когорты, либо прервать род.

В прошлом проблема «избытка» мужчин решалась путем женитьбы на более юных девушках. Это действовало, пока каждое новое поколение было более многочисленным, чем предыдущее. Но с сокращением рождаемости новые поколения становятся менее многочисленными, чем предыдущие. Поэтому женитьба молодых людей на младших подругах лишь обостряет проблему для следующего поколения.

Авторы упомянутого выше хубэйского исследования отмечают, что в хубэйской деревне большинство восемнадцатилетних крестьянок уже замужем, а среди тех, кто старше 23 лет, незамужних почти не найти, тогда как мужчины нередко до 25 лет не могут найти себе пару, а после 30 лет становятся уже безнадежными холостяками. Через десяток лет в Хубэе могут появиться чисто мужские уезды.

Для Европы на рубеже нового времени была вполне приемлемой социальная роль холостяка, соответственно довольно высокой была доля мужчин, никогда не состоявших в браке. В Китае такой традиции не было. Если в ближайшие десятилетия восприятие брака китайской культурой радикально не изменится, то Китаю грозит все возрастающее соперничество молодых людей, ищущих себе невест, а соответственно и обострение различного рода преступлений, совершаемых на сексуальной и матримониальной почве (продажа и кража невест, многомужество и т.п.). Впрочем, вполне можно допустить и сдвиги в культурной традиции (автор данных строк встречал в Пекине в мае 2000 г. мужчин в возрасте 30 лет и старше, которые не стремились связать свою судьбу узами брака, будучи вполне удовлетворены своими внебрачными отношениями с противоположным полом).

Но главной все же остается проблема изменения ценностных установок общества по отношению к мужчине и женщине. В качестве одного из главных путей, ведущих в этом направлении, рассматривается изменение господствующих моделей брака и семьи.

В китайской деревне абсолютно преобладает патриархальная семья, где сохранение рода по мужской линии предполагает, что после женитьбы сына невестка поселяется в доме его родителей. Другая модель, при которой зять приходит жить к родителям своей жены, встречается крайне редко. Это про-

исходит главным образом тогда, когда у последних нет своих сыновей. В таком случае «приемный зять», или «примак» (для этого понятия в китайском языке есть специальный термин) становится чем-то вроде приемного сына и соответственно продолжателем рода, в связи с чем он принимает и фамилию своей новой семьи. Реже встречаются ситуации, когда такого «усыновления» не происходит, а «примак» просто пополняет нехватку мужской рабочей силы в семье своей жены. Очень малая распространенность данной модели семьи связана в первую очередь с тем, что сельское общество относится к ней с презрением, а также с тем, что в условиях высокой рождаемости в деревне было крайне мало семей, не имеющих потомков мужского пола.

В связи с этим китайские демографы, этнологи, социологи сегодня озабочены поиском по всей стране более или менее значительных ареалов распространения семей с «приемными зятьями» и пристальным изучением факторов, способствующих их выживанию. В прошлом подобные ареалы обнаруживали в ряде приморских районов юго-восточного и южного Китая. В 90-х годах их стали выявлять и в других частях страны - на севере, в центре, на северо-западе, а также на юго-западе в районе расселения национальных меньшинств¹⁷. Недавно такой ареал был, например, найден и изучен в уезде Люеян провинции Шэньси. Одним из важных следствий укоренения иной, чем в большинстве других районов Китая, модели семьи здесь стало то обстоятельство, что несмотря на низкую рождаемость в 1990-1996 гг. соотношение полов младенцев при рождении оставалось нормальным¹⁸.

Поэтому, как водится в Китае, в г. Дае (провинция Хубэй) уже началось развертывание кампании за внедрение и распространение семей с «приемным зятем», переключающая в это русло работу по планированию семьи. С этой целью принимаются следующие меры:

- учреждается специальная организация, включающая в свой состав высшее руководство города, аналогичные органы учреждаются и на местах,
- создается информационная сеть, собирающая и распространяющая сведения о потребностях в потенциальных кандидатах на роль «приемных зятьев»,

- готовится законодательная база, уравнивающая права членов семей в разных моделях брака на семейное имущество, жилье, земельный надел, наследование и т. п.,

- определяются формы материального поощрения семей с «приемным зятем», включая право на первоочередное получение ссуд по бедности, преимущественное техническое обучение, приоритетное право детей на вступление в армию, на учебу и т. д.,

- вводятся запреты на дискриминацию «приемных зятьев» - при приеме в местные организации партии и комсомола, при назначении на посты местных руководителей, дядьям и прочим мужским родственникам в семье с «приемным зятем» запрещается вмешиваться в ее внутренние дела,

- вводится строгий запрет на использование любых средств для определения пола младенца на стадии беременности и на проведение выборочных аборт, кроме того, имеющим право на рождение второго ребенка запрещается проведение искусственных абортов без разрешения городского комитета по планированию семьи,

- развернута широкая пропаганда семей с «приемным зятем» в газетах, по радио и телевидению,

- проводятся коллективные свадьбы вступающих в брак «приемных зятьев» и т.д. и т.п.¹⁹

Курс на XXI век.

Обсуждая возможные модификации государственной политики планирования семьи на перспективу, китайские исследователи и практики учитывают весь накопленный опыт, принимают во внимание как достигнутые успехи, так и проблемы, появившиеся или обострившиеся в связи с проводившимся последние десятилетия курсом, и прежде всего исходят из объективных и субъективных ограничителей, которые диктуют границы перемен.

подавляющее большинство (если не все) китайских исследователей признают объективную необходимость продолжения политики эффективного ограничения роста народонаселения в стране. Такая необходимость диктуется прежде всего ограниченностью природных ресурсов в расчете на душу населения. Особенно это касается пахотных земель, пастбищ, лесных и водных ресурсов. В настоящее время в Китае на душу населения приходится 1,2 му (0,08 га) пашни. Причем ресурсы пахотнопригодных земель практически исчерпаны. Если в ближайшие 15 лет чистый ежегодный прирост населения составит 15 млн. чел., то этот показатель сократится до 0,96 му, а через 30 лет — до 0,79 му, что ниже границы в 0,8 му, которую ООН признает угрожающей²⁰. Китай должен обеспечивать себя зерном собственными силами. При его громадном населении он не может полагаться на внешние рынки: их просто не хватит. Однако сегодня в Китае на душу населения зерна приходится не только меньше, чем в среднем в мире, но и меньше, чем в стране в 1984 г.

Приходится принимать во внимание также прогрессирующее ухудшение экологической обстановки. За высокие темпы экономического развития в последние десятилетия Китай платит дальнейшим загрязнением окружающей среды, что в немалой степени связано с ростом народонаселения. Китай, как и многие другие развивающиеся страны, страдает от эрозии почвы, деградации пашни, вырубки лесов, опустынивания пастбищ, но к этому добавляются и проблемы, свойственные развитым странам, такие как загрязнение атмосферы и водных бассейнов.

Наконец, рост народонаселения серьезно осложняет социальные проблемы, тормозит развитие просвещения и здравоохранения. Особенно остро стоит проблема занятости. Численность избыточной рабочей силы в деревне превышает 200 млн. чел. С началом реформы государственных предприятий растет безработица в городах. Если в малых странах избыток рабочей силы может быть смягчен путем ее экспорта, то для Китая это невозможно. Рост народонаселения в отдаленных и горных районах усугубляет проблему бедности, которая становится самовоспроизводящейся. В последние годы растет бедность в городах.

В Китае неоднократно предпринимались попытки определить как предельно допустимую, так и оптимальную численность его населения, исходя из наличных природных ресурсов. Что касается оптимизации масштабов населения, то в ближайшие 30-40 лет она на повестке дня не стоит. Движение в этом направлении начнется лишь после того как рост численности населения станет отрицательным. По поводу же предельной численности существуют разные расчеты. Как считает заместитель декана демографического факультета Китайского Народного университета и главный редактор ведущего демографического журнала страны «Жэнькоу яньцзю» Цяо Сяочунь, хотя определению этой величины посвящено немало работ, значения ее разнятся довольно существенно, и для получения общезначимого и признанного результата требуются дальнейшие исследования²¹. Тем не менее наиболее распространена оценка Академии Наук Китая, равная 1,6 млрд. человек.

Существуют прогнозы, согласно которым эта цифра может быть превышена к середине следующего столетия. Это, например, - высокий и средне-высокий варианты прогноза, разработанного сотрудником Института народонаселения и развития Нанькайского университета (г. Тяньцзинь) Юань Синем²². В этих вариантах ни нулевой, ни отрицательный рост численности населения не достигаются. Понятно, что к такому катастрофическому для страны результату, который не только полностью разрушит окружающую среду, но и серьезно затормозит развитие страны вследствие резкого обострения названных выше и многих иных социо-культурных проблем, может привести чрезмерная либерализация действующей политики контроля над рождаемостью.

С другой стороны, столь же очевидно, что и ужесточение нынешнего курса вряд ли возможно. Однажды, как мы видели выше, это уже пробовали сделать, что привело лишь к обратному результату. Как и в какой мере надо скорректировать политику, чтобы, с одной стороны, максимально смягчить обострение названных выше проблем, а с другой - не перейти обозначенную выше границу, служит предметом пристального анализа китайских ученых.

По существу рассматриваются три основных варианта будущего курса планирования семьи. Первый вариант заключается в том, что сохраняется в основном нынешняя политика. (В настоящее время придерживаются «политики одного ребенка» лишь несколько провинций, «политики полутора детей» - большинство провинций, «политики двух детей» - отдельные провинции и «политики многих детей» - незначительное меньшинство провинций²³). Здесь существует одна деликатная проблема в отношениях между властью и народом, которую трудно обойти. Когда в начале 80-х г. провозглашалась установка на семью с одним ребенком, говорилось о том, что эта установка рассчитана на одно поколение. Конечно, эта установка не сработала в масштабах всей страны, она почти не затронула деревню, хотя в городах ее осуществили довольно жестко. В городах выросло поколение «единственных детей», не имеющих братьев и сестер и вынужденных в одиночку брать на себя заботу о своих стареющих родителях, которых в свое время убедили в том, что им нужно пострадать, зато проблема ограничения роста народонаселения будет решена раз и навсегда. Возможно, будь эта установка реализована повсеместно, так бы и случилось. Но этого не произошло. В связи с этим возникает вопрос: справедливо ли, чтобы «единственные дети», как и их родители, вновь брали на себя ту же ношу только потому, что остальные отказались ее нести?

Почти все исследователи, рассматривающие данную проблему, отвечают на этот вопрос отрицательно. Так, сотрудник Института демографии Академии общественных наук Китая Тянь Сюеюань горячо поддерживает предложение разрешить двум единственным детям в своих семьях при их вступлении в брак иметь двух детей. Фактически такое разрешение, которое, видимо, подразумевалось изначально, уже закреплено в положениях о планировании семьи разных провинций, автономных районов и городов центрального подчинения. Что же касается тех молодых людей, чьи родители не выполнили установку на ограничение их семей одним ребенком, то считается справедливым продлить ее действие на следующее поколение²⁴.

Исходя из того, что запрет иметь больше одного ребенка должен был действовать повсеместно, но распространяться лишь на одно поколение, многие демографические прогнозы предусматривали после 2010 г. восстановление коэффициента суммарной рождаемости до уровня замещения (т.е. до 2,10). Поскольку повсеместное ограничение семейных пар одним ребенком далеко не достигнуто, стало ясно, что срок, в течение которого коэффициент суммарной

рождаемости должен оставаться ниже уровня замещения, существенно продлевается.

Если нынешний курс будет продолжен с внесением в него указанной корректировки в отношении «единственных детей», то это отнюдь не исключит возможность довольно серьезных изменений в тенденциях движения рождаемости в разных регионах страны. В тех районах, где курс на ограничение супружеских пар рождением одного ребенка проводится достаточно долго и продуктивно, по мере достижения «единственными детьми» брачного и репродуктивного возраста они все чаще вступают в брак друг с другом, соответственно разрешенное число детей в расчете на одну женщину постепенно возрастает. Речь идет, например, о крупных городах и некоторых приморских провинциях. Напротив, там, где в течение длительного времени проводился курс, разрешавший в среднем рожать полтора или два ребенка на одну женщину, удельный вес единственных детей очень мал, и при сохранении нынешнего курса увеличение коэффициента плановой рождаемости, если и произойдет, то будет крайне незначительным. В целом, как полагает Цяо Сяочунь, коэффициент плановой рождаемости в 2010 г. лишь незначительно увеличится по сравнению с нынешним: около 1,7 против 1,6²⁵.

Второй вариант отличается от нынешнего тем, что иметь двух детей будет разрешено семьям, где не оба, а лишь один из супругов является единственным ребенком. Этот курс, существенно менее жесткий, чем действующий, может способствовать еще более быстрому росту коэффициента плановой рождаемости в городах, хотя опять-таки не отразится сколько-нибудь значительно на деревне. В целом к 2010 г. этот показатель может возрасти примерно до 1,8²⁶.

Третий вариант предусматривает снятие каких-либо ограничений на рождение двух детей. Для городов, где сегодня такое право имеют единственные дети, такой вариант не сопряжен с большими переменами (при условии неизменной численности городского населения). Но в деревне коэффициент плановой рождаемости может сильно возрасти, и по всей стране достичь примерно 2,0²⁷.

Для того, чтобы остановиться на том или ином варианте будущей политики, надо быть убежденным в том, что нынешняя исходная ситуация оценивается достаточно точно и адекватно. В этом однако полной уверенности не существует. Главный источник неопределенности – большой поток мигрирующего населения, плохо поддающийся учету и контролю. Кроме того, существуют серьезные сомнения относительно достоверности данных, представляемых в органы учета населением и низовыми кадровыми работниками.

Низкое качество демографической статистики отмечает, например, начальник департамента планирования и статистики Государственного комитета по планированию семьи Чжан Эрли. Согласно исследованиям, проведенным Государственным статистическим управлением, в 90-х годах средний возраст первого брака китайских женщин составляет 22-23 года, и примерно к 24 годам подавляющее большинство женщин рожают первого ребенка. Поскольку в соответствии с китайскими нравами случаи внебрачных рождений практически отсутствуют, постольку число браков в данном году соответствует числу первенцев, появившихся на свет в следующем году. В большинстве провинций дело обстоит именно таким образом: удельный вес женщин в возрасте 20-24 лет и коэффициент рождаемости первых детей совпадает, составляя примерно 10 промилле. Однако, как пишет Чжан Эрли, недавно было обнаружено, что в целом ряде мест не только рождаемость в среднем за последние пять лет ниже 10 промилле, но и удельный вес первых браков еще ниже рождаемости

первенцев на 2-3 промилле. Это порождает большие вопросы к качеству статистики по первым бракам и первенцам²⁸.

Подвергаются сомнению официальные данные о главном показателе эффективности политики планирования семьи – коэффициенте суммарной рождаемости. Согласно проведенному в ноябре 1997 г. Комитетом по планированию семьи Всекитайскому исследованию репродуктивного здоровья, в 1994-1997 этот коэффициент выявлялся в пределах 1,35-1,38. Проведенное в 1995 г. Государственным статистическим управлением однопроцентное выборочное исследование населения определило этот показатель в 1,46. Эти результаты, однако, оспариваются Цяо Сяочунем. На основании данных всеобщей переписи 1990 г., касающихся соотношении общего и специального коэффициентов рождаемости, он сделал собственный приблизительный расчет коэффициента суммарной рождаемости после 1990 г., который существенно отличается от приведенных выше, причем, естественно, в большую сторону.

Таблица 6

Общий коэффициент рождаемости и суммарный коэффициент рождаемости в 1990-1997 гг.

Годы	Общий коэффициент рождаемости (на 1000 жителей)	Суммарный коэффициент рождаемости (число детей на одну женщину)
1990	21,06	2,31
1991	19,68	2,16
1992	18,24	2,00
1993	18,09	1,98
1994	17,70	1,94
1995	17,12	1,87
1996	16,98	1,86
1997	16,57	1,82
1998	16,03	1,76

Источник: 1) Чжунго тунцзи чжай яо 1998. Пекин: Чжунго тунцзи чубаньшэ, 1998. 2) 1998 нянь гоминь цзинцзи тэ шэжуэй фачжань тунцзи гунбао. 1999.

Автор признает известную субъективность и недостаточную точность своих оценок, но не больше и не меньше, чем у других оценок, полученных прямыми или косвенными методами. Наилучшим способом верификации существующей ситуации в сфере рождаемости он считает полевые исследования, но объект, идеология и методы таких исследований нуждаются в коренном пересмотре ввиду широко распространенной тенденции представления дутых сведений²⁹.

В течение длительного времени между китайскими и западными учеными существовали серьезные различия в ценностном восприятии политики ограничения рождаемости. Западные специалисты большой акцент делали на том, что особый курс, который проводится в Китае, с его главным упором на административное, часто насильственное вмешательство в семейное планирование, ущемляет права человека, ограничивает свободу выбора. Китайским специалистам приходилось парировать эти доводы тем, что без такого курса будет поставлено под угрозу главное право человека – право на жизнь, на выживание. Сегодня при обсуждении вариантов обновленного курса и в Китае все громче слышны голоса, призывающие более сбалансированно подходить к соотношению макроэкономических и макросоциальных интересов страны с ин-

тересами семьи и отдельного человека, тем более, что, как показала практика, игнорирование последних может поставить под угрозу весь курс.

Плюс к этому, разумеется, определение того или иного варианта должно включать в себя попытку минимизировать отрицательный эффект политики, сказывающийся в обострении указанных выше социальных проблем, причем на протяжении жизни не только нынешнего, но и ряда грядущих поколений. Поставленные перед труднейшим выбором между ослаблением контроля над ростом населения ради облегчения проблем его старения, нехватки трудовых ресурсов, дисбаланса полов, репродуктивного здоровья женщин и т. п., с одной стороны, и продолжением достаточно жесткого (хотя и с некоторой корректировкой) ограничения рождаемости во имя конечной оптимизации размеров населения Китая, большинство специалистов все же склоняется в пользу последнего. В связи с этим конкретно рассматриваются будущие угрозы и вызовы, связанные с названными проблемами.

Что касается меняющегося соотношения населения в рабочем возрасте и пожилых, то по этой проблеме существуют разные точки зрения. С одной стороны, существуют, как мы видели выше, серьезные опасения того, что ухудшение этого соотношения может стать тяжелым бременем для молодых и зрелых работников, а с другой – в условиях далеко не полной занятости работников речь, возможно, идет в значительной мере о фиктивно-статистической, а не реальной нагрузке, последняя же меняется мало. Как показывают расчеты Чэнь Янлэ и Юй Шу, Китаю в течение довольно длительного периода на самом деле не грозит нехватка ресурсов рабочей силы, в то время как избыток рабочей силы и безработица представляют собой куда более острую проблему. Самый либеральный из всех возможных курс, позволяющий иметь двух детей, сохранит эту проблему вплоть до 60-х-70-х годов следующего столетия. Численность населения в трудовом возрасте достигнет пика в 2020 г. и затем будет медленно уменьшаться вплоть до конца столетия, но технический прогресс и повышение производительности труда еще более сократят спрос на рабочую силу. Жесткий же курс в отношении рождаемости обеспечит решение проблем занятости для страны по меньшей мере на 15 лет раньше³⁰.

Огромная абсолютная численность пожилого населения в Китае (а не его доля в общей численности населения и не его соотношение с другими возрастными когортами) практически предопределена отсутствием политики ограничения рождаемости в прошлом и не зависит от того или иного варианта планирования семьи в ближайшем будущем. Она является производной от численности уже родившихся людей и шансов на их выживание в будущем.

Таблица 7

Численность населения и его возрастная структура при различных вариантах политики (млн. чел.).

Год	Два ребенка при поздних браках и поздних рождениях				Полное сохранение современного курса				Полное сохранение современного курса до 2030 г. с последующей корректировкой			
	Числ. нас.	0-14	15-64	>65	Числ. нас.	0-14	15-64	>65	Числ. нас.	0-14	15-64	>65
1990	1130	313	754	63	1130	313	754	63	1130	313	754	63
2000	1288	343	855	90	1288	343	855	90	1288	343	855	90
2010	1376	281	949	116	1370	275	979	116	1370	275	979	116
2020	1450	261	1017	172	1421	233	1016	172	1421	233	1016	172
2030	1486	250	997	239	1418	197	982	239	1427	205	983	239
2040	1470	215	931	324	1364	156	884	324	1397	186	887	324
2050	1427	205	883	329	1270	133	798	339	1335	179	817	339

Год	Два ребенка при поздних браках и поздних рождениях				Полное сохранение современного курса				Полное сохранение современного курса до 2030 г. с последующей корректировкой			
	Числ. нас.	0-14	15-64	>65	Числ. нас.	0-14	15-64	>65	Числ. нас.	0-14	15-64	>65
2060	1354	190	794	370	1141	107	664	370	1242	159	713	370
2070	1269	171	733	365	1003	87	551	365	1146	150	631	365
2080	1184	165	680	339	858	72	459	327	1044	138	579	292
2090	1101	153	621	327	721	58	372	291	952	126	534	292

Источник: Чэнь Ян лэ и др. Указ. соч. С. 12

Как видно из таблицы, при любом варианте политики, численность пожилого населения превысит 300 млн. чел. к концу 30-х годов XXI века, а примерно к 2060 г. достигнет пика в 370 млн. чел. Сегодняшнее ослабление или даже отмена контроля над рождаемостью эти цифры не изменят, но вот на решение проблемы обеспечения пожилых изменение политики способно повлиять очень существенно. Эту проблему нельзя решить без контроля над рождаемостью, без ограничения роста народонаселения, без сбалансированного и устойчивого развития ресурсов, окружающей среды, экономики и общества. Существенное ослабление контроля над рождаемостью, полагают многие китайские демографы, способно лишь еще более увеличить давление населения на ресурсы, окружающую среду, экономику и социальное развитие. Такая политика затруднит социально-экономическое развитие, повышение уровня жизни и понизит способность общества в будущем решать проблемы пожилого населения.

Особенно остро стоит проблема обеспечения тех, кто сегодня вступает в старший и пожилой возраст. Их трудовая деятельность совпала с периодом перестройки системы социального обеспечения по старости. Их старение совпадает с прогрессирующим старением общества, когда относительно ослабевают возможности социально-экономической поддержки пожилых. В то же время именно эти люди принесли наибольшие жертвы в процессе ограничения рождаемости в Китае и поэтому по справедливости заслужили приоритетную поддержку. Ослабление контроля над рождаемостью сегодня во имя решения проблемы старения общества в будущем легко может привести к пренебрежению делом социального обеспечения старости, к чрезмерному упору на семейную поддержку пожилых, к отказу от исторической ответственности, которую должны нести государство и общество³¹.

Выбор достаточно жесткого варианта контроля над численностью населения отнюдь не означает его увековечения. Признается важность возврата рождаемости в более или менее отдаленном будущем к уровню замещения, поскольку альтернативой такому повороту может быть только самоуничтожение нации. Однако движение к заветной точке поворота вспять неизбежно будет трудным и длительным.

Как видно из представленной выше таблицы, при сохранении в основном нынешнего демографического курса численность населения Китая приблизится к оптимальной к 2080 г., и лишь тогда станет возможным начинать возврат курса к показателям замещения. Если же будет принят курс, разрешающий иметь двух детей, то в течение всего XXI к оптимальным масштабам численности населения приблизиться не удастся.

После выбора того или иного варианта политики не менее, если не более важно, определить методы и средства его реализации. Другими словами, установить, насколько необходимо и впредь сохранять жесткий административный контроль или же можно в возрастающей степени полагаться на смену

репродуктивных устремлений семьи под воздействием социально-экономического прогресса, урбанизации, повышения материального благосостояния, изменения социальной роли женщины, ее интересов и т. п. Некоторые исследователи полагают, что развитие рыночной экономики и повышение жизненного уровня населения в Китае уже привели к коренному изменению репродуктивных установок, к исчезновению традиционных представлений, суммирующихся в тезисе: «больше детей – больше богатства». Другие, напротив, считают, что степень изменения репродуктивных установок не следует переоценивать. Некоторые исследования показывают, что даже в городе у определенной части населения по-прежнему довольно сильно желание иметь двух детей. Тем более стремление иметь по меньшей мере двух детей свойственно жителям деревни. В этом отношении трудно полагаться на опросы сельских жителей, когда они фиксируют более умеренные репродуктивные установки крестьян. Отвечая на вопрос, сколько детей они хотели бы иметь, респонденты сознательно или бессознательно подгоняют свои ответы под требования действующей политики, а не руководствуются собственным выбором.

В этой ситуации результаты, достигнутые в сфере ограничения рождаемости не могут считаться устойчивыми. В отличие от Западной Европы, снижение рождаемости в Китае не было постепенным и стихийным процессом, огромную роль играли политика «кнута и пряника», административное вмешательство со стороны государства. Отсюда существует объективная возможность возвратного движения сжатой пружины в случае ослабления административного давления. Это становится особенно вероятным в ситуации, когда коэффициент суммарной рождаемости в подавляющем большинстве провинций страны опустился ниже уровня замещения. В этой ситуации действенность внеэкономического принуждения неизбежно падает, а противодействие ему возрастает. Дальнейшее сокращение рождаемости политическими и административными средствами становится все более затруднительным. В связи с этим наблюдаемые сегодня низкие показатели рождаемости и относительно низкие темпы роста численности населения считаются нестабильными. Более того, существуют опасения, что подавляемые потенции роста могут выйти из подчинения и возобладать³². Отсюда делается естественный вывод о необходимости длительного продолжения существующей политики не только применительно к ее содержанию, но и в отношении используемых методов – неослабно жесткого административного контроля.

Многие западные исследователи, политики, журналисты считают такие методы бесчеловечными. Типичным выразителем такой позиции может служить Стивен Мошер, американский исследователь, автор пяти книг по Китаю, президент Института исследований населения. Он называет политику китайского правительства «драконовской», поскольку она не только ограничивает женщину в репродуктивном возрасте одним ребенком, но и предписывает стерилизацию супружеских пар (обычно – женщин), имеющих двух детей, и обя-зывает женщин, забеременевших «вне плана», под угрозой увольнения с работы избавляться от ребенка путем искусственного аборта, который допускается вплоть до последнего месяца беременности и даже до рождения ребенка³³. Мошер с ужасом описывает, как в октябре 1997 г. на 24-й Международной конференции по населению, проходившей в Пекине, делегатам из разных стран мира был продемонстрирован мобильный абортарий, предназначенный для сельской местности. Автор сообщает, что он сотни раз в устных выступлениях разъяснял, как китайский «однодетный» курс деспотически попирает права женщин и семей и что большинство американцев, исключая лишь фанатиков планирования населения, ознакомившись с деталями, решительно осуждали действия китайского правительства и задавали лишь один вопрос:

“Почему китайцы не восстают?”. Признавая, что организованного сопротивления политике правительства не существует, что демонстраций протеста на местах мало и что ответное насилие сводится лишь к отдельным актам мести обезумевших мужей и отцов местным чиновникам системы планирования семьи, Мошер приписывает это запуганности населения, с одной стороны, и отсутствию в китайской религиозной традиции понятия о святости человеческой жизни, поскольку в китайском сознании человек не создан по образу и подобию божьему и Конфуций не заповедал: “Не убий”. Единственную надежду на изменение ситуации к лучшему автор связывает с распространением в Китае демократического опыта США, подобно тому, как это произошло на Тайване.

Оставим на совести Мошера его (далеко, впрочем, не безобидные и не бескорыстные) прозелитские поползновения научить китайцев любить свободу на американский манер. Значительно важнее другое: можно ли вообще оценивать политику другого государства в такой важной сфере, как планирование семьи, исходя лишь из неких, возможно даже очень серьезных, моральных установок, полностью игнорируя реальные обстоятельства, из которых исходит эта политика и которые определяют судьбу будущих поколений? Нет сомнения в том, что по мере возможности политика контроля над рождаемостью может и должна быть как можно менее репрессивной, используя те меры контрацепции, которые не угрожают здоровью женщины, не ведут к человеческим трагедиям. Вместе с тем, на взгляд из России, для которой Китай, с его гигантским населением и ограниченными природными ресурсами, является ближайшим соседом и для которой поэтому далеко не безразлично, сумеет ли эта страна самостоятельно справиться с демографическим давлением в своих пределах или же это давление перехлестнет через границы и станет фактором международной нестабильности, саму необходимость государственной политики планирования семьи, объективную оправданность того, что государство, по словам Мошера, вторгается в спальни своих сограждан, вряд ли правильно подвергать сомнению. Возможно, такой вывод, с точки зрения моральных пуритов, будет выглядеть циничным, но его, по крайней мере, нельзя назвать ханжеским.

1. Юань Синь. 21 шицзи Чжунго жэнькоу мянь жэнькоуэй гуймо, лаолинхуа ды цянъчжань (Трудный выбор перед населением Китая в XXI в. - взгляд на рождаемость, размеры населения и старение).
2. Там же. С. 6.
3. Ду Пэн. Чжунго жэнькоу лаолинхуа цзиньчэн яньцзю (Исследование процесса старения населения Китая). Пекин: Жэньминь чубаньшэ, 1994.
4. Eberstadt N. Demographic clouds on China's horizon // American Enterprise, 1998. V. 9. № 4. P. 54-57.
5. Чэнь Юнь. Жибэнь ньюсин юй лаожэнь цзятин янлао (Японские женщины и семейная забота о пожилых.) // Жэнькоу юй цзинцзи. Пекин, 1999. № 5. С. 47-51.
6. Ли Цзяньмин. Вого лаонянь жэнькоу фудань ды цзинцзи фэньси (Экономический анализ бремени пожилого населения в Китае.) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 1998. № 6. С. 5-10.
7. Ду Пэн. Указ. соч.
8. Там же.
9. Ма Интун дэн Цзай лунь чушэн синбе би жогань вэньти (Еще раз о некоторых проблемах соотношения полов при рождении) // Жэнькоу юй цзинцзи. Пекин, 1998. № 5. С. 10-17.
10. Дан Сяоцин, Пэн Чжилян. Ма Интун дэн чжу “Чушэн синбе би синь лилунь юй инъюн” шупин (Комментарий к работе Ма Интуна и др. “Новая теория соотношения

- полов при рождении и ее применение") // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. № 4. С. 59-64.
11. Ма Интун и др. Указ. соч. С. 11.
  12. Там же. С. 15.
  13. Пэн Сичжэ дэн. Чжунъи мочжэн юй чаньцянь синбе сюаньцзе (Диагностирование по пульсу в китайской медицине и дородовой выбор пола.) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1996. № 6. С. 18-24.
  14. Янь Мэйфу, Мао Цзюньюань, Лу Цицзе. Таньсо цзянди чушэн синбе би ды чжи бэнь чжи ту - Хубэй Дае ши бяньгэ хунь цзя моши шицзянь (Поиск коренных путей к снижению соотношения полов при рождении - практика изменения модели брака в г. Дае провинции Хубэй.) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. № 5. С. 18-24.
  15. Дан Сяочун и др. Указ. соч. С. 60.
  16. Ли Шучжо, Моника Да Гупута. Цзятин цзюань юесу, синбе циши хэ ньюхай шэнцунь (Ограниченность семейных ресурсов, дискриминация по полу и существование девочек.) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. № 3. С. 3-10.
  17. Ли Шучжо, Макэкэсы Фэйэрдэмань, Ли Нань. Чжунго нуньцунь чжао цзуй ши хуньинь цзюедин иньсу ды бицзю яньцзю (Сравнительное изучение факторов, определяющих брак с приемным зятем в китайской деревне.) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. Приложение. С. 76-84.
  18. Ли Шучжо, Чжу Чучжу. Люеян сянь шанмэн ньюсюй ху ды дяньсин гэ ань фэньси (Анализ типичных случаев семей с приемными зятями в уезде Люеян.) // Жэнькоу юй цзинци. Пекин, 1999. Приложение. С. 85-93.
  19. Янь Мэйфу и др. Указ. соч. С. 22-23.
  20. Чэнь Янлэ, Юй Шу. Синь синши ся цзихуа шэнъюй ды шоуяо жэнью (Первостепенные задачи планирования семьи в современных условиях.) // Сибэй жэнькоу. Ланьчжоу, 1999. № 1. С. 10-13.
  21. Цяо Сяочунь. Гуаньюй 21 шицзи Чжунго шэнъюй чжэнцэ яньцзю ды сыкао (Размышления об исследовании политики Китая в области рождаемости в XXI веке.) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 1999. № 2. С. 1-9.
  22. Юань Синь. Указ. соч. С. 5.
  23. Чэнь Юхуа. Чжунго шэнъюй чжэнцэ тяочжэн яньцзю (Исследование проблем корректировки политики в отношении рождаемости.) // Жэнькоу яньцзю. Пекин, 1999. № 6. С. 21-27.
  24. Тянь Сюэюань. 21 шицзи Чжунго жэнькоу фачжань цюйши юй цзюэцэ сюаньцзе вэньти яньцзю (Тенденции развития населения Китая в XXI веке и исследование проблемы выбора решений.) // Синьхуа вэньчжай. Пекин, 1998. № 5. С. 22-27.
  25. Цяо Сяочунь. Указ. соч. С. 2.
  26. Там же.
  27. Там же.
  28. Чжан Эрли. Цзигэ чжунъюао ды жэнькоу юй цзихуа шэнъюй тунци чжибяо ды фэньси (Анализ некоторых важных статистических показателей населения и планирования семьи.) // Чжунго жэнькоу кэсюэ. Пекин, 1998. № 3. С. 57-63.
  29. Цяо Сяочунь. Указ. соч. С. 7.
  30. Чэнь Янлэ и др. Указ. соч. С. 11.
  31. Ли Шучжо и др. Указ. соч. С. 12.
  32. Му Гуанцзун, Чэнь Вэй. Цзоу сян 21 шицзи ды Чжунго жэнькоу: синши фэньси юй дуйцэ сыкао (Китайское население на пути в XXI век: анализ ситуации и размышления о курсе.) // Кайфан шидай. Гуанчжоу, 1999. № 3. С. 73-80.
  33. Mosher S. Are the Chinese ready for liberty & self-government // American Enterprise, 1998. V. 9. N 4. P. 50-54.

Торгово-экономическое сотрудничество России со странами АСЕАН

© 2001

В. Данилов

В отличие от 1998 г., когда негативное влияние финансового кризиса, поразившего страны Азии, проявилось в уменьшении объема товарооборота России со странами АСЕАН на 41%, в 1999 г. произошло некоторое увеличение - на 14,5%. Особенность товарооборота со странами АСЕАН состоит в том, что одновременно с ростом в стоимостном выражении доли российского экспорта в эти страны до 77% доля импорта существенно сократилась - до 23%. В результате сложилась ситуация, когда по итогам 1999 года объем российских закупок был почти в 3,5 раза меньше закупок стран АСЕАН. Сравнительные данные изменения товарооборота России со странами АСЕАН за 1997-1999 гг. приведены в таблице¹.

В млн. долл.

Страны	Товарооборот			Экспорт			Импорт		
	1997	1998	1999	1997	1998	1999	1997	1998	1999
1. Сингапур	902,3	550,0 -64%	400,0 -27%	195,1 %	50,0 -290%	201,0 +303%	707,2	500,0 -41%	199,0 -40%
2. Малайзия	467,9	235,4 -56%	353,0 +50%	378,5	149,1 -61%	298,0 +99%	89,3	86,3 -3,4%	55,0 -36%
3 Филиппины	427,5	169,8 -152%	322,4 +189%	416,9	162,9 -155%	317,7 195%	10,6	6,9 -35%	4,7 -32%
4. Таиланд	719,8	178,4 -303%	423,2 +239%	598,6	114,6 -422%	329,4 +168%	121,2	63,8 -90%	93,8 +86%
5. Индонезия	209,1	184,2 -16%	101,0 -45%	124,1	121,5 -2,1%	61,2 -50%	85,0	62,7 -26%	39,8 -36%
6. Лаос	15,5	36,7 +137%	15,0 -145%	4,7	28,4 +504%	15,0 -89%	10,8	8,3 -30%	0
7. Камбоджа	8,5	10,9 +28%	4,11	6,5	7,8 +20%	3,32 %	2,0	3,1 +55%	0,79
8. Вьетнам	354,0	450,0 +27%	400,0	315,0	390,0 +23,8	346	39,0	60,0 +53,8%	54
Всего	3104,6	1815,4 -41%	2079,1 +14,5%	2039,4	1024,3 -49%	1605,5 +56%	1065,2	791,1 -26%	473,6 -40%
Доля в товаро- обороте	100%	100%	100%	65,7%	56,4%	77%	34,3%	43,6%	23%

Как и прежде основной товарной позицией российского экспорта в страны АСЕАН остается металлопрокат и металлолом, на долю которых приходится до 75% всех поставок. На втором месте стоят удобрения и химическая продукция, 11% всех поставок.

Далее по убывающей идут необработанные минералы (3,2%), бумага (1,5%), синтетический каучук (1,4%), свежемороженый тунец (0,7%), на машины и оборудование - 7,2%.

Наиболее высокая доля машинотехнической продукции в экспорте России составляет только в торговле с Сингапуром - 44,6%. С остальными странами АСЕАН в 1999 г. проводились активные переговоры о будущих поставках машинотехнической продукции.

К объективным факторам, сдерживающим развитие торгово-экономических связей со странами АСЕАН, относятся²:

- высокие транспортные издержки, включая транспортировку товаров по территории России;

- отсутствие эффективно работающей системы государственной поддержки российского экспорта, главным образом в части гарантирования и страхования экспортных кредитов в целях обеспечения защиты экспортеров от коммерческих и политических рисков;

- недостаточная взаимная информированность потенциальных партнеров об их экспортных возможностях, о конкретных предприятиях, организациях и фирмах, занятых в сопредельных областях экономики, о конъюнктуре товарных рынков, о регулировании внешнеэкономической деятельности, включая инвестиционное законодательство, таможенный режим, налоги и т.д.;

- значительный объем взаимных поставок товаров осуществляется через западноевропейских и сингапурских посредников;

- затянувшийся экономический кризис в России.

Особо важное значение для налаживания масштабного сотрудничества России со странами АСЕАН имеет транспортная составляющая. В настоящее время транспортировку экспортно-импортных и транзитных грузов в(из) страны Юго-Восточной Азии наиболее выгодно осуществлять через морские торговые порты Дальневосточного региона и далее по Транссибу, а также Северным морским путем³.

Основу грузов международного транзита по Транссибу составляют: нефтепродукты (41,2%), пиломатериалы (39,1%), продукты питания (4,9%), продукция черной металлургии (4,6%), машины и оборудование (3,6%), продукция цветной металлургии (1,8%).

Технические возможности Транссиба позволяют пропускать 100 млн. тонн грузов в год, в том числе около 140 тыс. контейнеров международного транзита. По оценке специалистов, Транссиб может взять на себя транспортировку почти 30% контейнерного потока из стран АТР в Западную Европу. В настоящее время реальными сроками доставки контейнеров между странами АТР и Европы морским путем и по железной дороге является соответственно 35 и 25 суток (с введением высокоскоростных контейнерных поездов сроки доставки сократятся до 14-17 суток; так контейнерный поезд "Восточный ветер", курсирующий по маршруту Берлин-Москва-Екатеринбург-Находка сокращает срок доставки грузов до 14,5 суток).

Непосредственными участниками транзитно-перевалочного процесса по Транссибирской магистрали являются такие порты дальневосточного бассейна, как Находка, Восточный, Владивосток, Посьет, Зарубино. Свободная экономическая зона "Находка" - транспортный центр, который объединяет 4 незамерзающих порта мирового класса (торговый, рыбный, нефтеналивной) и имеет прямой выход на Транссибирскую магистраль; Восточный - многопрофильный. Общий грузооборот - 25 млн. т. в год. Владивостокский порт имеет пропускную способность около 5 млн. т. в год (план реконструкции предполагает увеличение грузооборота еще на 5 млн. тонн). Пропускная способность порта Посьет - 1,5 млн. т. в год. Порт Зарубино обрабатывает в настоящее время около 700

тыс. т. грузов в год, планом развития порта до 2010 г. предусмотрено увеличить пропускную способность до 4-4,5 млн. т.

Развитие торгово-экономических связей со странами АСЕАН имеет важное значение для России по следующим направлениям⁴:

1. Оно способно улучшить структуру российского экспорта. Структурная перестройка в странах АСЕАН промышленного сектора, модернизация сельского хозяйства, расширение и совершенствование систем связи, транспорта, осуществление крупных инвестиционных проектов - все это предопределяет увеличение спроса на машинно-техническую продукцию, отдельные виды комплектного оборудования российского производства.

2. Возможность диверсификации структуры товарооборота путем повышения доли промышленной продукции (машины и оборудование, товары с высокой степенью обработки), перехода к более глубоким формам хозяйственного взаимодействия и инвестиционного сотрудничества.

Дело в том, что качество многих товаров из АСЕАН уже соответствует мировым стандартам при более низких ценах по сравнению с Европой. Некоторые страны АСЕАН уже достигли такого уровня экономического развития, когда могут поделиться собственными либо адаптированными импортными технологиями. Такие технологии могли бы использоваться в российской экономике.

3. Российские предприятия и фирмы могли бы в определенной степени компенсировать действие вызванных кризисом негативных факторов и падение объемов традиционных поставок в страны АСЕАН экспортом новых видов промышленных изделий и технологий, современного технологического оборудования, лицензий и наукоемких разработок.

Это актуально еще и потому, что экспортные возможности крупных товарных групп российского экспорта в страны АСЕАН (продукция черной и цветной металлургии и химико-лесного комплекса) могут быть значительно сужены в связи с намечаемым созданием в этих странах ряда аналогичных производств.

Большую роль в подъеме российского экспорта могли бы сыграть прямые инвестиции в создание в этом регионе производств, ориентирующихся на местные рынки и экспорт в третьи страны.

4. Российские предприятия и фирмы может заинтересовать Программа промышленного сотрудничества в рамках АСЕАН (АICO), призванная стимулировать промышленное развитие стран этой группировки посредством расширения производственной кооперации между отдельными компаниями. Данная схема предусматривает предоставление компаниям с иностранным участием тарифных и прочих льгот в рамках зоны свободной торговли АСЕАН (АFTA) при условии, что доля национального капитала в них составляет не менее 30%.

5. Участие России в перспективных многосторонних экономических проектах в рамках АСЕАН может позволить более успешно решать проблемы российской экономики. Перспективными могли бы стать следующие совместные Российско-АСЕАНовские инвестиционные проекты:

- участие в сооружении трансконтинентальной железнодорожной магистрали «Азия - Европа». Российский опыт может быть использован также и в строительстве, эксплуатации и развитии единой железнодорожной транспортной сети стран АСЕАН (железнодорожные магистрали, туннели, мосты);

- оказание научно-технической и практической помощи в создании единой энергосети стран АСЕАН;

- использование опыта российских организаций в разведке и разработке нефтяных месторождений, других полезных ископаемых;

- расширение сотрудничества в области освоения космоса: совместное создание и использование спутников связи, навигации и управления движением воздушных, водных и наземных транспортных средств; метеорологическое обеспечение.

6. Актуальной представляется задача налаживания и развития контактов между отдельными регионами России и стран АСЕАН прежде всего в направлении расширения круга потенциальных инвесторов. Многие фирмы стран АСЕАН обладают значительными финансовыми возможностями и опытом участия в различных инвестиционных проектах за рубежом. Несмотря на экономический кризис, сохраняются возможности по привлечению инвестиций из этих стран в российскую экономику, в частности в нефтегазовую, горнодобывающую, лесную и деревообрабатывающую, легкую и пищевую промышленность, строительство объектов инфраструктуры, жилья, гостиничный бизнес, в реализацию программ экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

С учетом сложного валютно-финансового положения России и стран АСЕАН одним из перспективных направлений Российско-АСЕАНовских торговых отношений могут стать взаимоувязанные экспортно-импортные операции в их различных формах.

С отдельными странами АСЕАН могли бы стать перспективными следующие направления сотрудничества:

С Таиландом⁵

Первые торговые операции российских организаций с тайскими фирмами начали осуществляться в 1949 г. Налаживанию торговых связей способствовало восстановление между Россией и Таиландом в декабре 1946 г. дипломатических отношений, прерванных во время Второй мировой войны. В 1948 г. в Бангкоке было открыто отделение В/О «Экспортлес», а в следующем - аппарат торгового советника, который в 1971 г. был преобразован в Торговое представительство.

Торговые отношения регулируются Торговым соглашением общего типа, подписанным 25 декабря 1970 г. Соглашение предусматривает взаимное предоставление сторонами режима наиболее благоприятствуемой нации в вопросах торговли и судоходства.

В целях дальнейшего развития двусторонних отношений в 1993 г. была создана Совместная Российско-Тайская комиссия по двустороннему сотрудничеству - первое заседание прошло 1-2 апреля 1997 г. в Москве.

Основные причины снижения товарооборота в 1998 г. помимо причин, связанных с финансово-экономическим кризисом в Таиланде и в России, обусловлены отсутствием двусторонней договорно-правовой базы, долгосрочных совместных проектов и контрактов, введением тайской стороной антидемпинговых пошлин и началом нового антидемпингового расследования в отношении поставок из России горячекатаного листа.

Имеет место также жесткая конкуренция со стороны традиционных торговых партнеров Таиланда - в первую очередь США, Японии и стран Западной Европы, которые, являясь основными кредиторами Таиланда, вынуждают его импортировать их продукцию.

В начале 1999 г. Таиландом была проявлена заинтересованность в приобретении в России крупной партии азотных удобрений (ранее поставлялись через КНР), покупке рыболовецких судов, а также поставках в Россию каучука.

Росту российского экспорта способствовало то, что в 1999 г. в экономике Таиланда наметился медленный рост. Благодаря этому уже в 2000 году могут открыться возможности сотрудничества в области ирригации, железнодорожного транспорта, электроэнергетики, автомобилестроения, судостроения, реше-

ния проблемы загрязнения окружающей среды, предотвращения наводнений в Бангкоке и некоторые другие.

С учетом договоренностей, достигнутых на втором заседании Смешанной комиссии по двустороннему сотрудничеству в сентябре 1999 г., в настоящее время прорабатываются вопросы сотрудничества в следующих областях:

- использование российских возможностей в области спутниковой связи и информации;
- судостроение, поставка плавучих доков, промысловых судов, механического судового оборудования, а также строительство судов по заказу тайландских военно-морских сил;
- организация сборочного производства автомобилей АО «ГАЗ»;
- поставки для железнодорожного транспорта Таиланда различного оборудования, заготовок колесных пар, шпал и т.д.;
- ирригационные проекты по переброске вод из р. Меконг (Лаос) и р. Салвин (Мьянма) на территорию Таиланда; соединение трубопроводами водохранилищ северо-запада и северо-востока Таиланда;
- использование Транссибирской магистрали для контейнерных перевозок грузов из стран Юго-Восточной Азии в Европу и обратно.

К работе по налаживанию торгово-экономического сотрудничества с Таиландом активно подключилась Администрация Хабаровского края, запланировавшая на 2000 год проведение в Бангкоке презентации возможностей края.

Важное значение для развития двустороннего сотрудничества будет иметь заключение нового Торгового договора, проект которого находится в завершающей стадии согласования.

С Малайзией⁶

Российско-малайзийские торгово-экономические отношения регулируются Торговым соглашением от 3 апреля 1967 г., предусматривающим взаимное предоставление сторонами режима наибольшего благоприятствования в вопросах торговли и судоходства, Соглашением об экономическом и техническом сотрудничестве от 4 октября 1972 г. и Соглашением об избежании двойного налогообложения от 31 июля 1987 г.

До 1992 г. структура двусторонней торговли ограничивалась в основном закупками в Малайзии пальмового масла, продуктов его переработки и натурального каучука (70-95% российского экспорта) и поставками в Малайзию удобрений (70-80% российского импорта). При этом импорт из Малайзии многократно превышал объемы российского экспорта.

В последние годы существенно увеличился двусторонний товарооборот, расширилась номенклатура взаимопоставляемых товаров и круг участников торгово-экономических отношений с обеих сторон, активизировались деловые контакты на федеральном и региональном уровнях. Значительно возросло положительное сальдо России в торговле с Малайзией. Получили развитие некоторые направления научно-технического и инвестиционного сотрудничества.

Наибольший удельный вес в *российском экспорте* занимают металлы и металлопрокат - (47%) (листовой прокат, горячекатаный и холоднокатаный в рулонах и листах производства Новолипецкого и Череповецкого металлургических комбинатов), а также удобрения и химическая продукция - 35%. В 1998 г. в связи с экономическим кризисом в Малайзии объемы поставок листового проката уменьшились по сравнению с 1997 г. в 3,3 раза - до 200 тыс. т. В то же время экспорт химической продукции и удобрений увеличился на 3% - с 250 до 284 тыс. т. Удельный вес машин и оборудования, включая вертолеты и запчасти к ним, нагревательное и охлаждающее оборудование, электрооборудова-

ние, подшипники и др., составляет 7%. Начата работа по продвижению на малайзийский рынок гидросамолетов для мониторинга окружающей среды.

Увеличение поставок машинотехнической продукции из России затруднено в связи с невысоким качеством продукции, неразвитостью сбытовой и сервисной сети, отсутствием эффективного механизма государственной поддержки экспорта. Так, АО «КАМАЗ» не сумело организовать сервисное обслуживание уже поставленной автомобильной техники. Кроме того, в связи с задолженностью АО «КАМАЗ» перед федеральным бюджетом Центральный Банк России не дал разрешения на открытие счета регионального представительства этого предприятия в Куала-Лумпуре, официальное открытие которого состоялось в апреле 1997 г. В итоге работа АО «КАМАЗ» на малайзийском рынке прекращена.

В *российском импорте* основными статьями являются промышленные товары народного потребления (41%), пальмовое масло и продукция его переработки (30%), машины и оборудование (16%).

Важным условием роста российского экспорта и улучшения его структуры могло бы стать увеличение поставок наукоемкой продукции, развитие научно-технологического и инвестиционного сотрудничества. Однако экспортные возможности основных российских товарных групп могут быть быстро сужены в связи с намечаемым созданием в Малайзии ряда аналогичных производств.

В 1999 г. рост товарооборота имел восстановительный характер - увеличение экспортных поставок, главным образом проката черных металлов из России, стало следствием оздоровления положения в основных потребляющих отраслях экономики Малайзии: обрабатывающей промышленности и строительстве. Сокращение российского импорта произошло в результате уменьшения закупок малайзийских товаров по всем основным группам, и в первую очередь, крупнейшей в прошлом позиции - товаров бытовой электроники (телевизоров, видеоаппаратуры, аудиотехники).

В целом же структура торговли в 1999 г. существенных изменений не претерпела. В российском экспорте по-прежнему основное место занимали металлы и металлопрокат (70%), удобрения и химическая продукция (25%). В импорте на промышленные товары приходилось 23%, пальмовое масло и продукцию его переработки 21%, машины и оборудование 18%.

В 1999 г. продолжалась работа по ряду перспективных направлений научно-технологического сотрудничества. В марте 1999 г. между Российским авиационно-космическим агентством и малайзийской государственной компанией «Астронаутик Текнолоджи Сдн.Бхд.» был подписан контракт о запуске малайзийского научного микроспутника.

Другим важным направлением в области коммерческого освоения космоса было продвижение Многофункциональной аэрокосмической программы для Малайзии, где главным составным элементом является проект дистанционного зондирования Земли из космоса. Состоявшийся в 1999 г. обмен письмами между Председателем Правительства Российской Федерации и Премьер-министром Малайзии свидетельствует о позитивном отношении малайзийской стороны к налаживанию взаимовыгодного сотрудничества в области коммерческого освоения космоса. Есть основания полагать, что продвижению сотрудничества в области коммерческого освоения космоса будет ожидаемое создание в Малайзии нового специализированного правительственного агентства по управлению данной отраслью.

Представителями Института физики Земли РАН начаты переговоры с малайзийской национальной нефтегазовой компанией «Петронас» об использовании при проведении поисково-разведочных работ на нефть и газ в шельфо-

вой зоне Малайзии современных российских геофизических технологий и сверхчувствительных приборов.

В области экспорта машинотехнической продукции велась проработка вопросов, связанных с возможной поставкой в Малайзию российских гидросамолетов.

Важным свидетельством интереса к российской авиационной технике, а также продукции судостроения стал состоявшийся в августе 1999 г. рабочий визит Премьер-министра Малайзии Махатхира Мохамеда в Хабаровский край и Бурятию, где он посетил судостроительные и авиационные предприятия в Комсомольске-на-Амуре и Улан-Удэ.

Продолжалась работа по продвижению на малайзийский рынок отдельных видов вооружений и военной техники - в апреле 1999 г. подписан Меморандум о взаимопонимании по военному и военно-техническому сотрудничеству.

Продолжалась реализация крупного инвестиционного проекта в Хабаровском крае, где на арендованном на 49 лет лесном участке в 250 тыс. га малайзийцами планируется организовать заготовку древесины в объеме 1035 тыс. куб. м. в год (размер инвестиций составит 200 млн.ам.долл.).

В сфере совершенствования договорно-правовой базы сотрудничества в апреле 2000 г. подписано межправительственное Соглашение об экономическом сотрудничестве.

Необходимо отметить, что длительное время (с 1992 г.) прорабатывается вопрос о заключении Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений. Минэкономики России отказывается вести согласование текста соглашения по дипломатическим каналам, а ограниченность финансовых возможностей сторон до сих пор не позволила организовать встречу экспертов.

В 2000 г. перспективы российского экспорта могут существенно осложниться - в Малайзии планируется ввод на полную мощность завода по производству горячекатаного и холоднокатаного проката, а также завершится модернизация комбината по производству удобрений. В связи с этим весьма актуальной становится задача диверсификации структуры российского экспорта с максимальным учетом спроса Малайзии на следующие виды научно-технологичной и промышленной продукции:

- композиционные и керамические материалы, сверхпроводники, металлы и сплавы с высокими техническими параметрами;
- производство синтетического каучука;
- разработка возобновляемых и нетрадиционных источников энергии;
- биотехнологические материалы и технологии;
- медицина, медицинские приборы, средства диагностики и лечения;
- участие в реализации проекта «Мультимедийный суперкоридор»;
- разведка и добыча полезных ископаемых, в том числе с использованием космической техники.

- по итогам поездки малайзийского Премьер-министра в Бурятию начата проработка вопроса об участии компании «Малэйзия Майнинг Корп.» в разработке месторождения золота в этом регионе.

Одним из перспективных направлений могут стать взаимоувязанные экспортно-импортные операции.

С Сингапуром⁷

Торговые отношения Российской Федерации - в качестве правопреемника бывшего СССР - с Сингапуром осуществляются с 1965 г., то есть с момента его отделения от Федерации Малайзия. Договорно-правовую базу российско-сингапурских торговых отношений составляет двустороннее Торговое

соглашение от 2 апреля 1966 г., которое сохраняет свою силу после признания Сингапуром в декабре 1991 г. правопреемственности России по делам СССР.

В декабре 1991 г. Сингапур признал Российскую Федерацию в качестве государства - правопреемника СССР и 2 января 1992 г. установил с нею дипломатические отношения.

Торгово-экономические отношения остаются наиболее активным компонентом двусторонних отношений. Среди стран АСЕАН Сингапур является одним из ведущих экономических партнеров России. Торговые отношения между Россией и Сингапуром получили наиболее бурное развитие в 1993-1994 гг., что отмечено пятикратным увеличением товарооборота в стоимостном выражении. В 1995-1997 гг. объем торговли между двумя странами сохранялся стабильным на уровне около 1,0 млрд. ам. долл. (наибольший объем товарооборота в размере 1228, млн. ам. долл. был достигнут в 1995 г., в основном за счет разовой поставки крупной партии алюминия). С этого времени Управлением по развитию торговли Сингапура ведется статистический учет по отдельным группам товаров российско-сингапурской торговли и активизируется работа по расширению торгово-экономических отношений с Россией. В частности, организуются регулярные поездки в различные российские регионы руководителей крупнейших компаний, представляющих интересы наиболее перспективных деловых кругов Сингапура - к 1997 г. были созданы представительства Управления по развитию торговли Сингапура в Хабаровске и Москве.

В указанный период развитие российско-сингапурской торговли характеризовалось следующими положительными факторами:

- относительно высоким и стабильным уровнем объема товарооборота;
- стабильным ростом объема российского экспорта;
- увеличением доли машинотехнической продукции в общем объеме экспорта (в 1997 г. до 50,3, в 1995 г. 11,1, в 1996 г. 40,8%);
- расширением номенклатуры экспортных товаров и поставкой новых видов машинотехнической продукции (специальное оборудование, вертолеты, швейные машины, узлы к бумагоделательному оборудованию, приборы, инструменты, офисное оборудование);
- увеличением доли экспорта в общем товарообороте - до 21,6% в 1997 г. - и, как следствие, сокращением традиционно отрицательного для российско-сингапурской торговли сальдо торгового баланса.

С 1998 г. торгово-экономические отношения России с Сингапуром развиваются, помимо неблагоприятных условий валютно-финансового кризиса в ЮВА, также под влиянием финансового кризиса в России после 17 августа 1998 г.

Номенклатура двусторонней торговли в основном определяется спецификой и потребностью сингапурского рынка как по экспорту, так и по импорту ориентированного на производство электронной продукции, переработку нефти, снабжение топливом морского и воздушного транспорта, а также реэкспортными сделками, проводимыми через Сингапур как крупный центр для стран ЮВА.

В номенклатуре российского импорта традиционно преобладают товары электронной промышленности. Доля машинотехнической продукции составляет около 80%, что соответствует экспортной ориентации Сингапура и «электронной» направленности его промышленного производства. При этом наблюдается динамика снижения годового объема импорта, что объясняется насыщением российского рынка такими крупными группами электронной продукции, как цветные телевизоры, компоненты компьютерной техники и т.д. Ощутимое влияние на снижение импорта товаров из Сингапура оказывает конкуренция других стран региона (Малайзия, Тайвань, Индонезия, Таиланд),

получивших в последние годы достаточно быстрое и успешное развитие в области производства продукции электроники.

Товары машинотехнической группы (в первую очередь электроника), а также продовольственной группы составляют около 90% всего российского импорта из Сингапура.

В 2000 г. тенденция дальнейшего увеличения российского экспорта сохранится. По объемам продаж наиболее перспективными товарами все же будут товары сырьевой группы - черные и цветные металлы, лес, нефть и нефтепродукты, химические продукты. Имеются хорошие перспективы для дальнейшего развития поставок российской машинотехнической продукции. С этой целью продолжается работа по следующим направлениям:

1. Маркетинг российских регионов и их проектов на рынках капиталов в ЮВА. Организуется ряд инвестиционных миссий сингапурских компаний для обсуждения конкретных проектов в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Томской областях.

2. Поиск и разработка источников финансирования проектов в сфере высоких технологий и «ноу-хау». Проработка вариантов сотрудничества с компаниями, интересы которых распространяются на новейшие разработки в судостроении, машиностроении, автоматизации процессов, лазерной технологии, сфере электроники и аэрокосмических исследованиях.

3. Установление тесных контактов со структурами АСЕАН с целью наиболее полного использования преимуществ России в развитии делового сотрудничества с региональными компаниями.

С Индонезией⁸

В течение 1993-1996 гг. развитие двусторонних российско-индонезийских отношений происходило главным образом за счет реализации договоренностей на правительственном уровне относительно ускоренного погашения товарными поставками индонезийской задолженности по ранее использованным госкредитам бывшего СССР (80% российского импорта), в результате был отмечен устойчивый рост товарооборота. В этот период из Индонезии в Россию поставлялись, в основном, остродефицитные сельскохозяйственные сырьевые товары тропического происхождения, в том числе товары пальмовой группы (тропические масла), натуральный каучук и латекс, чайное сырье и т.д. В 1997 г. тенденция роста взаимной торговли была нарушена в результате начавшегося в августе 1997г. в Индонезии валютно-финансового кризиса. Ситуация усугубилась в 1998-1999 гг., особенно после разразившегося кризиса банковской системы в России.

Необходимо отметить, что лимитированные возможности российской экономики, отсутствие отлаженной инфраструктуры экспортно-импортных операций, совершенной договорно-правовой базы сотрудничества, взаимная неизученность рынков, продолжают и в современных условиях сдерживать развитие нашего торгово-экономического взаимодействия с Индонезией.

Товарная структура взаимной торговли по-прежнему остается довольно слабо диверсифицированной. Основными экспортными позициями России в 1999 г., как и в предшествующие годы, оставались черные и цветные металлы, удобрения, а в импорте преобладали традиционные индонезийские товары плантационной группы. В российском экспорте в 1999 г. главное место занимали сырьевые товары - до 82,2% всех поставок, из них только на поставки удобрений приходилось 38,4%, цветные металлы 12,3, черные металлы и металлоизделия 25%, химические изделия 6,5%.

Резкое снижение доли поставок черных металлов и металлоизделий в российском экспорте с 86 в 1998 г. и до 25% в 1999 г. произошло в результате

установления Индонезией с мая 1999 г. антидемпинговых пошлин в размере 62% в отношении изделий из черных металлов (широкополочный двутавр, двутавры горячекатаные). Эти санкции нанесли существенный ущерб Российской Федерации.

Такое решение было принято индонезийскими властями в результате расследования, проведенного в 1996-1997 гг. Антидемпинговым комитетом Индонезии (КАДИ). Решением комитета введены антидемпинговые пошлины в размере 19% в отношении продукции Новолипецкого металлургического комбината (НЛМК) и 33% - других российских экспортеров этой металлопродукции.

Валютно-финансовый кризис в Индонезии и экономические потрясения в России оказали весьма негативное воздействие на продвижение российских машин и оборудования на индонезийский рынок. В последние годы сохраняется устойчивая тенденция сокращения объемов экспорта в Индонезию машино-технической продукции (1996 - 4,6 млн. ам. долл., 1997 - 1,3 млн. долл., 1998 - 0,5 млн. ам. долл.) Объем российского экспорта машинотехнической продукции в 1999 году составил всего 22 тыс. долл. (или 0,004% всего российского экспорта); это - допоставки запчастей к энергетическому и текстильному оборудованию по контрактам 1998 г.

В связи с падением покупательной способности населения России и ростом курса доллара США к рублю в 1999 г. импорт сырья, материалов и товаров народного потребления из Индонезии резко сократился и составил 39,8 млн. ам. долл. В целом импорт России в 1999 г. сохранял сырьевую направленность - на одежду и ткани приходилось 25,3%, табак 21,7, тропические масла 7,8, чай 3,1, какао-продукты 3,7, каучук и латекс 3,9, мебель 1,5, кофе 0,7, обувь 0,5%.

В целом в торгово-экономических отношениях России и Индонезии сохраняется тенденция снижения деловой активности. В случае затяжного экономического кризиса в России и Индонезии следует ожидать дальнейшего сокращения объемов двусторонней торговли. В условиях острой нехватки валютных средств следует развивать и такие формы внешнеторговых операций, как встречные поставки, что в принципиальном плане находит поддержку у индонезийского правительства.

В целях развития встречной торговли Банк Индонезии уже заключил межбанковские соглашения с 13 странами, в том числе с Россией, Узбекистаном, Казахстаном. Используя встречные поставки, можно увеличить не только долю традиционных сырьевых товаров, но и готовых промышленных изделий.

Следует отметить, что нашими конкурентами на индонезийском рынке являются некоторые компании СНГ - в первую очередь Украины, где особенно сильны позиции по металлопродукции. В 1999 г. Украина смогла оперативно осуществить крупную запродажу соответствующей продукции в Индонезию.

Перспективным товаром продолжают оставаться удобрения, особенно калийные. Учитывая годовую потребность Индонезии в 50 тыс. т. калийных удобрений и экспортные возможности России, можно было бы рассмотреть вопрос о введении квотирования данной продукции, с тем чтобы занять большую часть рынка. Это позволило бы увеличить российский экспорт в Индонезию на 30-40 млн. ам.долл. в год.

Сдерживающим фактором развития делового сотрудничества остается все еще довольно слабая база информационного обеспечения. В условиях валютно-финансового кризиса значительно сократилось участие сторон в проводимых выставках, ярмарках и семинарах.

До настоящего времени не получило должного развития такое направление торгово-экономических отношений России и Индонезии, как инвестиционное сотрудничество. Основными сдерживающими факторами являются про-

должающиеся экономические кризисы в обеих странах, нерешенность проблем гарантий инвестиций, отсутствие рынка земли, слабое развитие инфраструктуры, несовершенство договорно-правовой базы сотрудничества (отсутствие двусторонних соглашений об интеллектуальной собственности и о взаимной защите капиталовложений).

В то же время Россия и Индонезия выгодно дополняют друг друга с точки зрения возможностей капиталовложений, развития научно-технического потенциала, наличия крупных запасов природных и трудовых ресурсов.

Важным направлением в работе по развитию экономических связей с Индонезией является налаживание контактов и изучение возможностей инвестиционного сотрудничества регионов России с Индонезией.

В 1998 г. прорабатывались конкретные предложения Администрации Свободной экономической зоны "Находка" о создании в Индонезии СП в области рыболовства, ремонта транспортного и рыболовецкого флота. Изучалась также возможность налаживания обслуживания экспорта и импорта Индонезии в Европу и Среднюю Азию с использованием режима транзита по Транссибирской магистрали.

Продолжается работа по продвижению на индонезийский рынок российской технологии повышения нефтеотдачи, разработчиком которой является ВНИИГАЗ. В результате с участием местного контрагента был найден реальный инвестор и с компанией "П.Т. Калтекс Индонезия" заключен контракт на проведение пилотного проекта объемом в 2 млн. ам. долл. Предварительно государственной компанией "Пертамина" рекомендовано применение данной технологии на всех старых месторождениях, что позволяет надеяться на расширение российского участия в нефтегазовой отрасли Индонезии.

Важно отметить, что кризис в Индонезии практически не оказал резкого негативного влияния на сельскохозяйственный сектор экономики страны, а также рыбное хозяйство. Отмена ограничений на инвестиции в плантационное хозяйство масличных пальм, в свою очередь, открывает благоприятные возможности для налаживания инвестиционного сотрудничества России и Индонезии в области производства пальмового масла, принимая во внимание дефицит этого ценного тропического сырья на российском рынке.

Хорошие перспективы существуют также для развития сотрудничества в области рыбного хозяйства по совместной разработке рыбных ресурсов Индонезии с использованием российских рыболовецких судов и плавучих баз по переработке и консервированию рыбной продукции с последующей ее реализацией на российском рынке.

В качестве перспективного направления инвестиционного сотрудничества между двумя странами можно отметить использование лизинга в инвестиционной деятельности. В последние годы, в условиях растущего внутреннего спроса на средства производства и расширения финансовой базы промышленного сектора Индонезии, все более ощутимую роль играют лизинговые компании. До настоящего времени российская машинно-техническая продукция не была представлена на индонезийском лизинговом рынке, что в определенной степени было связано с серьезной конкуренцией со стороны западных фирм и с ограниченными финансовыми возможностями России. На современном этапе наиболее реальным представляется создание совместных предприятий с фирмами-дистрибьюторами с последующей сдачей российского оборудования в лизинг через лизинговые компании. При наличии заинтересованности местных контрагентов, доля российского участия могла бы быть представлена капиталными товарами.

С Вьетнамом⁹

Вьетнам является традиционным торговым партнером России, что обусловлено историей развития торгово-экономических отношений с СССР. До 1991 г. рост товарооборота советско-вьетнамской торговли в основном обеспечивался за счет предоставления Вьетнаму товарных кредитов на льготных условиях. На долю СССР приходилось 60-70% всего объема внешней торговли Вьетнама.

Переход в 1991 г. к расчетам во взаимной торговле в свободно конвертируемой валюте, распад СССР и прекращение госкредитования внешней торговли привели к резкому сокращению товарооборота. В последние годы доля России во внешней торговле Вьетнама составляет около 3% в импорте и 1,5-2% в экспорте.

Рост поставок российских товаров во Вьетнам сдерживается высокими себестоимостью продукции и транспортными расходами, недостаточностью государственной поддержки экспортеров промышленной продукции, необязательностью российских поставщиков, острой конкуренцией со стороны экспортеров из Японии, Республики Корея, Тайваня, стран Западной Европы, США.

Основной объем российского импорта из Вьетнама составляют сырье (каучук, тропические масла, лекарственное сырье и др.), продовольствие (чай, кофе, рис, пряности и др.), товары народного потребления.

Имевшее место в последние годы сокращение экономического сотрудничества обусловлено отсутствием государственной поддержки экспорта комплектного оборудования. Российские организации испытывают недостаток средств для предоставления вьетнамским заказчикам кредитов на закупку оборудования. Кроме того, поскольку проводящиеся во Вьетнаме экономические реформы финансируются в значительной мере за счет привлечения иностранных кредитов (как в форме официальной помощи развития, так и в форме кредитов международных финансовых организаций), деятельность российских организаций на вьетнамском рынке осложняется жесткой конкуренцией со стороны фирм развитых стран - Японии, Франции, Германии, Сингапура, Тайваня, Республики Корея. После отмены экономического эмбарго и установления дипломатических отношений с США, на вьетнамском рынке резко возросла активность американских фирм.

В 1999 г. во Вьетнаме реализовывалось свыше 20 инвестиционных проектов с участием российского капитала. Сферами приложения российских инвестиций в рамках этих предприятий являются нефтедобыча и нефтепереработка, транспорт, добыча и переработка морепродуктов, сельское хозяйство. Наиболее крупный проект реализовывался в области создания совместного предприятия по строительству и эксплуатации первого вьетнамского нефтеперерабатывающего завода мощностью 6,5 млн. т. перерабатываемой нефти в год - инвестиционный капитал проекта определен в объеме 1,3 млрд. ам. долл., а уставный капитал - в 800 млн. ам. долл. (50%/50%). Вместе с тем реализация многих проектов характеризуется нестабильностью и недостаточной эффективностью, что обусловлено недостатками технико-экономических обоснований еще на предпроектной стадии, ограниченными финансовыми возможностями сторон, а также низкой квалификацией партнеров.

Вьетнам по-прежнему будет оставаться перспективным и емким рынком для следующих российских товаров: авиа- и автотехники, дорожно-строительного оборудования, тракторов и запчастей к ним, проката черных и цветных металлов, кабельной продукции, удобрений. При этом на российском рынке будет сохраняться спрос на следующие вьетнамские товары: продукцию тропического земледелия, включая продовольствие, фрукты и овощи, специи,

тропические и эфирные масла, натуральный каучук, готовую одежду, обувь, продукцию кустарно-художественных промыслов.

Сохраняются перспективы для развития экономического и инвестиционного сотрудничества в: топливно-энергетическом комплексе, включая освоение новых нефтяных и газовых месторождений, строительстве энергетических объектов, реконструкции и расширении системы ЛЭП и распределительных электросетей; производстве строительных материалов; строительстве автомобильных и железных дорог и мостов; модернизации и расширении объектов, построенных ранее при техническом содействии бывшего СССР; судостроении и судоремонте; агропромышленном комплексе, включая производство и переработку натурального каучука, кофе, чая и других тропических культур; создании новых совместных предприятий в машиностроении.

В условиях ограниченности финансовых возможностей российских и вьетнамских участников внешнеэкономической деятельности недостаточность взаимодействия банковских структур сдерживает не только рост оборота российско-вьетнамской торговли, но и тормозит развитие экономического сотрудничества в целом. В 1998-1999 гг. сторонами был сделан ряд шагов, направленных на решение вопроса финансово-банковского обеспечения внешнеэкономической деятельности - Центральный банк России и Государственный банк Вьетнама подписали Соглашение об организации расчетов по внешнеэкономическим связям, а в рамках Рабочей группы по вопросам межрегионального сотрудничества проведена встреча представителей коммерческих акционерных банков сторон, в повестку дня которой были вынесены вопросы повышения уровня взаимодействия банковских структур. В рамках Межправкомиссии создана Рабочая группа по банковскому сотрудничеству, работу которой возглавят Центральный банк России и Вьеткомбанк. В совокупности это должно способствовать динамизации торгово-экономических отношений двух стран.

С Филиппинами¹⁰

В 1999 г. российско-филиппинский товарооборот формировался в условиях некоторого улучшения экономического положения на Филиппинах и постепенного преодоления финансово-экономического кризиса в Восточной Азии.

Основу российского экспорта продолжали составлять сырьевые товары и полуфабрикаты: стальной прокат, химические удобрения, химические товары, нефтепродукты. При этом на сталепroduкцию (стальные заготовки, горячекатаные и холоднокатаные рулоны, катанка, слябы и некоторые другие виды) приходилось свыше 90% его общего объема. Поставками сталепroduкции и определялась вышеприведенная динамика российского экспорта на Филиппины в 90-е годы. Их бурный рост начался в 1994 г. и продолжался на волне относительно высоких темпов развития филиппинской экономики вплоть до финансово-экономического кризиса в Восточной Азии.

Отличительной особенностью 1999 г. в российско-филиппинской торговле является быстрое восстановление экспорта из России и его практически моноотварный характер - более 90% объема российского экспорта приходится на сталепroduкцию. Импорт, ввиду незначительного объема в последние годы перестал оказывать какое-либо влияние на объемы двусторонней торговли.

Кроме стального проката, из России на Филиппины в 1999 г. было поставлено (в млн. ам. долларов): минеральные удобрения - 13,9 (72 тыс. т.); соя - 1,7; сухое молоко - 1,1; некоторые виды химических товаров - 0,5; алкогольные напитки - 0,1. В отчетном году впервые были поставлены различные виды бумаги и картона на общую сумму 0,5 млн. ам. долларов, электроизоляторы стеклянные 0,3, угольные электроды 0,2, алюминиевые сплавы 0,1.

Слабой стороной нашего экспорта является фактическое отсутствие машин и оборудования. Незначительные по стоимости поставки некоторых машинотехнических изделий носят эпизодический характер.

Российский импорт из Филиппин после 1991 г. резко пошел на убыль в связи с прекращением централизованных закупок традиционных филиппинских товаров, в первую очередь кокосового масла. В 1999 г. отмечено его дальнейшее снижение - на 1/3 по сравнению с уровнем 1998 г. Основными позициями в импорте оставались готовая одежда (70% всего импорта), обувь, свежие бананы, консервированные фрукты и овощи, алкогольные и прохладительные напитки. Импортные операции осуществлялись мелкими российскими фирмами. Продукты питания (бананы, ананасы, кетчуп, алкогольные напитки) в основном поставлялись на Дальний Восток и в Восточную Сибирь, а игрушки и швейные изделия - в европейскую часть РФ.

Товары широкого потребления, как правило, представляли собой остатки от крупных товарных партий по контрактам с американскими, японскими и европейскими импортерами. Следует заметить, что фактическая девальвация филиппинского песо почти на 1/3 в результате финансово-экономического кризиса не привела к росту экспорта из Филиппин в Россию. Влияние этого фактора было нейтрализовано еще более резкой девальвацией российского рубля.

Российско-филиппинская торговля характеризуется значительным положительным для нас сальдо, что в последние годы, наряду с резким сужением сферы применения нашей Национальной системы преференций в торговле с развивающимися странами, вызывает негативную реакцию филиппинцев.

Относительно перспектив в 2000 г. не приходится рассчитывать на сохранение объемов товарооборота даже на уровне 1999 г. Высока вероятность принятия филиппинским правительством окончательного решения о введении ограничительных мер в отношении импорта российской стали.

В части диверсификации российского экспорта в 2000 г. целесообразно проработать вопрос о возможности создания своеобразной российской «опорной точки» в свободной экономической зоне на территории бывшей американской военно-морской базы «Субик Бей». Здесь можно арендовать участок земли для размещения торгового и демонстрационного залов и консигнационного склада. С учетом сложившейся в 1999 г. тенденции выхода экономики Филиппин из кризиса появляются возможности налаживания инвестиционного сотрудничества, в том числе и путем совместного участия с фирмами третьих стран в сооружении крупных объектов на территории Филиппин в сфере сельского хозяйства, пищевой, лесной, деревообрабатывающей промышленности, защиты окружающей среды, передачи информационных технологий в рамках «Ханойского плана действий».

В то же время с российской стороны необходимы меры, стимулирующие экспорт товаров в Россию: сложившийся резкий дисбаланс в торговле ни в коей мере не может устроить филиппинскую сторону.

С Камбоджей¹¹

В 2000 г. на внутреннем рынке Камбоджи будет сохраняться устойчивый спрос на товары российского производства: большегрузные автомобили (КАМАЗ), автотракторную технику (МТЗ-800, 820), дорожные машины, строительную технику (для жилищного малоэтажного строительства), а также запасные части к ним. Определенный спрос имеется на газетную бумагу, удобрения и строительную арматуру (6-8 мм) - эти товары Минторг Камбоджи планирует закупать с использованием японской финансовой помощи через процедуру торгов.

Камбоджийская сторона проявляет заинтересованность в налаживании сотрудничества с российскими организациями в области сельского хозяйства. Ряд частных фирм страны проявляет интерес к созданию металлургического передельного завода по производству строительной арматуры, крепежных изделий. небольшой мощности - до 10 тыс. т. в год. Со стороны частного сектора изучается вопрос строительства предприятия по ремонту автотранспортных средств и дорожно-строительной техники.

С Лаосом

В результате того, что российская сторона не поддерживает позицию дальнейшего использования товаров в счет погашения задолженности, а также фактического прекращения переговоров после завершения поставок товаров из Лаоса в счет погашения задолженности по Протоколу 1997 г., в 1999 г. российский импорт из Лаоса фактически прекратился.

В настоящее время завершается проработка вопроса о поставках в Лаос тракторной техники и запасных частей.

В 2000 г. будут продолжены переговоры о лизинге и продаже российской авиационной техники.

Заключение

В заключение следует отметить, что в целом сотрудничество России со странами АСЕАН уже сейчас наиболее перспективно по трем направлениям:

- в добыче и переработке российского минерального, углеводородного и лесного сырья можно обеспечить расширение масштабов и повышение технического уровня производства, облагораживание экспорта и создание дополнительных рабочих мест в районах, страдающих от безработицы;

- в налаживании в России производства высококачественных товаров народного потребления, включая бытовую электронику и другие товары длительного пользования, по которым эти страны занимают передовые позиции в мире, а одновременно и способны внести серьезный вклад в удовлетворение потребительского спроса;

- уже сейчас в отношениях с Россией особое внимание страны АСЕАН уделяют научным разработкам в области энергетики, материаловедения, биотехнологии, освоения Мирового океана, аэрокосмической техники, медицины. Сотрудничество с АСЕАН дает устойчивый и выгодный выход экспорту чистой технологии, являющейся одним из наиболее ценных ресурсов России. Вместе с тем это сотрудничество может способствовать не только технической, но и организационной перестройке многих производств, что имеет большое значение для увеличения нашего экспортного потенциала.

Актуальной представляется задача налаживания и развития контактов между отдельными регионами России и стран АСЕАН, прежде всего в направлении расширения круга потенциальных инвесторов в экономику двух стран. Многие фирмы стран АСЕАН обладают значительными финансовыми возможностями и опытом участия в различных инвестиционных проектах за рубежом. Несмотря на экономический кризис, сохраняются возможности по привлечению инвестиций из этих стран в российскую экономику, в частности в нефтегазовую, горнодобывающую, лесную и деревообрабатывающую, легкую и пищевую промышленность, строительство объектов инфраструктуры, жилья, гостиничный бизнес, в реализацию программ экономического развития Сибири и Дальнего Востока.

С учетом сложного валютно-финансового положения России и стран АСЕАН одним из перспективных направлений торговых отношений могут стать взаимоувязанные экспортно-импортные операции в их различных формах.

1. Global Economic conditions and prospects (Paper for ASEAN). Geneva, 1999. Pp.30-41; Annual Economic Report of APEC. Singapore, 1999. Pp.46-99; Quarterly Bulletin (Bank of Thailand). Vol. 38. № 2. June 1998; Vol. 39. № 4. December 1999; Science Asia. Thailand, 1999. Vol.25. № 2; Thailand, Department of Export Promotion. Annual Report, 1998-1999: Ministry of Commerce, Royal Thai Government; Pacific Economic Outlook: Japan Committee for Pacific Economic Outlook, November, 1998. Pp. 30, 35, 42, 44-49, 53.
2. ASEAN: an overview: ASEAN Secretariat. Jakarta, 1995. Pp.11,102.
3. Current Development on ASEAN cooperation on the Transport sector. Hanoi, 1998: ASEAN Secretariat information Paper of 20th ASEAN Railway General Manager's Conference. Pp. 3-6.
4. Association of Southeast Asian Nations. Annual Report 1998-1999: ASEAN Secretariat. Jakarta. Pp. 14-49, 92, 110, 107.
5. Thailand: Economic performance in 1999 and outlook for 2000. Bangkok, 2000. Pp.37-60.
6. Asia Pacific Business Review, 1997. Pp. 170-196; ASEAN: an overview: ASEAN Secretariat. Jakarta, 1995. Pp. 40-60.
7. Singapore Trade Development Board. Annual Report 1997-1998. Singapore 1998. Pp. 333-377.
8. Association of Southeast Asian Nations, Annual Report 1998-1999: ASEAN Secretariat. Jakarta. Pp. 14-49. Barclays Country Report, 1997. Pacific Economic Outlook: Japan Committee for Pacific Economic Outlook. November, 1998. Pp. 30, 35.
9. Pacific Economic Outlook: Japan Committee for Pacific Economic Outlook. November, 1998. Pp. 44-49, 53. Association of Southeast Asian Nations, Annual Report 1998-1999: ASEAN Secretariat. Jakarta. Pp. 10-12.
10. Barclays Country Report. Philippine, November. 1999; Financial Times Survey// Annual Review, September 28, 1999. The 1999 Guide to the Philippines. London. Pp. 3-6, 10-11.
11. Barclays Country Report, 1997. Association of Southeast Asian Nations. Annual Report 1998-1999: ASEAN Secretariat. Jakarta. Pp. 14.

Образование

Реструктуризация финансирования государственной системы образования в КНР

© 2001

Н. Боревская

Ускоренная модернизация КНР в последней четверти XX века, а также переход от единой централизованной государственной системы образования к государственно-общественной, приспособленной к условиям рыночной экономики, потребовали от правительства обеспечить этот процесс организационно-экономически. Задача данной статьи - исследовать создание в КНР новых механизмов финансовой поддержки государственной системы образования и ее ускоренной модернизации на фоне общих социально-экономических преобразований в стране.

Направленность реформы финансирования системы образования в связи с экономическими преобразованиями.

Китайское руководство отвало науке и образованию роль мощного рычага в выполнении всех задач, поставленных в ходе реформы последних двух десятилетий. С 1984 г. в стране развернулись масштабные преобразования в хозяйственной системе, а уже в марте 1985 г. были приняты первые конкретные программы технологической модернизации, в частности «Решение о реформе научно-технической системы» и «Решение о реформе системы образования», которые обозначили также и новые пути управления и финансирования в этих областях. Намеченный в сентябре 1985 г. на Всекитайской конференции КПК переход к новой рыночно ориентированной хозяйственной системе нашел свое отражение в принятом в 1986 г. «Законе об обязательном обучении». Для его осуществления предполагалось использовать рыночные рычаги. С целью трансформировать народное хозяйство Китая и форсировать рыночные реформы в 1993 г. была принята «Программа реформ и развития образования» (далее «Программа»). После того как на XIV съезде КПК в 1992 г. Цзян Цзэминь подчеркнул, что необходимо «поставить образование на стратегические позиции приоритетного развития», руководство страны не раз давало указания финансировать эти реформы, обозначенные в законодательных документах второй половины 90-х гг. и, прежде всего, в принятом в марте 1995 г. «Законе об образовании». «Новизна текущего этапа реформы и развития образования», по заявлению китайского руководства, определяется созданием в стране благодаря экономическому росту «невиданных доселе благоприятных

условий». Выступивший на третьем Всекитайском рабочем совещании по образованию в июне 1999 г. Премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи перечислил факторы, содействующие энергичному развитию образования на пороге нового тысячелетия: высокие образовательные запросы населения, его готовность использовать часть накопленных средств на обучение и активность при создании школ, скрытые резервы финансирования системы образования¹. Среди условий, стимулирующих нынешний этап в области реформ образования, нельзя не упомянуть и нацеленность Китая на переход в эпоху «экономики знаний». Подготовка к этому активизировалась принятием в 1999 г. программы *информатизации* образования и созданием телекоммуникационной сети обучения, покрывающей всю страну.

В дореформенные десятилетия прежняя модель *бюджетного* и преимущественно *централизованного* финансирования образования в КНР сдерживала его развитие. Однако без социально-экономической базы и научно разработанной теории попытки децентрализовать управление учреждениями образования и ограничить роль государства в конце 1950-х гг. и во второй половине 1960-х гг. не дали положительных результатов. В сложный переходный период 1980-х гг. командно-административная система управления тем более оказалась не в состоянии выполнить новую стратегическую задачу создания ускоренными (по сравнению с западными странами) темпами грандиозной современной системы образования - максимально дифференцированной, высокоэффективной и высококачественной, использующей современные технологии. Одной из главных причин недееспособности централизованной организационно-финансовой модели образования в КНР стало то, что она унаследовала от командно-административного социализма принцип полного определения государством потребностей в подготовке кадров, который оказался препятствием в условиях рыночной экономики, поскольку «центр» более не способен был командовать рынком труда. На новом этапе образование превращается в товар, предоставляемый конкурирующими поставщиками; образовательные услуги приобретают цену, и доступ к ним ставится в зависимость от требований покупателя и его способности оплатить услуги. Соответственно, государственный заказ на образование во все возрастающей степени *формируется самой системой образования*, что, однако, не позволяет ей адекватно реагировать на происходящие в обществе и экономике изменения. Поэтому перед государством в Китае встала принципиально новая задача *поиска механизма стимулирования рыночного спроса на образование*.

Реструктуризация финансового обеспечения образования стала неотъемлемой и наиболее существенной частью управленческой реформы. Задача последней заключалась в том, чтобы найти новые рычаги для модернизации системы образования и ее трансформации в условиях рыночной экономики - постепенно сократить сферу директивного планирования и централизованного распределения материальных ресурсов. Новая схема финансирования образования должна стать *гибкой*, чтобы оперативно реагировать на интересы разных регионов и секторов экономики, а также различных классов и слоев общества, сохраняя единое образовательное пространство. Далее задачей организационно-финансовой реформы является *активизация инициативы местных правительств* в финансировании образования, что уменьшит давление на центральный бюджет. И, наконец, с помощью реформы государство надеется значительно увеличить внебюджетные ассигнования на образование, задействовав различные каналы. Как подтвердила мировая практика 1970-80-х гг., при переходе к рыночной экономике и государственно-общественной системе образования доля государственных ассигнований уменьшается, но каждая страна по-своему решает вопрос о дополнительных источниках.

Поскольку децентрализация и многоканальное финансирование стали ключевыми понятиями современной финансовой и управленческой реформы в сфере образования в КНР, то именно они окажутся в фокусе нашего анализа.

Для проведения реформы на современном научном уровне ученым и политическим деятелям Китая потребовалось познакомиться с новой для них дисциплиной - «экономикой образования» (в сентябре 1980 г. Центральный НИИ педагогики провел конференцию по этой проблеме, а уже в ноябре 1981 г. состоялось первое Всекитайское совещание по экономике образования). В соответствии с теорией «человеческого капитала» в Китае в ходе реформ была признана *производительная природа образования* и подсчитана отдача от вложений в него, значительно превышающих вложения в основной капитал (определенную роль в становлении теории экономики образования и ее методики в Китае сыграли переводившиеся в последние десятилетия труды академика С. Г. Струмилина, предложившего новый расчет экономической эффективности образования, а также В. А. Жамина и С. Л. Костянина, в 1960-80-е гг. обосновавших методы экономики образования).

Регулирование механизмов государственного финансирования образования. Начиная с середины 1980-х гг., законодательные акты в КНР стали увязывать модернизацию образования с экономическим реформированием. Этому способствовало и провозглашение образования «производительной силой» (а науки и техники - «производительной силой первостепенной важности»), и поставленное перед ним требование «служить социалистической экономике как центру», а в более общем виде - служить осуществлению «четырех модернизаций». Основные китайские нормативные акты 1990-х гг. базировались на современной теории модернизации - *стратегической роли образования в общественном движении и его опережающем по отношению к производству развитию*. Для обеспечения этих позиций Китаю потребовался принципиально новый подход: инвестирования государства в сферу образования не считались более *потребительскими расходами*, которые финансируются по остаточному принципу, а рассматривались как важный вид капиталовложений, один из *главных источников умножения национального богатства*.

Переход от государственной к *государственно-общественной системе* образования означал осознание не только учеными, но и правительством КНР новой роли общества и его отдельных субъектов в управлении и финансировании образования. Правительству необходимо было задействовать пять основных субъектов общества: государство, местные правительства, органы местного самоуправления, индивидов и семьи, финансово-промышленные группы и банки. В свете этой политики правительство предполагало при учреждении новых учебных заведений координировать усилия с организациями различных форм собственности, частными фондами, общественными организациями, иностранными и совместными предприятиями, отдельными гражданами (соотечественниками и иностранцами)². В целом для государства новый «общественный договор» означал сужение круга его финансовых обязательств и выработку механизмов финансового макрорегулирования системы образования. Считается, что на современном этапе реформы этот процесс должен соответствовать новым внешним и внутренним условиям функционирования системы образования: изменяющемуся характеру взаимоотношений между федеральным, региональным и местным уровнями управления в ходе децентрализации; большей встроенности образовательных структур в рыночные отношения; ресурсным ограничениям в системе образования и обществе в целом.

Основные положения новой экономической политики КНР в отношении образования в 1980-1990-е годы были сформулированы в нормативных документах и законодательных актах (помимо упомянутого «Закона об образова-

нии», в 1996 г. принят «Закон о профессиональном образовании», и в 1998 г. «Закон о высшем образовании») и сводились к следующему:

- отказ от принципа остаточного финансирования;
- защищенность статей бюджета на образование;
- многоканальное финансирование;
- финансовая самостоятельность учебных заведений;
- переход к децентрализации расходов;
- введение налоговых льгот для системы образования и ее инвесторов, а также специального налога на образование;
- создание целевых фондов.

Принципиальным для реформы образования явились ее стартовые позиции: в середине 1980-х гг. в Китае еще решались параллельно задачи ликвидировать неграмотность, завершить всеобщее начальное образование и ввести обязательное 9-летнее неполное среднее образование. Решая эти проблемы, государство в ходе рыночных реформ сохранило свою роль *основного инвестора* государственной системы образования, а средства, поступающие по всем остальным каналам, были объявлены *вспомогательными*³. Полное бюджетное финансирование государственных учебных заведений распространялось только на базовую ступень образования (обязательная девятилетка); расходы на образование сверх обязательного правительство разделило с обществом и отдельными гражданами, сохранив платность на ступени полной средней школы, постепенно вводя с 1994 г. платность среднего и высшего профессионального образования.

В то же время китайское правительство (в отличие от многих стран мира, в частности, России) *не взяло на себя финансовой ответственности за обеспечение негосударственных школ и вузов*, твердо пообещав им, однако, политическую поддержку и предоставив местным властям право оказывать этим учебным заведениям помощь по своему усмотрению.

В процессе использования финансов как рычага макроэкономического управления и в ходе общего совершенствования бюджета и налоговой системы в КНР, а также на основании мирового опыта формирования государственных ассигнований на образование (чему в Китае соответствовал термин «бюджетные ассигнования»), КНР с начала 1980-х гг. приступил к их *реструктуризации*. Ее целью служило создание новых условий и механизмов, гарантирующих вложения в образование. Исходной посылкой реформы стало введение принципа объединения исполнительных и финансовых полномочий, предложенное Ли Пэном на Всекитайском совещании по образованию в июне 1994 г. В свете этой политики в «Закон об образовании» было включено положение, согласно которому *статья расходов на эту сферу выделялась в бюджете отдельной строкой (ст. 55)*. На протяжении многих лет государственные ассигнования на образование в КНР были разбросаны по разным бюджетным статьям (так, были разъединены расходы управленческие и на капитальное строительство учебных заведений) и, следовательно, распределялись между различными ведомствами. Более того, управленческие расходы (*шизе фэй*) на образование при составлении сметы бюджетов разных уровней первоначально *утверждались в общем разделе «социальная сфера, культура и образование»* который касался культуры, науки, образования, здравоохранения и социального обеспечения⁴. И только в дальнейшем финансовые органы выделяли доли управленческих расходов непосредственно на образование. В результате органы образования не только практически не участвовали в формировании бюджета, но даже не знали точных сроков, когда до них дойдут отпущенные средства, часто они вообще не приходили по назначению, растворяясь в других бюджетных статьях. Реформа 1980-1990х годов предполагала, что финансовые

ведомства закладывают расходы на образование отдельной строкой уже на стадии составления проекта бюджета. На практике, однако, межведомственные барьеры (между Министерством образования КНР и другими министерствами и ведомствами, в подчинении которых находятся средние специальные и высшие учебные заведения) вплоть до конца 90х гг. не давали возможности реализовать данный принцип по всем провинциям.

В связи с развитием в Китае системы многоканального финансирования, а также *пересмотром общего концептуального подхода к доходной и расходной частям бюджета* с начала 1990-х гг. «бюджетные» расходы на образование были переименованы в «государственные финансовые» (*гоцзя цайчжэнсин*) ассигнования. При этом число показателей было расширено по сравнению с международными критериями на 3 пункта (новые критерии официально были включены в «Программу» и в «Закон об образовании»). Таким образом, начиная с 1993 г. государственные расходы на образование в КНР состоят из нескольких составляющих: а) бюджетных расходных статей, б) налогового сбора на образование (*фэй фуцзя*), в) средств, выделяемых государственными предприятиями на строительство школ, г) средств, генерируемых благодаря снижению налогов либо освобождению от них пришкольных предприятий.

Обратимся к анализу *тенденций бюджетных расходов* на образование. Провозглашенная в 1990-х гг. приоритетность сферы образования, его стратегическое место в общественном развитии вызвали необходимость выработать определенные социально-экономические гарантии. Они были четко обозначены с помощью принятых в мире макроэкономических показателей, а именно: *фиксированной доли бюджетных расходов на образование в ВВП и доли ассигнований на образование в расходной части бюджета*. По этим показателям, а также по такому распространенному критерию, как доля ассигнований на образование в национальном доходе, Китай в последней четверти XX в. находился на 10 месте от конца среди более чем 140 стран мира (например в 1979 г. в США и СССР последний индикатор составлял около 7%, а в Китае - менее 3%).

Оптимальная доля бюджетных расходов на образование в ВВП в размере 4% была рассчитана в Китае еще в конце 1980-х гг., а ее официальное установление в качестве конкретной цели на 2000 г.⁵ имело громадное значение. Однако вплоть до 1998 г. не удалось не только достичь намеченного показателя, но и, более того, он даже понизился по сравнению с началом десятилетия - с 2,85 до 2,55%.

На протяжении всей истории КНР вплоть до 1980 г. на достаточно низком уровне, не отвечающем внутренним потребностям страны и международным критериям (17-18%), держался удельный вес расходов на образование в бюджете страны: в среднем 7-8 %, лишь в отдельные годы он достигал 9% (накануне реформ в конце 1970-х гг. он не превышал 5-6%). Перелом начался с 1980 г. и в течение десятилетия этот показатель удалось повысить до 14,79 %. В 1989 г.⁶ Успех в значительной мере объяснялся тем, что в государственные ассигнования на образование были включены внебюджетные средства, но если рассчитывать показатель удельного веса только по сумме бюджетных ассигнований, то цифры получатся гораздо скромнее. 15%-й показатель доли бюджетных расходов на образование на 8 пятилетку (1991-1995) был официально зафиксирован в «Программе» 1993 г. и начал успешно воплощаться в жизнь, немало превысив в 1996 г. намеченный рубеж.

Однако Китаю не удалось сохранить наметившуюся тенденцию в следующие годы: в 1998 г. этот показатель был на 0,31% ниже отметки предыдущего года, а в 1997 г. - на 0,56% ниже 1996 г.⁷ В качестве основной причины снижения этого показателя официально называлось развертывание в 1997 г.

программы помощи бедным регионам, которая отвлекла часть средств во внебюджетные фонды. Эта тенденция явилась отражением более широкого процесса - уже с 1978 г. значительная часть бюджетных доходов КНР стала поступать не в государственный бюджет, а во внебюджетные фонды, что, соответственно, постепенно снизило удельный вес доходов в ВВП (с 32,2% в 1978 г. до 11% в 1997 гг.)⁸. Это, в свою очередь, сдерживало рост основного источника вложений в образование - средств из государственного бюджета. Усугубило ситуацию и отсутствие своевременной реструктуризации расходной части бюджетов Центра и провинций.

Совершенствованию механизма государственного финансирования системы образования должно было содействовать включение в «Программу» и в «Закон об образовании» требования повышения расходов на образование, *темпами, опережающими экономический рост*. Государственным комитетом КНР по образованию совместно с другими ведомствами были разработаны *индикаторы*, позволяющие контролировать динамику процесса. Это так называемые «*три возрастания*»: 1) превышение темпов роста вложений в образование над темпами роста регулярных доходов государства на уровне центральных и местных правительств, 2) рост расходов на 1 учащегося, 3) рост организационно-хозяйственных образовательных расходов на 1 учащегося и зарплаты учителей («Закон об образовании», ст. 55).

Твердо проводимый правительством КНР и закреплённый законодательно курс на приоритетное финансирование образования, а также расширение финансовых источников ассигнований вели к ускорению темпов ежегодного роста государственных ассигнований на образование. Если в 1978-1986 гг. в среднем они составляли 13,8 %⁹, то в 1985-1993 гг. - 15,3%¹⁰; а в 8-ю пятилетку (1991-1995) вслед за принятием курса на ускорение реформ и активизацию финансирования на местах эти темпы возросли до 20 % в год¹¹, значительно превышая средние в мире (10,5%). Однако резкий рост образовательных запросов населения, усиливший давление на бюджет, а главное - трудности, которые начали испытывать местные бюджеты во второй половине 1990 г. в связи с уменьшением доли налоговых поступлений, привели к нестабильности темпов роста государственных ассигнований на образование (18% - в 1996, 11 - в 1997 и 15,3% - в 1998 г.). В итоге в 1995 г. 16, а в 1996 г. уже 21 провинция (из 29) не смогли осуществить «три возрастания».

Вышеприведенные данные свидетельствуют о том, что, несмотря на реструктуризацию бюджета, которая содействовала высоким темпам роста государственных вложений в образование, во второй половине 1990-х гг. они продолжали «серьезно отставать от экономического и социального развития»¹². Одной из серьезнейших причин этого явилась недооценка правительствами разных уровней приоритетности развития этой сферы, результатом чего стало достаточно типичное для стран переходного периода неисполнение многих законодательных положений, которые гарантируют показатели роста ассигнований на образование, а иногда использование этих ассигнований не по назначению. Подтверждением этому служит нехватка ассигнований на образование даже в бюджетах благополучных приморских провинций.

Сопоставляя ускорение темпов роста государственных вложений в образование, с одной стороны, и снижение основных показателей финансового обеспечения образования - с другой, на протяжении второй половины 1990-х годов, мы приходим к выводу, что причины этого явления следует искать в общих тенденциях экономической реформы - в частности, в бюджетной и налоговой сферах. Так, при реструктурировании в последнее десятилетие системы налогов и доходов своевременно не были предприняты меры, которые позволили бы гарантировать основные вложения в образование. Во второй поло-

вине 1990-х гг. правительства разных уровней ежегодно получали сверхприбыли либо внебюджетные доходы, но при распределении их сфера образования не учитывалась. Вот почему при подведении итогов года удельный вес государственных ассигнований на образование не только не рос, но, напротив, сокращался.

Еще одним важным принципом организационно-экономического реформирования образования является реструктуризация действующих потоков финансовых средств - она направлена на более эффективное их использование. В связи с этим потребовалось *изменить пропорциональное соотношение бюджетных ассигнований на различные ступени обучения*. В начале 1980-х гг. китайское руководство пересмотрело стратегические приоритеты и как первостепенную задачу выделило введение всеобщего неполного среднего образования, а в 1986 г. законодательно закрепило обязательность и бесплатность девятилетнего базового обучения. Необходимость увеличения вложений в базовое образование диктовалась как низкими расходами на одного учащегося, так и перспективами резкого увеличения количества учащихся на этой ступени к 2000 г. по отношению к 1993 г.: на 25 % на ступени неполной средней школы и на 13 % (т.е. до 140 млн. человек) в начальной школе. По предварительным расчетам влиятельного Шанхайского НИИ развития интеллектуальных ресурсов, проведенным в 1995 г., для введения обязательного девятилетнего образования государство должно отчислять на его нужды не менее 60% всех средств, выделяемых им на образование¹³. Однако перераспределение финансовых потоков было связано с немалыми трудностями. Прежде всего - это нехватка средств на все ступени образования. Расширить ассигнования на базовое образование можно было двумя путями: либо направлять ежегодный прирост бюджетных поступлений преимущественно на эту ступень школы, либо перераспределять финансовые потоки. КНР совместила оба пути.

Перераспределение финансовых потоков в сферу базового образования означало прежде всего сокращение государственных поступлений в высшую школу. Если в начале реформ удельный вес расходов на высшую школу в общих бюджетных расходах на образование составлял 23-24%, что было выше, чем в развитых и развивающихся странах мира на тот период, то уже к началу 1990-х гг. этот показатель снизился до 21%, а в 1996 г. - до 19%¹⁴. Однако в провинциальных бюджетах он оставался высоким - 33,52 %¹⁵, что неудивительно, так как именно они несли не менее половины расходов на высшую школу.

В результате этой политики, а также увеличения ассигнований на базовое образование Китаю уже к началу 1990-х гг. удалось повысить удельный вес вложений в эту ступень школы почти до рассчитанного учеными уровня - 58%. Однако сохранить эти показатели из-за трудностей, испытываемых местными бюджетами, во второй половине указанного десятилетия не только не удалось, они даже опасно снизились до 51%. Непропорционально малыми оставались финансовые средства, получаемые от государства сельскими школами: хотя в 1995 г. в неполных сельских школах обучалось 57% всех учеников этой ступени, туда направлялось 29,6% ассигнований, предназначенных неполным школам страны, а в начальные сельские школы (70,5% всех учеников этой ступени) - 48% средств, выделенных государством на начальное образование¹⁶.

Увеличить расходы на базовое образование только лишь одними государственными вложениями не удалось также и в силу того, что нагрузка на местные бюджеты недостаточно компенсировалась вновь разработанной системой дотаций и трансфертов из специальных фондов Центра и провинций. Несмотря на то, что после налоговой реформы 1994 г. удельный вес доходов центрального бюджета в общегосударственных доходах возрос до 60%, сумма специальных дотаций центрального правительства на распространение обязатель-

ного образования оставалась ничтожно мала. В 1996 г., например, их доля не превысила 0,04% бюджетных расходов правительств всех уровней на эту ступень образования¹⁷. Удельный вес вложений правительств провинций в обязательное образование тоже оставался небольшим, и это несмотря на то, что их бюджеты занимали к тому времени солидную долю в общекитайском бюджете. Иными словами, просматривалась явная тенденция - перекалывание расходов по базовому образованию на местное обеспечение, что свидетельствовало о слабом макрорегулировании со стороны государства.

В 1998 г. вновь созданное Министерство образования КНР внесло ряд принципиально новых предложений с целью усилить роль государства, прежде всего верхних эшелонов власти - центрального и провинциального правительств - в финансировании базового образования. Речь шла о необходимости постепенного перехода от этапа поощрения государством политики «народное образование создается народом» (активизация сбора средств с населения в 1990-е гг. не дала ожидаемых результатов) к новому этапу, на котором *правительства всех уровней снова становились главными инвесторами обязательного образования*. Если в первой половине 1990-х гг. под влиянием децентрализации *доля ассигнований на образование из центрального бюджета в консолидированном бюджете* демонстрировала тенденцию к уменьшению (с 13,77 в 1990 г. до 12,8% в 1993 г.), то затем, по мере замедления темпов роста вложений в образование из местных бюджетов и в результате налоговой реформы, уже с 1995 г. она начала медленно расти (13,06%).

Следующим шагом усиления роли центра в макрофинансировании стало зафиксированное в принятом в 1999 г. «Решении ЦК КПК и Госсовета КНР относительно углубления реформы образования и всестороннего продвижения вперед воспитания качественных характеристик» положение о том, что, начиная с 1998 г., доля отчислений на образование из центрального бюджета в течение последующих 5 лет ежегодно должна возрастать на 1 %¹⁸, а из провинциальных бюджетов - на 2%. Во имя достижения этой цели уже в 1998 г. отчисления на образование и науку из центрального бюджета, включенные в 8 важнейших направлений развития страны, выросли соответственно на 37% и 27,9%¹⁹ (из выступления Министра финансов Сян Хуаньчэна на 2-й сессии ВСНП 9-го созыва), а в 1999 г. - еще на 21,4%.

В соответствии с новой политикой в городах и поселках КНР рекомендовалось *постепенно* снова начать учитывать планы строительства начальных и средних школ в общих планах капитального строительства, а управленческие расходы этих учебных заведений включать в бюджеты местных правительств. В результате в конце десятилетия обозначился рост государственных ассигнований на 1 ученика: в 1998 г. по сравнению с предыдущим годом они увеличились в начальной школе на 11,08%, а в неполной средней - на 3,26%, а полной средней - на 8,04%²⁰.

Сдерживание расходов на финансирование базового образования в 1990-е гг. в значительной степени объяснялось и мощной поддержкой правительством КНР профессионального обучения. На протяжении этого десятилетия изменилось соотношение ассигнований, направляемых из бюджета на развитие общеобразовательных и профессиональных средних учебных заведений: сократился удельный вес вложений в первые, зато в 4 раза возрос - во вторые. В середине 1990-х гг. удельный вес *бюджетных расходов на среднее профессиональное образование* (средние специальные учебные заведения, техникумы и профессиональные средние школы) составлял 52,8% всех расходов на эту ступень обучения²¹. В ближайшей перспективе финансирование профессионально-технического образования, как и образования для взрослых, предполагается передать с государственного бюджета учредителям и пользователям,

оставив за государством лишь некоторую их финансовую поддержку и поощрение. Подобная политика также может способствовать увеличению вложений в базовое образование.

В целом решение проблемы диспропорций в финансировании различных ступеней школы заключено в активном использовании бюджетных и внебюджетных источников на местах, совершенствовании системы централизованных целевых фондов, а также в разделении финансовой ответственности между поставщиками и потребителями образовательных услуг на ступени образования сверх обязательного.

Новые резервы внебюджетного финансирования. Вопрос о механизмах и нормативах участия в финансировании основных субъектов общества оказался одним из наиболее сложных в ходе организационно-финансовой реформы в Китае. В результате обобщения опыта реформ, в «Законе об образовании» обозначено шесть главных источников финансирования: 1) бюджетные ассигнования как основа, 2) дополнительный сбор (налог) на образование, 3) доходы от пришкольных предприятий, 4) коллективные взносы и пожертвования в помощь школам от населения, 5) учебные и текущие взносы учащихся, 6) образовательные фонды, созданные благодаря пожертвованиям частных инвесторов либо международных организаций.

Два десятилетия реформ продемонстрировали как сильные, так и слабые стороны внебюджетного финансирования, его мощный потенциал и его ограниченность. Сбор местными правительствами дополнительных средств (а фактически - налога) на нужды учебных заведений начался с 1985 г. в сельских районах, а с 1986 г. производился и в городах, где его осуществляли налоговые службы. Не случайно, что повсеместное введение этого налога совпало с началом исполнения Закона об обязательном образовании, который сделал обучение на данной ступени бесплатным (в связи с тем, что ранее бесплатность обучения нигде не декларировалась, местные власти под видом разнообразных взносов фактически взимали плату за обучение). Наиболее важной характеристикой этого налогового сбора является то, что он может использоваться исключительно на нужды данного региона и преимущественно базового образования. Первоначально установленный размер сбора в объеме 1% от общей суммы налогов на добавленную стоимость, на производство и на потребление, вслед за ростом доходов населения был повышен к 1994 г. до 3%. В сельской местности данный налог составляет 1,5-2% от чистого подушевого дохода крестьян в каждом истекшем году и собирается уездными и волостными правительствами. Стабильный рост дополнительных сборов на образование к середине 1990-х гг., связанный с развитием производства и повышением уровня жизни населения в КНР, привел к тому, что они стали вторым по значимости (после бюджетных статей) источником государственных ассигнований на образование. Согласно официальным китайским данным, в 1996 и 1997 гг. собранная сумма этого налогового сбора выросла по сравнению с 1990 г., соответственно, в 3 и 4 раза²². Помимо общенационального, в 1990-е гг. был введен местный налог на образование, решение о сборе которого и его размер определялись провинциями.

Тем не менее, несмотря на повышение уровня жизни и традиционно высокий престиж образования в обществе, вплоть до конца 90-х гг. в целом по стране не удалось достичь намеченных правительством КНР показателей: сумма собранного налогового сбора на образование в городах во второй половине 1990-х гг. не превысила 70% от расчетной, а на селе - 60% (из интервью автора с начальником отдела Министерства образования КНР Ван Маогэнем, Москва, март 2000г.), составив всего 0,87 % от подушевого дохода крестьян вместо положенных 1,5-2%²³. Основной причиной нереализованности этих фи-

нансовых поступлений явилась неэффективность реальной политики сбора образовательного налога. В то же время эти данные говорят о том, что более полное использование этого финансового ресурса может способствовать дальнейшему увеличению его доли в общем объеме государственных вложений в образование. В связи с этим правительство КНР планирует, совершенствуя налоговую систему, в новом столетии постепенно перевести дополнительный сбор на образование в регулярный налог.

Реализация принципов рыночного регулирования предполагает и существенную активизацию деятельности самой образовательной системы, включение рычагов ее саморазвития, что невозможно было сделать без адекватного расширения экономических возможностей и хозяйственной самостоятельности учебных заведений. Необходимым условием этого стала реализация всеми образовательными организациями закрепленного в «Законе об образовании» статуса юридического лица (прежде всего введение собственных расчетных и бюджетных счетов). Для учебных заведений одной из основных форм получения внебюджетных поступлений стало предоставление ими платных образовательных и иных, предусмотренных уставом школы или вуза, услуг, платное использование услуг образовательной инфраструктуры, не относящихся непосредственно к образовательному процессу. При этом учитывалось, что образовательные учреждения отнесены законами КНР к категории некоммерческих организаций, приравненных по льготам к бюджетным (государственным) организациям.

Существенным источником пополнения государственного бюджета на образование стали доходы от пришкольных предприятий. Они резко возросли благодаря новой налоговой системе, обеспечившей им льготы либо освобождение от налогов на ту часть продукции, доходы от которой поступают в учебные заведения. Имеющие длительную (начиная с «большого скачка» 1958 г.) и сложную историю пришкольные предприятия в КНР на протяжении десятилетий меняли свое предназначение - от идеологического перевоспитания учащихся до обеспечения самокупаемости учебных заведений (либо выполняли обе функции одновременно). В ходе реформы эти цеха (заводики) и фермы не потеряли своего воспитательного значения, но при этом официально рассматриваются как «эффективная мера восполнения недостающих вложений в образование»²⁴. С 1980-х гг. пришкольные предприятия перестали использовать фактически бесплатный труд студентов и школьников (хотя последние по-прежнему проходили там трудовую практику несколько недель в году), наняли квалифицированных рабочих и многие стали рентабельными. С 1981 по 1985 гг. пришкольные предприятия и вновь созданные сервисные службы школ и вузов перечислили учебным заведениям более половины полученного ими дохода²⁵. Большая часть этих средств использовалась на дотации к зарплате преподавателям. С 1992 г. благодаря освобождению продукции предприятий от одних налогов, снижению других, а также введению там системы оборотного капитала деятельность пришкольных предприятий значительно активизировалась, а доходность возросла. Начавшаяся с 1994 г. налоговая реформа, предусматривавшая переход к упрощенному налогообложению для предприятий, привела к дальнейшему возрастанию и общей суммы отчислений пришкольных предприятий на нужды образования. В 1998 г. она возросла почти втрое по сравнению с началом десятилетия. Вместе с тем после 1995 г. бюджетные ассигнования на образование стали опережать вложение доходов от пришкольных предприятий в эту сферу, и одной из серьезных причин подобной ситуации явилось то, что, по признанию китайских источников, к концу столетия застопорилось внедрение в практику льготного налогообложения²⁶.

Важным источником внебюджетных поступлений в образование явились коллективные взносы (цзицзы) населения. Они успешно собирались в

сельских районах Китая, где было сосредоточено около 80% всех учащихся, на протяжении нескольких десятилетий и до реформ. Официально они считались добровольными, разовыми и целевыми, то есть, как правило, собирались прежде всего на строительство и ремонт школ (в частности, аварийных помещений), закупку оборудования. Повышение материального благосостояния крестьянства в ходе реформ и появление зажиточных дворов активизировали этот источник финансирования. Только в 1981-91 гг. собиралось до 10 млрд. юаней ежегодно, благодаря чему на селе было заново отстроено 275 млн. кв. м школьных помещений, отремонтировано 160 млн. кв. м., а доля аварийных школьных помещений сократилась с 15,9 до 1,6%²⁷. Однако нередко добровольность данных взносов была формальной, кроме того местные власти проявляли излишнее рвение в поборах, поэтому после принятия Госсоветом КНР в 1993 г. решения об упорядочении сборов средств с населения во многих районах страны вообще отказались от пожертвований на развитие образования.

В ходе организационно-финансовой реформы системы образования правительство КНР пошло по пути других стран Восточной Азии, демонстрировавших все возрастающую роль родителей и местных коммьюнити в финансировании образования²⁸. С 1980-х гг. в Китае начался постепенный переход к разделению расходов по себестоимости обучения, причем не только между центром и местами, но также между государством и гражданами-потребителями образовательных услуг. Иными словами, встал вопрос о возмещении части расходов на обучение самими учащимися (или их семьями). Ситуация не была для Китая принципиально новой. В дореформенный период государство полностью несло расходы по обучению студентов всех вузов, а также выплачивало им государственные стипендии, но обучение на других ступенях школы оставалось фактически платным. С началом реформ правительство пересмотрело свою прежнюю политику и законодательно установило бесплатность обязательного базового образования. В отношении остальных ступеней школы государство со второй половины 1980-х гг. активизировало использование финансовых поступлений за счет такого источника, как учебные и текущие взносы. Новая политика стала возможной прежде всего благодаря повышению материального благосостояния населения. Так, в 1987 г. в бюджете семьи (двора) на образование расходовалось 2,12% доходов, а в 1995 г., согласно выборочному обследованию Статистического управления КНР, уже 4,97%²⁹. В тех регионах, где раньше других сформировался рынок образовательных услуг, появление дифференцированного спроса на эти услуги явилось основным рычагом дальнейшего развития потребительского образовательного рынка (в частности, по выборочному опросу в Гуанчжоу, две трети родителей готовы выложить на образование детей от 10 до 20% годового семейного дохода).

Введение платности обучения коснулось прежде всего высшего и среднего профессионального образования. К середине 1990-х гг. число студентов, принятых сверх государственного плана, обучение которых не оплачивалось государством, резко возросло по сравнению с начальным периодом реформ - с 829 человек в 1987 г. до 13,5 тыс. в 1994 г., составляя по некоторым специальностям до половины всех обучающихся³⁰. В Китае, как и в России, платежеспособный спрос касался высшего профессионального образования в области экономики, права, менеджмента и иностранных языков. Параллельно расширению квоты студентов, обучающихся за свой счет либо на контрактной основе, вузы Китая совершали переход от бесплатного государственного обучения (куда, кроме самого учебного процесса входило предоставление общежитий, медицинское обслуживание) студентов, принятых по государственному заказу, к фактически полностью платному.

Одним из первых шагов в этом направлении было решение правительства КНР в 1987 г. отказаться от фактически всеохватной системы стипендий-пособий и перейти на поощрительные стипендии. С 1994 г. началась реформа, касающаяся набора в вузы и устройства на работу выпускников. Суть ее заключалась в том, что государство постепенно слагало с себя ответственность за их распределение. Было рассчитано до конца столетия постепенно перевести регулярное вузовское образование в платное (действительные темпы оказались медленнее: в 1998 г. на новую систему перешли около 50 % всех вузов страны). По расчетам некоторых экономистов, доля платы за обучение от его себестоимости в вузах Китая должна составлять 20-25% (для принятых сверх государственного заказа - 50-80%). В 1997-1998 гг. плата за обучение по государственному плану в среднем составляла примерно 1,5-2 тыс. юаней в год на одного студента (всего 4-летний курс бакалавриата оценивался примерно в 6 тыс. американских долларов, включая плату за обучение, общежитие, разнообразные текущие взносы). При среднем годовом доходе 5425 юаней на душу населения в городе и 2162 юаней на селе годовая плата за обучение в вузе составляла треть доходов семьи со средним уровнем жизни и почти годовой доход нуждающихся семей (по данным Министерства просвещения КНР, к ним относилось более 20% студентов). Исходя из реальной экономической ситуации и с целью поддержать принцип равных шансов на образование, китайское правительство одновременно с переходом к платному обучению в вузах начало вводить гибкую систему, сочетающую целевые гранты (в частности, студентам педвузов), поощрительные стипендии наиболее одаренным и - с 1993 г. - беспроцентные займы наиболее нуждающимся (срок погашения - четыре года после окончания вуза). С помощью займов правительство стимулирует и распределение кадров - займы списываются с выпускников, которые отработают определенный срок в отдаленных районах.

Предварительные итоги организационно-финансовой реформы.

Основные принципы, на которых строились управленческая и финансовая реформы образования в Китае в последние два десятилетия - децентрализация административно-финансовых прав, регулирование бюджетных расходов, реструктуризация финансовых потоков, активизация многоканального финансирования, разделение расходов по себестоимости обучения и, наконец, обеспечение хозяйственной и финансовой самостоятельности учебных заведений - соответствовали мировым тенденциям. Главным итогом реформы стала активизация роли правительств всех уровней, а также общественности и населения в развитии образования, что способствовало совершенствованию финансового и материально-технического обеспечения школ и вузов. В то же время децентрализация управления и финансирования образования последних двух десятилетий подтвердила вывод, к которому пришли во многих странах. Он заключается в том, что ни децентрализация образования, ни его демократизация вовсе не обязательно означают ослабление роли государства. Более того, многие педагоги-теоретики в разных странах мира склоняются к тому, что в период перехода к постиндустриальному обществу активизируется роль центрального правительства, что и произошло в КНР на пороге XXI века.

Ориентированное на рынок перераспределение источников финансирования, увеличение различных взносов за обучение, поощрение частного образования, коммерциализация интеллектуальной собственности, сокращение государственного обеспечения образования свидетельствуют о явных рыночных тенденциях в этой сфере. В целом реформа содействовала вхождению образования в рыночную экономику, а именно: повышению конкурентоспособности учебных заведений, установлению рыночных отношений между поставщиком образовательных услуг и их потребителем и формированию свободного рынка

рабочей силы. В то же время практика последних двух десятилетий показала, что правительство КНР оказалось не в состоянии заставить работать регуляционные механизмы, которые позволили бы защитить систему образования от негативных последствий вторжения рынка (это проявилось, в частности, в несвоевременной выплате заработной платы учителям и снижении доли расходов на коммунальные платежи, а также в дифференциации образовательных шансов).

В ходе реформы наметилась тенденция к изменению соотношения государственных и негосударственных инвестиций в сферу образования в сторону сокращения первых: с 84,5% в 1991 до 69% в 1998 г.³¹, более, чем на 15%. Иными словами, достигнутое в Китае в 1990-е гг. соотношение государственных и внебюджетных ассигнований на образование приблизительно соответствовало ситуации в странах Центральной Европы и Средней Азии в переходный период³². В то же время практика КНР периода реформ конца XX века доказала, что, хотя многоканальное финансирование может в определенной степени восполнить нехватку государственных ассигнований, но «в силу своей ограниченности» полученные от населения дополнительные средства не могут сыграть решающую роль в финансировании современного образования. Более того, выявились и негативные стороны разделения финансовой ответственности между государством и обществом, а также отдельными потребителями образовательных услуг. Это вызвано тем, что рост материального благосостояния населения отставал от возложенных на него обязательств. Согласно китайской статистике, 30% отсева из школ в 1990-е гг. было связано с повышением взноса за обучение.

Организационно-финансовая реформа в сфере образования в КНР и сегодня не решила многих возникших проблем. К основным трудностям этапа можно отнести следующие: 1) острые противоречия между приоритетностью образования и дефицитом финансовых вложений в него; 2) недостаточная эффективность использования вложенных средств; 3) неотлаженность системы управления финансовыми расходами, а также нереализованность официально заявленного принципа соединения права на принятие решений и права на финансирование.

Руководители Министерства образования КНР считают, что предложенные правительством меры по финансовому обеспечению модернизации образования вплоть до конца 1990-х гг. осуществлялись *не в полном объеме и крайне нестабильно*³³. Помимо характерного для обществ со слабой законодательной системой неисполнения законов, причиной подобного положения может быть достаточно типичное для переходного периода многих стран явление - превышение спроса над предложением. Не решив многих существовавших ранее проблем, организационно-финансовая реформа в сфере образования КНР породила и новые. В частности, к ее негативным последствиям следует отнести усугубившуюся дифференциацию регионов по уровню финансового обеспечения сферы образования. Тем не менее, китайское правительство в целом нашло свой путь организационно-финансовой реформы образования, соответствующий требованиям переходного периода, и предпринимает значительные усилия для его своевременной корректировки.

1. Жэньминь жибао. 1999. 21 июня.
2. Закон об образовании, ст. 46, 83 // Чжунхуа жэньминь гунхэго цзяюй люйцзи (Сборник законов Китайской Народной Республики по образованию). Пекин, 1999.
3. Там же, ст. 53.

4. Кашин В. А. Бюджет и бюджетная система в КНР. М., 1974. С. 72.
5. Мнения Госсовета КНР относительно воплощения в жизнь «Программы реформ и развития образования» // Чжунго жэньминь гунхэго гоуюань гунбао. 1994. №16. С. 726.
6. Чжунго цзяоюй синчжэнсюэ (Администрирование образования в Китае), Пекин, 1996. С. 226.
7. Гуанмин жибао. 1999. 26 ноября.
8. Жэньминь цзяоюй. 1998. № 10. С. 9.
9. Синьхуа. 1987. 21 октября. Заявление зам. председателя Государственного комитета образования КНР в те годы Хэ Дунчана.
10. Цзяоюй яньцзю. 1995. № 2. С. 16.
11. Жэньминь цзяоюй. 1998. № 10. С. 6.
12. Чжунго цзяоюй цзиньфэй няньду фачжэнь баогао (Ежегодный отчет по расходам на образование в Китае). Пекин: Высшая школа, 1997.
13. Цзяоюй яньцзю. 1995. № 2. С. 17.
14. Гуаньюй Чжунго цзяоюй цзиньфэй вэньтидэ хуэйгу юй чжаньван (Взгляд в прошлое и будущее финансирования образования в Китае) // Дэнь Сяопин лилунь чжисяды Чжунго цзяоюй эршинянь. Фучжоу, 1998. С.73.
15. Чжунго цзяоюй няньцзянь. 1991. С. 125.
16. Чжунго цзяоюй сюэкань. 1997. № 4. С. 7.
17. Жэньминь цзяоюй. 1999. № 5. С. 4.
18. Жэньминь цзяоюй. 1999 № 8. С. 7.
19. Жэньминь жибао. 1999. 19 марта.
20. Гуанмин жибао. 1999. 26 ноября.
21. Чжунго цзяоюй сюэкань. 1997. № 6. С. 40.
22. Жэньминь цзяоюй. 1998. № 10. С. 6.
23. Чжунго цзяоюй цзиньфэй няньду фачжэнь баогао, 1998. С. 6.
24. Гуаньюй Чжунго цзяоюй цзиньфэй вэньтидэ хуэйгу юй чжаньван. С. 69.
25. Жэньминь жибао. 1986. 13 апреля.
26. Гуаньюй Чжунго цзяоюй цзиньфэй вэньтидэ хуэйгу юй чжаньван. С. 77.
27. Чжунго цзяоюйсинчжэнсюэ. С. 230.
28. Bray M. Centralization Versus Decentralization in Educational Administration: Regional Issues // Educational Policy. 1991. V. 5. # 4. P. 375.
29. Цзяоюй яньцзю. 1996. № 5. С. 34.
30. Mok K.H. Marketization and Quasi-Marketization: Educational Development in Post-Mao China // International Review of Education. 1997. V. 43. № 5-6. Pp. 547-567.
31. National Report for EFA 2000 Assessment, Ministry of Education PRC. Beijing, 2000. P. 20.
32. Хэйнеманн С. Педагогика. 1995. № 1. С. 23.
33. Жэньминь цзяоюй. 1999. № 5. С. 5.

Военные школы армии Сунь Ятсена и советские советники

© 2001

А. Юркевич

Тема советской помощи в подготовке кадров для гоминьдановской армии в научной литературе обычно раскрывается на примере знаменитой военной школы Хуанпу (Вампу), как неофициально называлась Офицерская школа сухопутных войск Гоминьдана. Она была создана в 1924 г. при непосредственном участии советских советников, организационной и финансовой поддержке СССР и сыграла огромную роль в политических и военных событиях 20-х годов, на десятилетия определивших судьбы Китая. С ней была связана карьера целого ряда крупнейших китайских политических и военных деятелей XX века.¹

Однако советники из России в 1924-1925 гг. работали не только в Хуанпу, но и в ряде военных школ "союзной армии", состоявшей из фактически самостоятельных соединений юньнаньских, гуандунских, гуансийских, хунаньских и хэнаньских генералов, поддерживавших гуанчжоуское правительство Сунь Ятсена. Сведения об этом впервые появились в открытой печати только в 1979 г., в документированном очерке А.И. Картуновой о выдающемся советском военачальнике В.К. Блюхере, который в 1924-1927 гг. возглавлял группу военных советников в Южном Китае². Краткая справка о деятельности советников в войсках южнокитайских генералов представлена в другой книге А.И.Картуновой, вышедшей в 2000 г.³ Между тем эта сторона советской активности в Китае, оставленная почти без внимания несколькими поколениями исследователей⁴, позволяет во многом уточнить контуры советской военной политики на юге Китая в 20-е годы, а также направления и тенденции военного строительства Гоминьдана в судьбоносный для этой партии период.

Стратегия и политика Москвы в отношении строительства военной учебной системы и армии Гоминьдана, планы и представления различных сил и течений в самом Гоминьдане на данный счет - это отдельная большая тема, требующая серьезных исследований. Однако имеющиеся источники уже сейчас позволяют различить по крайней мере две основные тенденции в подходах к созданию системы подготовки гоминьдановских военных кадров. Одна из них определялась политическими установками ВКП(б) и Коминтерна, а также опытом военной работы в России. Другая вытекала главным образом из про-

---

Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН.

граммных положений Гоминьдана и политических настроений преданных Гоминьдану китайских офицеров.

В китайских работах о военной школе Хуанпу она определяется как "центр" (*чжунсинь*) революционных вооруженных сил, а подготовленные в ней офицеры - как "костяк" (*гугань*). Как представляется, идея создания кадрового "костяка" армии имеет советское происхождение⁶. Внешне незначительные понятийные различия в данном случае имеют конкретный идеологический и политико-стратегический смысл.

Ценностное значение "центра" как основы и истока любой структуры органично китайскому традиционному менталитету. Понятие "центра-ядра" подразумевают некую компактную сердцевину, цельную и организованную, которая структурирует собственную периферию. В условиях политической раздробленности Китая первой половины XX в. шансы на государственное "собрание" китайских земель имели только такие силы, которые сумели бы создать политическое, военное и идеологическое "ядро" новой государственности. Волею судеб наиболее последовательно идею создания "центра-ядра" гоминьдановской "партийной армии" на основе военной школы Хуанпу отстаивал Чан Кайши и стоявшие за ним политические силы.

В планах советской стороны, влияние которой сказалось и на политической фразеологии Гоминьдана, акцентировалось значение школы как кузницы индоктринированных кадров, которые должны были стать "кадровым костяком" вооруженных сил Гоминьдана. В Красной Армии, централизованно организовывавшейся с самого начала, командный "костяк" обеспечил уверенное руководство политически инертной массой рядовых красноармейцев, а подчинение партизанской вольницы также осуществлялось прежде всего за счет внедрения в нее надежного командирско-комиссарского "костяка".

Разумеется, нельзя противопоставлять идеи "ядра" и "костяка" как антагонистические. Как отмечалось выше, речь идет о тенденциях во взглядах на военное строительство и об акцентах в его практике. Эти тенденции, которые более или менее явно проявлялись в конкретных планах, заявлениях, рекомендациях, предлагавшихся способах решения одних и тех же проблем, не только противостояли друг другу, но и пересекались и взаимодействовали.

В документах южнокитайской группы советских военных советников часто встречается слово "проникновение". "Наше проникновение" в войска "союзной армии" было задачей номер один для советников. "Проникновение" советских советников в части милитаристов должно было проложить путь туда "нашей партии", как именовалась тогда КПК в закрытых советских документах, через индоктринированные военные кадры⁶. Но поскольку орудием грядущей социалистической революции должен был стать "полевевший" Гоминьдан⁷, то работа военных советников была нацелена на расширение влияния центральных органов Гоминьдана и его правительства в войсках милитаристов Созидательной деятельности "костяка" могла предшествовать его разрушительная активность, нацеленная на разложение ненадежных формирований, которые затем следовало реорганизовывать, опираясь на "костяк"⁸. Агентов влияния можно было готовить в любой военной школе, над которой удалось бы установить контроль со стороны структур Гоминьдана, где начали активно работать коммунисты. Поэтому и попытки "проникновения" в войска милитаристов начались с их военных школ.

Документы южнокитайской группы советников, хранящиеся в фондах Российского государственного архива социальной и политической истории (РГАСПИ), свидетельствуют, что первоначально школа Хуанпу была лишь одним, хотя и важнейшим из альтернативных вариантов в ряду предположительно эффективных мер воздействия советских советников на военно-

политическую ситуацию в Гуандуне. Пример ее успешной работы, как, видимо, и ожидалось, послужил стимулом к созданию "союзными" милитаристами аналогичных учебных заведений или реформированию имевшихся при содействии русских советников⁹. Так, из четырех советников, начинавших работу в школе Хуанпу весной 1924 г., после октября были оставлены двое - В.Я. Поляк и А.И. Черепанов, причем Черепанова намечалось "при первой возможности" перевести в Хунаньскую школу¹⁰. Отмечая потребность южной группы советников в кадрах, начальник штаба военного отдела южнокитайской группы советников П. Нилов, руководивший военными советниками после трагической гибели главного военного советника П.А. Павлова в июле 1924 г., в докладе военному атташе полпредства в Пекине Геккеру писал, что для работы в военных школах требуется еще не менее девяти человек - по два на каждую из шести (Юньнаньскую, Кантонскую, Хунаньскую, Гуансийскую, Хуанпу и школу жандармерии генерала У Течэна), с учетом того, что инструкторы Поляк, Терешатов и Герман тогда уже работали в школах¹¹. Судя по содержанию, доклад был подготовлен в августе-сентябре 1924 г.

"Через военные школы, - писал П. Нилов, - руководимые из одного учебного центра - инспекции военно-учебных заведений при условии, что в каждой школе будут наши инструктора, мы получаем возможность влиять на подготовку всей армии. Новые офицеры явятся в армии с несколько иными взглядами, так как в школе они получили и получают (так в тексте. - А.Ю.) соответствующую политическую подготовку"¹².

Вопрос "о введении единства в деле воспитания и преподавания командного состава (так в тексте документа. - А.Ю.) всех союзных армий" был поставлен перед руководством Гоминьдана еще П.А. Павловым. По его инициативе на первом заседании Совета обороны в июне 1924 г. была создана Комиссия по выработке схемы организации и плана работы инспекции военно-учебных заведений во главе с начальником школы Хуанпу Чан Кайши, советником при нем должен был стать сам Павлов. После его гибели работа комиссии остановилась. В июле или августе руководство группы советников приняло меры к возобновлению деятельности этого органа. Советником при Чан Кайши в комиссии стал Айтыкин (Браиловский), его замещал В.Я. Поляк, который работал в Офицерской школе сухопутных войск Гоминьдана и по службе имел возможность часто контактировать с ее начальником. Поляк получил от руководства группы инструкции по поводу деятельности комиссии. Согласно этим указаниям, комиссия прежде всего должна была выполнять функции инспекции военно-учебных заведений, объединять главным образом их учебную работу. При этом рекомендовалось очень осторожно подходить к вопросу административно-хозяйственного подчинения школ. Проблема усматривалась в том, что комиссия все равно не сможет оказать финансовую помощь всем, кто за ней обратится, а из-за нежелания подчиняться центру в административно-хозяйственной сфере "союзные" командиры будут саботировать работу по унификации учебного процесса. Руководство же учебной деятельностью военных школ должно было заключаться в их периодическом инспектировании членами комиссии или уполномоченными, в выработке общих инструкций и положений, в регулярном проведении совещаний начальников учебной части.

Однако комиссия к выполнению возложенных на нее задач, по существу, так и не приступила. В июле или августе 1924 г. Постоянный комитет ЦИК Гоминьдана принял решение комиссию расформировать, а вместо нее создать постоянную Инспекцию военно-учебных заведений во главе с тройкой, в которую помимо Чан Кайши и Ван Цзинвэя (кроме правительственных постов занимавшего должность комиссара школы Хуанпу) должен был войти советский советник¹³.

Инициативы советников по поводу централизации руководства вооруженными силами, в первую очередь военными школами, вылились также в создание на одном из заседаний Постоянного комитета ЦИК ("Политбюро" по терминологии советских советников), видимо, в августе 1924 г., комиссии по снабжению шести военных учебных заведений - Юньнаньской школы Ян Симиня, школы Хуанпу, Хунаньской, жандармской школы У Течэна, школ при 1-й дивизии Кантонской (Гуандунской) армии, Гуансийской, а также авиации и 1-го полка жандармерии, занятого охраной правительства. В комиссию вошли политический советник правительства М.М.Бородин, генералы Ян Симинь (командующий Юньнаньской армией), Сюй Чунчжи (командующий Кантонской армией), Чан Кайши и Сун Цзывэнь (член ЦИК Гоминьдана, бывший в то время директором Центрального банка), под председательством Сунь Ятсена. Комиссия должна была сосредотачивать и распределять определенные фиксированные суммы. Так как комиссия заведомо не могла заниматься текущей работой по снабжению школ, советники предложили, чтобы в качестве "начальника отдела снабжения" практически ведал снабжением заместитель ее председателя.

Этот проект с помощью Бородина удалось провести через Постоянный комитет ЦИК. Комиссия под председательством Сунь Ятсена была расформирована, а начальник отдела снабжения был подчинен непосредственно генералиссимусу с обязанностью регулярно отчитываться перед Советом обороны. Предполагалось, что при нем "на правах заместителя и советника" должен состоять советский советник ("это легко провести, так как половина сумм будет идти от нас", - замечал по этому поводу П. Нилов в докладе на имя военного атташе¹⁴). В руки начальника Отдела снабжения Совета обороны ежемесячно должны были поступать 100 тыс. долларов (видимо, гуандунских). 30 тыс. из этой суммы предполагалось направлять на школу Хуанпу; остальные школы, в том числе авиации и жандармерии, предполагалось финансировать в незначительных размерах. Зато Отдел снабжения, по плану советников, обязывался учитывать поступления на содержание школ "от поддерживающих генералов", а в будущем эти суммы должны были поступать в школы через органы централизованного снабжения¹⁵. Но и эти два плана - относительно учета и тем более централизованной передачи средств, расходуемых генералами на "свои" школы, - оказались чрезмерно оптимистичными.

Тем не менее работа в школах "союзных" генералов в 1924 г. рассматривалась советской стороной как задача, по важности вполне сопоставимая с организацией собственно правительственной военной школы. Из основных военных группировок, поддерживавших Сунь Ятсена, в помощи по созданию военного заведения "из-за нехватки сил"¹⁶ было отказано только Хэнаньской армии Фан Тунсо. Малочисленная (весной 1924 г. - около 7 400 человек, к 1 декабря - около 3 тыс.), она целиком содержалась на средства правительства¹⁷, что предопределяло ее преданность, и не могла серьезно влиять на расстановку военно-политических сил в Гуандуне. Внимание советских советников целиком поглощали более крупные и влиятельные военные группировки.

"Союзная армия", призвавшая Сунь Ятсена в Гуанчжоу в январе 1923 г., была довольно аморфным формированием, состоявшим из нескольких провинциальных объединений, внутри которых тоже не было абсолютного единения. Самым мощным и организованным из них (18-22 тыс. штыков) была Юньнаньская армия, лидером которой считался Ян Симинь.

Юньнаньская военная школа, по обыкновению милитаристских войск того времени, подчинялась непосредственно главному - генералу Ян Симиню. Но фактически ее возглавлял помощник начальника школы по учебной части в звании полковника (его имя документ передает в приблизительной транскрип-

ции - "Чао Ти-ву", возможно, Чао Тиу). История школы в 1924 г. насчитывала уже 13 лет. Таким образом, она не создавалась заново по примеру Хуанпу, как в других соединениях, а существовала и прежде. По состоянию на 4 ноября 1924 г. в школе было 550 курсантов, разделенных на шесть рот. Командиры взводов и отделений назначались из состава курсантов. Две трети их были младшими офицерами юньнаньской армии, не имевшими военного образования, треть - солдатами и унтер-офицерами по преимуществу с писарских должностей. Половину обучаемых составляли уроженцы Юньнани, остальные были выходцами из разных провинций Юга, Юго-Запада и Юго-Востока. Общая численность личного состава школы вместе с командирами и персоналом составляла 717 человек. Обучение продолжалось восемь месяцев. В 1924 г. в школе учились два набора: 1-я - 4-я роты поступили в феврале, 5-я и 6-я в июне или июле. Основная часть учебных пособий представляла собой переводы с японского, строевая подготовка и система обучения тоже были близки к японским образцам¹⁸.

История "проникновения советника" в военную школу Юньнаньской армии началась с того, что при создании Центрального отдела снабжения при Военном совете школе была обещана субсидия при условии отчета во всех средствах, получаемых ею из разных источников. При этом командованию юньнаньцев "косвенно дали понять"¹⁹, что оно должно согласиться принять советников. Сначала советником был назначен Нилов, в октябре его заменил Ф.Г. Мацейлик.

20-21 ноября состоялись маневры школы, по окончании которых 22 ноября состоялся выпуск 350 человек (четыре роты). Две роты 2-го набора продолжали занятия. В декабре был проведен новый набор; почти все курсанты были младшими офицерами из солдат, поэтому для них намечалась более широкая программа обучения. 20 выпускников изъявили желание ехать в СССР для продолжения военного образования. В анонимном и не датированном документе из коллекции РГАСПИ, принадлежащем, видимо, В.К. Блюхеру и относящемся скорее всего к началу 1925 г. (там содержится некоторая информация, отсутствующая в сводке на январь 1925 г.), отмечается, что советские инструкторы почти ежедневно получали подобные заявления²⁰.

"Революционной дисциплины" советник (видимо, Нилов) в Юньнаньской школе не обнаружил. Дисциплина там поддерживалась палочная, "до пинков и резких жестов" по отношению к курсантам. Выше удовлетворительного он оценил только строевую подготовку, тактическую - как неудовлетворительную, а со стрельбой дело обстояло из рук вон плохо - "многие не владеют винтовкой"²¹. Хотя номинально все курсанты и офицеры считались членами Гоминьдана, в школе не было партийной ячейки, не нашлось даже портрета Сунь Ятсена. Эпизодически там вроде бы читали лекции Ляо Чжункай, Ван Цзинвэй и другие лидеры Гоминьдана, но систематической политработы не проводилось. Советник предложил задержать выпуск, намечавшийся на 16 ноября, на две три недели - для прохождения курса политических предметов. Начальник школы против этого не возражал²². Ляо Чжункай прислал лектора, который три с половиной часа в неделю читал лекции по истории революционного движения и революции в Китае, истории партии Гоминьдан, об отношениях империалистических держав и Китая. Разрабатывалась более подробная программа политического обучения. 25 человек изучали русский язык, занятия вел советник Мацейлик по полтора часа три раза в неделю.

Советник пытался активизировать политическую работу в школе, подготовить условия для организации ячейки Гоминьдана. Толчком к ее созданию должны были стать организованные советником экскурсии на советское военно-почтовое судно "Воровский", в октябре 1924 г. стоявшее на рейде у остро-

ва Чанчжоу (Хуанпу), и на сам остров, в Офицерскую школу сухопутных войск Гоминьдана. По инициативе советника в школе был организован клуб. Хотя начальник школы обещал осуществить некоторые из "необходимых улучшений", предложенных советником, "проникнуть к повседневной работе школы вплотную не удалось" (так в тексте. - А.Ю.)²³. Причинами тому были как отсутствие переводчика (сменивший Нилова советник Мацейлик владел только английским языком), так и "некоторая боязнь со стороны начальника школы". В учебно-кадровый полк двухбатальонного состава, сформированный под командованием начальника школы Чжао, судя по всему, по примеру учебного полка Хуанпу, советникам также "проникнуть не удалось"²⁴.

Энтузиазму юньнаньских командиров относительно сотрудничества с советниками, видимо, мало способствовала сумма, выделявшаяся на школу советской стороной: с 13 ноября по 12 декабря школа получила только 2 тыс. кантонских долларов, тогда как месячная смета, представленная советнику, предусматривала расходы в сумме 12 709 долларов 60 центов, плюс 5327 долларов на ноябрьский выпуск²⁵. Неизвестно, были ли выделены ей еще "по крайней мере 4000 долларов", запрошенные для нее руководством группы советников²⁶.

Тем не менее в составленной В.К. Блюхером "Общей сводке перспектив ближайшей работы" от 9 января 1925 г. предполагалось "углублять политработу и пропаганду" в Юньнаньской офицерской школе, чтобы подготовить в лице курсантов ("студентов") "*будущих проводников разложения* (курсив мой. - А.Ю.) в непосредственной массе юньнаньских частей"²⁷. Главный военный советник предусматривал возможность такой ситуации, когда "к выходу на кантонскую сцену генерала Чан Кайши с его частями" станет необходимым организовать разложение части Юньнаньской армии "путем агитации и листовок". Однако эту задачу, органичную военной политике Москвы в Китае, Блюхер считал невыполнимой - из-за того, предупреждал он, что невозможно найти агитаторов вне юньнаньских войск со знанием юньнаньского диалекта, а также из-за неграмотности большинства солдат. Поэтому путь один - "через юньнаньцев разложить юньнаньцев", используя в этих целях "студентов школы... в состав которой будут подобраны свои люди"²⁸.

Одним из самых надежных союзников правительства Сунь Ятсена в 1924 г. был командующий Кантонской (Гуандунской) армией генерал Сюй Чунчжи, находившийся в напряженных отношениях с Ян Симинем. Однако он решил на организацию своей военной школы только в августе 1924 г. В то время Чан Кайши еще числился начальником штаба его армии.

Относительная надежность кантонских частей обуславливалась прежде всего персональными интересами и планами Сюй Чунчжи, который не прочь был стать самой нужной Сунь Ятсену и советским советникам фигурой в "союзном" генералитете. Боевые же качества кантонской армии, в которой на 40 тыс. личного состава приходилось лишь 28 319 винтовок разного образца, советники оценивали невысоко²⁹. Власть командующего, как и в других "союзных" армиях, распространялась почти исключительно на его "собственный" 2-й корпус. Относительно лояльными правительству были организационно входившие в состав Кантонской армии части жандармерии (военной полиции) генерала У Течэна, что можно объяснить их невысокой численностью и заинтересованностью У Течэна в покровительстве.

Вопрос о создании военной школы Кантонской армии рассматривался 18 августа 1924 г. на заседании ее высшего комсостава, на котором присутствовали также советские советники. Было принято решение зачислять в школу младших офицеров, не имеющих военного образования. Срок обучения был определен в шесть месяцев, численность курсантов - в 300 человек, из расчета

по два-три человека от каждого батальона. Такую же численность должен был иметь и учебный (в документе - "нормальный", т.е. регулярного обучения) отряд для начальной военной подготовки солдат, которая была рассчитана так же на полгода (фактически унтер-офицерские курсы).³⁰ Таким образом создавались предпосылки к осуществлению плана по насыщению "союзных" частей индоктринированными кадрами.

Во исполнение того же плана при военной школе Кантонской армии планировалось создать "специальный учебный кадр", т.е. курсы для пулеметных и артиллерийских специалистов, состоящие соответственно из двух классов. Офицеры и солдаты должны были обучаться раздельно, артиллеристы - три месяца, пулеметчики - два. Намечалось в два приема обучить всех артиллеристов и пулеметчиков армии Сюй Чунчжи.³¹ Начальника "учебного кадра" предполагалось непосредственно подчинить начальнику офицерской школы. Жалованье "кадру" предполагалось выплачивать за счет артиллерийских и пулеметных отрядов частей или, что было новшеством для того времени, непосредственно отделом снабжения Главного штаба Гуандунской армии.³²

Что касается частей начальника полиции и жандармерии У Течэна, то в начале декабря 1924 г. приступила к работе учебная комиссия при штабе жандармерии под председательством старшего инструктора (так в тексте, в литературе эту должность называют "старший советник") в войсках жандармерии Зильберта. Комиссия должна была "разрабатывать вопросы организации и подготовки частей", содействовать "постановке дела военного обучения, политического воспитания, поднятию дисциплины"³³. В состав комиссии вместе с Зильбертом входили девять человек, в том числе инструктор кавалерийского эскадрона Никулин, Миллер - немецкий инструктор на службе У Течэна, командиры 1-го и 2-го полков, два штабных офицера (один из них - коммунист) и два секретаря. Однако комиссия имела право наблюдения за выполнением своих решений после их утверждения командующим Кантонской армией, использования аппарата штаба и получения необходимой информации от частей.³⁴

Гуансийская армия Лю Чжэньхуаня, по утверждению советника А.И. Черепанова, оставившего подробные воспоминания о своей работе в Китае, считалась придатком Юньнаньской армии и не принималась во внимание как самостоятельная военно-политическая сила. Однако этому заявлению противоречат настойчивые попытки советников "проникнуть" в ее военную школу. Представляется примечательным тот факт, что в документах южнокитайской группы военных советников из коллекции РГАСПИ автору не удалось обнаружить подробных сводок о численности и вооружении Гуансийской армии³⁵, тогда как по другим "союзным" войскам и даже армиям противника такие сводки есть. Видимо, гуансийцы наиболее упорно сопротивлялись "проникновению" в их войска. Достаточно подробные сведения советникам удалось получить только о Гуансийской военной школе.

В декабре 1924 г. ее курсанты занимались уже три месяца³⁶ (таким образом, занятия начались в сентябре). Набор был сведен в три курсантских роты трехзвездного состава, по 80-90 человек в каждой. Младший комсостав назначался из числа курсантов. Преподаватели в большинстве были выпускниками Баодинской военной школы и академии - самых престижных военных учебных заведений Китая: четыре преподавателя тактики (один из них вел также фортификацию) и один - кавалерийского дела. Баодинцами были также начальник школы и его помощник. Помимо теоретических занятий, дважды в неделю предусматривались полевые тактические. Однако проводились они нерегулярно, на слабую полевую выучку курсантов постоянно сетовали военные советники.

В школе были организованы три группы по изучению русского языка, по восемь человек в каждой. Занятия вели советники Степанов ("Степанов-2-й"), Н.А. Терешатов и М. Сахновская (Чубарева, в то время - начальник разведки военного отдела группы советников). Командарм перед строем школы заявил, что все указания советских советников должны выполняться немедленно, просил их делать необходимые замечания и утверждал, что школа по характеру является более политической, нежели военной. Согласно отчету военного советника (видимо, Степанова), вначале начальник школы и командарм гуансийцев Лю Чжэньхуань (в тексте документа - Лао-Чу-ван) много говорили с советником о политике, интересовались опытом создания Красной Армии. К ноябрю такие разговоры прекратились.

Хотя все курсанты числились в ячейке Гоминьдана, ее деятельность в школе никак себя не проявляла. Политработа ограничивалась двухчасовыми лекциями, которые трижды в неделю читали курсантам представители ЦИК Гоминьдана.³⁷

В Гуансийской армии, как и в Кантонской, советники планировали организацию офицерских курсов, артиллерийских и пулеметных сборов "с проведением положительной военной и политработы", намеревались убедить командование реорганизовать части, сведя существовавшие дивизии в полки, а из последних сформировав дивизии, создать политорганы и т.п.³⁸

Военная школа была создана и в поддерживавшей Сунь Ятсена Хунаньской армии (около 22,5 тыс. человек).³⁹ Она почти в полном составе была привлечена к участию в Северном походе, который в октябре 1924 г. вновь начал Сунь Ятсен, несмотря на отговоры советских советников.

Главкомом хунаньцев числился генерал Тань Янькай. Он не имел военного образования и даже "собственного" соединения. Командующим армией он был назначен как наиболее авторитетный хунаньский политик и компромиссная фигура. Обязанности командующего фактически выполнял его заместитель - генерал Чэн Цянь, в то время занимавший также пост военного министра в правительстве Сунь Ятсена.

На фронте армию поразила эпидемия болотной лихорадки: по состоянию на декабрь 1924 г. от болезни умерло около восьми тыс. человек, пять тыс. были больны. Видимо, поэтому именно "обиженные" хунаньцы, при всей их лояльности, стали застрельщиками открытого сопротивления генералитета централизаторским устремлениям советников и гоминьдановского правительства. Это сопротивление проявилось в действиях командования Хунаньской армии и ее военной школы осенью 1924 г.

Начальником Хунаньской военной школы числился Чэн Цянь (в документах группы советников - Чен-Чим). Формально его замещал начальник отдела (в документе - "департамента") боевой подготовки армии генерал-майор Чжу, но фактически учебным заведением руководил подполковник Ляо, помощник начальника школы по учебной части. Согласно отчету Блюхера (видимо, на начало 1925 г.), школа была слабо оборудована. Ко времени "проникновения советника" (осень 1924 г.) она насчитывала 190 курсантов и 11 инструкторов. Винтовок германского образца хватало только на половину личного состава, и те были взяты в Северный поход, куда ушли две курсантские роты. Успехи курсантов в строевой и теоретической подготовке советники оценили на "хорошо", тактическую подготовленность - как слабую. Следов политической работы они не обнаружили. Зато "революционный настрой" курсантов был налицо: советников "атаковали" вопросами о революции, о СССР и т.п.

Отношения с хунаньским командованием обострились после того, как Сунь Ятсен перед отъездом на фронт приказал расформировать школу и влить ее личный состав в школу Хуанпу. Дело в том, что снабжение хунань-

ских формирований, как и военной школы, осуществлялось в значительной степени централизованно - через министерство финансов. Хунаньцы не сумели захватить столько доходных мест в Гуандуне, как более сильные и удачливые юньнаньцы и поддерживавшие последних гуансийцы, и чувствовали себя обойденными. Сунь Ятсен, видимо, полагал, что может рассчитывать на их верность в обмен на денежную поддержку. Однако его решение о закрытии школы не только било по самолюбию хунаньских генералов, но и грозило ударить по их карману: у них отбирались "собственные" младшие офицеры, ставшие курсантами школы. К тому же военные учебные заведения "союзных" армий в ту пору еще всерьез рассчитывали на финансовую помощь из России в обмен на допуск советников и предоставление подробных финансовых отчетов. Командование школы решило саботировать приказ Сунь Ятсена.

Отправляясь на фронт, генералиссимус принял парад курсантов школы. В своей речи перед ними Сунь Ятсен отметил необходимость создания в школе партийной ячейки Гоминьдана и организации в ней политработы. В середине ноября курсанты стали требовать разрешения на созыв общего собрания с целью создания ячейки. Им было отказано - руководство школы объявило о вредности и недопустимости в ней любой политической деятельности. Курсанты расценили заявление начальства как "контрреволюционное" и избрали делегацию из 12 человек, которую решили направить к Чан Кайши. Делегация должна была ходатайствовать о принятии курсантов в Хуанпу и пригласить Чан Кайши посетить их школу для ознакомления с положением дел на месте.

Чан Кайши хунаньских курсантов принял, заверил в правомерности их требований и в том, что школа непременно волеется в Хуанпу. Но перед этим администрация Хунаньской школы неоднократно заявляла, что не согласна на слияние. Отлучка курсантской делегации из казарм была запрещена, она оставила расположение школы самовольно. Обратно ее просто не пустили, делегатов объявили дезертирами и им пришлось скрываться от ареста. В ответ на действия своего командования курсанты избрали новую делегацию в составе 12 человек. Слухи об этих событиях дошли до советника при школе Зильберта. В ответ на его запрос командованию школы ему сообщили о дезертирстве группы курсантов.

Чан Кайши предложил членам обеих делегаций до разрешения дела скрываться и обещал принять меры к прекращению их преследования: "дезертиров" уже искали хунаньские офицеры и гуанчжоуская полиция. Пока шли поиски, товарищи делегатов оказывали им материальную поддержку, передавая по 20 кантонских центов на человека в день. Четверо делегатов сумели добраться до Зильберта и Блюхера, просили их содействия. Блюхер "подтвердил совет Чан Кайши и принял меры через Ляо Чжункая к ликвидации инцидента"⁴⁰. Хотя курсанты Хунаньской школы влились в состав Хуанпу, школа сохранила организационную самостоятельность: хунаньские курсанты в качестве самостоятельного подразделения участвовали в подавлении мятежа юньнаньских и гуансийских войск в июне 1925 г.⁴¹

Военные школы "союзных" армий, бравшие за образец Хуанпу, давали советникам "уверенность в создании таковых в других армиях, углублении политработы вплоть до введения политкомов" (политкомиссаров. - А.Ю.)⁴². В отношении Гуансийской и Гуандунской школ в конце 1924 г. ставились задачи "углубления положительной политической работы... Повышение подготовки (так в тексте. - А.Ю.) с большим уклоном в сторону строевого и стрелкового учения. Развитие самостоятельности партячейки и повышение политуровня". Предполагалось также "с помощью бесед и лекций приучить (членов гоминьдановской ячейки. - А.Ю.) к мысли о необходимости требовать реорганизации частей в сторону нормальной дивизионной организации"⁴³.

Последняя задача отнюдь не сводилась к простой унификации структуры, численности и вооружений частей и соединений. Ее решение должно было повлечь за собой кардинальные изменения в системе управления и снабжения вооруженных сил Гоминьдана, в психологии армейского командования, нормах взаимоотношений внутри него и принципах его отношений с правительственными органами.

Говоря об учебных заведениях вооруженных сил гоминьдановского правительства, нельзя не упомянуть об авиационной школе, которая начала функционировать 15 декабря 1924 г. на базе авиаотряда.

Как можно судить по докладам советника Мельникова и главного военного советника В.К.Блюхера, до лета 1924 г. контроль правительства над авиаотрядом был чисто номинальным. Когда в авиаотряд был назначен новый начальник, неизвестные злоумышленники подожгли самолеты, в результате чего погибли 15 машин, осталось только два исправных самолета. Опасаясь новых диверсий, новый начальник остерегался проводить решительные меры по реорганизации отряда, поэтому инициативу в этом деле взял на себя советник Мельников. Он был назначен начальником штаба управления авиации⁴⁴, а с 15 ноября, в связи с отъездом начальника отряда по служебным делам, некоторое время исполнял обязанности начальника авиации.⁴⁵ Во многом его усилиями была проведена реорганизация штатов, сокращен управленческий аппарат. С помощью Постоянного комитета ЦИК Гоминьдана была проведена "очистка" (так в тексте. - А.Ю.) личного состава.⁴⁶

В результате стало возможно организовать обучение пилотов и технического состава. Дело в том, что, во-первых, пилоты отряда имели только летную подготовку, полученную преимущественно на частных американских курсах (один пилот из 15 учился в Японии), и не проходили специальной военной подготовки; во-вторых, личный состав отряда был ненадежен - в октябре, в кризисный для правительства период, четыре лучших летчика вообще дезертировали, бежав в Шанхай.⁴⁷ Поэтому советник Мельников в докладе о состоянии авиации на 1 декабря 1924 г. формулировал свою главную задачу как "создание новых кадров летного и обслуживающего состава из числа политически благонадежных и имеющих военную подготовку"⁴⁸. Основу курсантского отряда должны были составить выпускники школы Хуанпу - в декабре были отобраны шестеро. В докладе советскому военному атташе в Китае Геккеру в конце 1924 г. В.К. Блюхер просил "срочно указать Москве на необходимость назначения летчика и механика - членов КП, чтобы двинуть вопрос об обучении военно-летному делу"⁴⁹.

Руководителем школы был назначен немецкий инструктор Вальтер. Курс обучения был рассчитан на период с 15 декабря по 1 апреля 1925 г., в программу помимо специальных и политических предметов включены "административно-организационные" (так в тексте. - А.Ю.) дисциплины, а также изучение русского языка. Одной из задач обучения была также подготовка из прежнего летного состава "командиров авиаотрядов", т.е. будущих авиационных подразделений.⁵⁰ Школа продолжала функционировать и в 1925 г., но основная ставка при выполнении боевых задач авиаотрядом делалась на прибывших в Гуанчжоу советских летчиков и механиков⁵¹ - видимо, обеспечить необходимое качество подготовки авиаспециалистов на месте не удалось.

В начале 1925 г. сошла на нет работа советников в военных школах Юньнаньской и Гуансийской армий. Упоминание советника о том, что разговоры о политике и опыте Красной армии с начальством Гуансийской школы прекратились к ноябрю 1924 г., не случайно. Именно к тому времени на базе школы Хуанпу был в основном сформирован первый учебный полк и началось создание второго. Примечательно, что формирование этих частей было пред-

принято по предложению Чан Кайши, поддержанному советскими советниками⁵². В полках, которые формально предназначались для подготовки унтер-офицеров, учебный процесс так и не был налажен – фактически это были линейные части. Так “ядро” Хуанпу стало обрастать строевой периферией. Юньнаньские и гуансийские генералы не могли не понимать, чем чревато для них появление в Гуандуне хорошо обученного и вооруженного соединения, подчинявшегося непосредственно правительству.

Определившееся нежелание “безыдейных пришельцев” допустить глубокое “проникновение” советников в свои школы показало, что советские планы создания “костяка” вооруженных сил китайской революции, который призвал бы “союзные” войска, осуществимы далеко не во всем и требуют серьезной корректировки. В телеграмме от 7 декабря 1924 г. В.К. Блюхер указывал, что “укрепить положение Кантона и нацрвдвижения... можно, лишь изгнав безыдейных пришельцев (т.е. пришедших военных “союзников” Сунь Ятсена, прежде всего юньнаньцев и гуансийцев. – А.Ю.), чего мирным путем [сделать] невозможно. Отсюда необходимость срочного окончания формирования дивизии Чан Кайши и создание крепкого ядра кантонской армии, для чего в ближайшие месяцы нужна наша серьезная помощь”⁵³.

Таким образом, 7 декабря 1924 г. впервые была поставлена задача прямого военного подавления ненадежных формирований южнокитайских вооруженных сил. Средством такого подавления в тот момент мыслилось не только соединение, которое предстояло развернуть из учебных полков Хуанпу, но и части Сюй Чунчжи, который был тогда более авторитетным военным лидером, нежели Чан Кайши⁵⁴. Тем не менее позицию руководителя группы военных советников можно расценить как залог будущего успеха той тенденции в военном строительстве Гоминьдана, которая исходила в первую очередь из необходимости создания “центра-ядра” “партийных” вооруженных сил. Уже к концу 1924 г. школа Хуанпу заявила о себе как о наиболее перспективном направлении деятельности гоминьдановского правительства в военной области, а ее функции вышли далеко за рамки роли питомника индоктринированных кадров, которую ей первоначально отводила советская сторона.

1. Подробнее об этом см.: Юркевич А.Г. Военная школа Хуанпу и китайская революция // Проблемы Дальнего Востока. 1985. № 4; Пожилов И., Юркевич А. Военная школа Хуанпу в истории Китая после 1927 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1998. № 6.
2. Картунова А.И. Блюхер в Китае. 1924-1927 гг. Документированный очерк. М., 1972, 1979.
3. Ее же. Политика Москвы в национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. - июль 1927 г.). М., 2000. С. 40.
4. Возможность открытого освещения темы, которой посвящена данная статья, появилась лишь в 90-е годы XX в. До 60-х годов упоминания о том, что китайская революция обязана многими своими успехами прямой помощи СССР и Коминтерна, были недопустимы как политическая бестактность. Когда же настойчивые напоминания об этой помощи стали элементом идеологического противостояния Москвы и Пекина, то информации о работе советников в милитаристских армиях, которые революционному правительству пришлось-таки разоружать, следовало избегать по другим причинам – эта работа могла быть интерпретирована политическим оппонентом как диверсия против революционных сил Китая (в документах, опубликованных А.И. Картуновой в 1972 г., упоминалось только о работе советников в школах Хунаньской и Кантонской армий, которые были лояльны гоминьдановскому правительству).
5. Как известно, рекомендацию по поводу создания военной школы дал Сунь Ятсену представитель Коминтерна Г. Маринг в декабре 1921 г. В доступных изложениях

- предложений Г. Маринга Сунь Ятсену речь идет о военной школе как "основе", "базе" (*цзичу*) революционной армии или, что видится весьма существенным - о ее "костяке" (*гугань*) (см.: Хуанпу цзюньсяо шиляо [Сборник документов по истории военной школы Хуанпу]. Отв. ред. Лу Цюань. Гуанчжоу, 1982. С. 11; Ван Юнцзюнь. Хуанпу сань бай мин цзян чжуань [Биографии 300 знаменитых генералов, имевших отношение к военной школе Хуанпу]. Наньнин, 1983. С. 3). В одном из писем Сунь Ятсена к Чан Кайши (от 11 октября 1924 г.), а также в речи Суня на открытии Офицерской школы сухопутных войск Гоминьдана ее курсанты тоже именуется "костяком" революционной армии (см.: Хуанпу цзюньсяо шиляо. С.56; Сунь Ятсен. Избр. произв. М., 1985. С. 472).
6. См., например: РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 8, л. 97, 99, 105, 108.
  7. Так, создание учебно-кадрового полка при школе Хуанпу советники связывали с возможностью предоставить его "в распоряжение оформившегося левого крыла Гоминьдана" (там же, л. 16).
  8. Там же, д. 7, л. 207, 209. Концепция военного строительства, которая исходила от советской стороны и предполагала "проникновение" в ненадежные или враждебные части для их разложения, поддерживалась некоторыми представителями руководства Гоминьдана. Так, Ляо Чжункай в одном из первых выступлений перед курсантами Хуанпу в несколько неожиданном ракурсе представил цели обучения в военной школе. В качестве примера выполнения служебного долга в интересах партии офицерами-гоминьдановцами он привел "изменение сердцевины армии противника". Для выполнения этой задачи надо проникнуть в его ряды, "слиться с ними", чтобы иметь возможность пропагандировать собственные идеи. При этом Ляо ссылался на иностранный опыт: "Готовясь к войне, посылают в армию противника офицеров для ведения разведки и они даже становятся генералами. У них в России результаты революции так хороши потому, что они использовали и эти методы, разлагая войска противника изнутри" (Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 216-217).
  9. Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 103-104. Здесь и далее ссылки на эту работу приводятся по 2-му изданию (1979 г.).
  10. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 8, л. 20-22.
  11. Там же, л. 24.
  12. Там же, л. 14-15.
  13. Там же.
  14. Там же, л. 17-18.
  15. Там же, д. 7, л. 18.
  16. Там же, д. 8, л. 18.
  17. Там же, д. 7, л. 170-174.
  18. Там же, л. 97, 102.
  19. Там же, л. 97.
  20. Там же, л. 97-98.
  21. Там же, л. 102-103.
  22. Там же, л. 104
  23. Там же, л. 99.
  24. Там же.
  25. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 125, 104.
  26. Там же, л.130.
  27. Там же, л. 207; Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 102.
  28. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 209; Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 103.
  29. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 96, 139.
  30. Там же, л. 195. О планах советников в отношении Кантонской армии и ее школы см. также: Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 104.
  31. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 184.
  32. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 184 - 186.
  33. Там же, л. 228.
  34. Там же, л.232.
  35. М.Ф. Юрьев приводил цифру в 9 тыс. человек (Юрьев М.Ф. Роль революционной армии на первом этапе китайской революции. М., 1952. С.10) А.И. Черепанов писал о 5-6 тыс. человек и семи пехотных дивизиях (Черепанов А.И. Записки военного со-

- ветника в Китае. Из истории первой гражданской революционной войны (1924-1927 гг.). 2-е изд. М., 1976. С.43).
36. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л.108.
  37. Там же, л.108, 109.
  38. Там же, л. 210; Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 103.
  39. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 155. По данным А.И. Черепанова, армия насчитывала до 14 тыс. человек (Черепанов А.И. Указ. соч. С.43).
  40. Там же, л. 105-107. См. также: Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 73-75.
  41. См.: Черепанов А.И. Указ. соч. С. 259-270.
  42. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 210; Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 104.
  43. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 7, л. 210; Картунова А.И. Блюхер в Китае. С. 103.
  44. РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 8, л. 11.
  45. Там же, л. 116 - 118.
  46. Там же, с. 213-214.
  47. Там же, л. 12, 120.
  48. Там же, л. 121.
  49. Там же, л. 13.
  50. Там же, д. 7, л. 213 - 215.
  51. См.: Вишнякова-Акимова В.В. Два года в восставшем Китае. 1925-1927. 2-е изд. М., 1980. С. 151-152, 164; Черепанов А.И. Указ. соч. С. 439-442, 468. Еще осенью 1924 г. из Москвы были затребованы летчик, моторист и два самолета (РГАСПИ, ф. 627, оп. 1, д. 8, л. 13).
  52. Там же, д. 7, л. 113; Wilbur M.C., How Lien-yin J. Missionaries of Revolution: Soviet Advisers and Nationalist China, 1920-1927. Camb. (Mass.) L., 1989. P. 114.
  53. Картунова А.И. Политика Москвы... С. 48.
  54. Примечательно, что весной 1925 г. именно с Сюй Чунчжи В.К. Блюхер обсуждал проблему формирования двух новых дивизий в составе его армии (Черепанов А.И. Указ. соч. С. 187-188). Чан Кайши сумел развернуть свои два полка в корпус только после разоружения юньнаньских и гуансийских войск в июне 1925 г. Борьба за военное лидерство между двумя самыми близкими к гоминьдановскому правительству генералами завершилась только в сентябре 1925 г., когда Чан был назначен командующим войсками II Восточного похода вместо высланного из Гуандуна Сюй Чунчжи (там же. С. 289).

Русские в Китае

Иннокентий Серышев – востоковед и эсперантист

© 2001

А. Хисамутдинов

Известным просветителем в среде дальневосточной эмиграции был И.Н.Серышев – священник, талантливый журналист и увлеченный до самозабвения эсперантист. За долгую скитальческую жизнь он в разных странах опубликовал большое количество работ. «Прилагаю список всех своих изданий, – писал он в конце своей жизни австралийскому библиографу Хотимскому, – причем синим сбоку подчеркнул те, кои можно купить за наличные, деньги нужны на продолжение изданий»¹.

Что же это был за человек и чем он интересен нам сегодня?

Иннокентий Николаевич Серышев родился 15 августа 1883 г. в Больше-Кударинской станице Забайкальской области (по другим данным в Кяхте)². Его отец был священником, что предопределило многое в жизни Серышева. В 1900 г. он окончил 7 классов реального училища в Троицкосавске. После этого поступил на механический факультет Томского технологического института, где проучился три года. Точные науки не привлекли юношу: он решил уйти из института и заняться богословием. По предложению владыки Макария, епископа Томского, Серышев уехал в деревню, где стал преподавать в школе.

Как-то раз, подвыпивши, он критически высказался о русско-японской войне в разговоре с солдатами, и его арестовали. Грозилась ссылка, а, может быть, и более суровое наказание – вплоть до расстрела – времена были очень жесткие. Но Серышева выпустили на поруки, после этого он дал обет никогда не пить и не курить. И этому следовал до конца своей жизни. Серышев решил принять сан священника. В Чите владыка Мефодий рукоположил его в сан диакона, а затем, 16 января 1906 г. – в сан священника. После этого отец Иннокентий был направлен в дальний приход. Он сменил их несколько, причем деятельность его не отличалась однообразием. Одно время он занимался кооперацией. Потом, когда в России возникло движение за трезвый образ жизни, организовал одно из Обществ трезвости.

Огромной вехой в его жизни стало увлечение языком эсперанто.

Уже в молодости Серышев отличался тягой к перемене мест. В 1910 г. он получил разрешение епископа Мефодия посетить Афон, заодно побывал в разных странах Европы, встретился со своими единомышленниками по эспе-

ранто. Эта поездка значительно расширила кругозор молодого священника. После возвращения он работал в Томской епархии.

1917 год изменил жизнь Серышева. Он устроился на работу в культурно-просветительский отдел Алтайских кооператоров, был секретарем, затем членом правления союза. Гражданская война заставила его покинуть родной Алтай. Из Бийска в 1919 г. он перебрался в Томск. Отказавшись сотрудничать с большевиками, Серышев решил уехать на Дальний Восток. Позднее он вспоминал, что помог ему в тот период именно язык эсперанто. Имея 200 корреспондентов из 80 стран, он смог во Владивостоке, где была сильная эсперантская группа, получить визу в Японию – для изучения японского языка. Более двух лет Серышев провел в Японии. Учил японский язык в школе жены священника Российского посольства Петра Булгакова. Пешком исходил сотни километров. Целью этих путешествий было знакомство с методикой преподавания в японских школах. Серышеву не удалось уехать в Америку, как он планировал ранее, и в начале 1922 г. он отправился в Харбин. Там он сразу же организовал цикл лекций в Обществе русских ориенталистов. Вскоре они были опубликованы в журнале «Вестник Азии»³.

Серышев сменил много профессий – работал в железнодорожной школе, был наборщиком и печатником в типографии Учебного отдела Китайско-Восточной железной дороги. В дальнейшем это помогло ему организовать свои собственные издательства. Не на шутку увлекшись востоковедением, Серышев сдружился с известными китаеводами П.В.Шкуркиным и И.Г.Барановым, исследователем-натуралистом Н.А.Байковым и литератором Ф.Ф.Даниленко. Позднее он оставил о них интересные воспоминания⁴. В 1924 г. он основал эсперантское издательство «Oriento» – «Восток». Под таким же названием он стал издавать свою газету на эсперанто, которая выходила с 1 по 20 июля 1925 г.

В Харбине Серышев занялся изучением Китая: его интересовали как вопросы религиозной жизни, так и китайское народное творчество. Он старался быть в центре жизни китайского народа, чтобы приобщиться к древней культуре страны, при этом не забывая и о другой своей задаче – познакомиться с китайцами, прежде всего студентов, с международным языком эсперанто. Некоторое время Серышев провел в столице Китая, где преподавал язык в Пекинском эсперанто-колледже. 13 декабря 1924 г., в день памяти доктора Заменгофа, создателя эсперанто, он выступил с большим докладом на тему «Содружество Востока и Запада». В Пекине Иннокентий Николаевич продолжил изучение китайской философии, встречался с известными деятелями Китая, такими, например, как Сунь Ятсен. Серышев занялся и изучением так называемой проблемы «желтой опасности» (панмонголизм, панкитаизм и паназиатизм). Он отправляет свои статьи о «Пан-Азии» в эсперантский журнал «Космо», затем выходят в свет и работы «О признании Красного Китая» и «О мировых штатах человечества». Он деятельно занялся и изучением китайского языка и иероглифики, находя в ней философский смысл. Серышев старался быть в курсе событий, который происходили в Маньчжурии и Японии, откуда ему посылали письма его друзья.

Предчувствие, что Харбин ожидают новые проблемы, заставило Серышева ходатайствовать о получении визы в Австралию. И опять же помогли друзья-эсперантисты. Из Харбина он уезжает вначале в Японию, а в январе 1926 г. попадает в Австралию. Эсперантисты помогли ему получить место подсобного рабочего в одной из гостиниц Сиднея. «По приезде в Сидней, - цитирует воспоминания Серышева его биограф И.Суворов, - он около года работал в частной гостинице, где доил коров, таскал уголь, чистил кузню, мыл ванны и уборные и т.д. Два месяца он поработал кухонным мужиком в католическом пансионе-колледже, а потом в «патри», где мыл посуду на 500 столовников. Год работал на стекольном заводе, - два месяца – на уборке ремонтируемых домов, а теперь вот (в 1939 г.) уже около двух лет работает по ночам в русском ресторане (возможно, у Гольева) – моет и полирует полы и чистит кухню, все за гроши!»⁵.

К глубокому сожалению Серышева, многие эмигранты в Сиднее отнеслись прохладно к идее открыть православный приход – они были озабочены добыванием средств к жизни. «О. Иннокентий, – писал И.Суворов, – пытался сговориться с местным греческим епископом о возможности совершать богослужения в греческом храме, но безуспешно, и ему пришлось какое-то время совершать службы в частных домах. Однако вскоре этот епископ уехал из Сиднея, оставив в храме настоятелем архимандрита Афиногора. Он пошел навстречу русскому православному священнику и разрешил ему служить в храме раз в месяц Божественную литургию. Правда, некоторые причины побудили общину отказаться вскоре от греческого храма и перейти к сирийцам. [...] О. Иннокентий, служа у греков и сирийцев, стал вводить в службу новый стиль, начал читать Апостола и Евангелие за службой на русском языке вместо церковно-славянского, и употреблял часто, наряду с русским, греческий, арабский и английский языки. Однажды на Пасху читал Евангелие даже на эсперанто»⁶.

В Австралии Серышев не забыл Китай. Он стал сиднейским корреспондентом популярного харбинского журнала «Рубеж» и церковного издания «Хлеб Небесный», публиковался и в других газетах и журналах, выходящих в Китае, Америке и Европе. Весьма деятелен он был еще в одной области. Смысл своей жизни он теперь видел в подготовке и выпуске различных периодических изданий. Тематика их охватывала и страны Дальнего Востока (непериодический журнал «Азия». 1934-37), и проблемы эмиграции («Путь эмигранта». Непериодический журнал, орган Объединения русской эмиграции в Австралии. 1935-38), и вопросы православия («Полемиический бюллетень». Непериодический орган самозащиты заштатного священника Иннокентия Серышева. 1933); «Церковный колокол» – двухнедельный орган Православного прихода в Сиднее (всего вышло 4 номера, а тираж составил 5-6 экземпляров).

Первые свои работы Иннокентий Николаевич печатал на пишущей машинке и размножал у себя дома на ротаторе. Так вышел ряд ежемесячных изданий. Журнал «Церковь и Наука» являлся продолжением «Церковного колокола». До начала Второй мировой войны вышло всего 49 номеров, после войны увидели свет №№ 50-56. Журнал «Путь эмигранта» насчитывает всего 48 номеров. Часть этого издания была напечатана на пишущей машинке, часть – в типографии. В 20 номерах издан журнал «Часы досуга, в минуты раздумья». Он также был отпечатан на обычной машинке. Большей частью материалы этого издания были религиозного и богословского характера. Оно являлось как бы продолжением журнала «Церковь и Наука». Критике разных нерелигиозных течений были посвящены 3 номера журнала «Критический сборник». Отец Иннокентий считал одной из важных статей этого журнала, рассматривающую современные течения оккультизма и теософии.

Серышев был увлекающейся натурой. Одна из его утопических идей – создание на островах Фиджи государства «Новая Россия», где нашли бы приют русские эмигранты из стран Тихого океана и Европы. «В одном из номеров «Сиднейского утреннего геральда», – писал Серышев, – я наткнулся на заметку «Острова Пасифика (Океании. – Ред.) на продажу» такого содержания: «По сообщению нашего специального корреспондента из Лондона, острова Фанинг и Вашингтон предложены к продаже. Продавцом является компания, оперировавшая на этих островах в течение последних двадцати лет». Заинтересовавшись предложением, совпавшим с выдвинутым мною проектом самостоятельного устройства европейских русских эмигрантов на островах Фиджи, я стал следить за информацией и скоро был удовлетворен в своих ожиданиях дополнительными сведениями о продаваемых островах. Это небольшие острова и, вероятно, сравнительно недороги. Не купить ли их русским эмигрантам, угнетаемым в Европе?»⁷.

В 1937 г. Серышев открыл первое русское издательство в Австралии. «После великих трудов и огромного напряжения сил и энергии, – писал журнал «Рубеж», – нашему корреспонденту священнику И.Серышеву удалось основать в Сиднее первую в Австралии русскую типографию, что, разумеется,

может иметь чрезвычайно большое культурное значение для переселившихся в Австралию многочисленных русских эмигрантов»⁸.

«Русская культура» – так назвал Серышев свое следующее издание. Это был журнал-сборник, посвященный культурологии. В нем публиковались биографии самых известных деятелей культуры России. Всего вышло два номера. Время от времени Серышев выпускал в свет страноведческие журналы «Австралазия» и «Азия». Первый, посвященный Австралии и тихоокеанским островам, печатался на машинке большим форматом, общий объем составил 80 страниц. Всего вышло три номера. Журнал «Азия» рассказывал о странах Дальнего Востока – Японии, Китае, Корее, а также Формозе (Тайвань). Все три номера этого издания также были большого размера и содержали иллюстрации.

Вторая мировая война привела к новой волне российской эмиграции в Австралию. Серышев откликнулся на приезд соотечественников. Он стал издавать журнал «Православие». Всего было напечатано два номера. В 12 номерах вышел «Лечебный сборник». Он был посвящен народной медицине, средствам простого лечения, как отмечал Серышев. Он также подготовил и напечатал на ротаторе книгу Ольги Морозовой «Как помочь больному» (199 с.). Таким же способом Серышев издал «Лечение голоданием» (по методу Суворина).

В июле 1945 г. Серышев выпустил в свет первую книгу из трилогии «Альбом выдающихся личностей России». Хотя тираж был немалый – 500 экземпляров, он разошелся довольно быстро. В 1946 г. он издал вторую часть, а вскоре и третью. Критика заметила эти издания, но указала на слабости при изложении некоторых биографий. Серышев в связи с этим посетовал на то, что он живет вдали от культурных центров, а некоторых биографий нет даже в подробной «Британике» или старых русских энциклопедиях. Ему пришлось немало потрудиться, чтобы по крохам собрать нужные факты. Были жалобы и на плохое качество фотографий, что неудивительно, ибо Серышеву приходилось их подбирать из старых журнальных подшивок.

Иннокентий Николаевич Серышев прожил долгую, трудную жизнь, но самыми тяжелыми оказались последние годы. Он постоянно находился в стесненных обстоятельствах, откладывая гроши на свои издания. Очень часто не доедал. Имея непростой и бескомпромиссный характер, отец Иннокентий не находил поддержки у окружающих. Работал он порой до изнеможения, трудился над своими проектами до последнего дня. Многие из них остались в рукописях. Особенно ценными являются его воспоминания. В них он описывает свою жизнь в Забайкалье, события революции и гражданской войны на Дальнем Востоке, деятельность в Японии, Китае и Австралии; много страниц посвящено этнографическим наблюдениям. В своей жизни И.Н.Серышев сделал немало, но, к сожалению, оказался забытым. Скончался он в августе 1976 г.

1. Собрание О.М.Бакич (Канада). Письмо И.Н.Серышева от 21 июня 1965 г.
2. Зернов Н. Русские писатели в эмиграции. Биографические сведения и библиография их книг по богословию, религиозной философии и православной культуре, 1921-1972. – Boston, Mass.: G.K. & Co., 1973. С. 119-120.
3. Серышев И. Основы японской системы образования // Вестник Азии. Харбин. № 51, 52.
4. Серышев И. В земном плане моего бесконечного бытия: в Китае. Б.г. Б.м. Т. III С. 43-46.
5. Суворов И. О. Иннокентий Серышев. Биография. // Австралиада. 1995. № 4. С. 8. (Опубл.: // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 2. С. 60).
6. Суворов И. Краткая история 1-го православного русского прихода в Сиднее // Австралиада. 1996. № 8. С. 11.
7. И.Серышев. Не купить ли русским эмигрантам два острова? // Новая заря. 1936. С. 4.
8. Первая русская типография в Австралии // Рубеж. Харбин, 1937. 20 марта. С. 14:

Философия

Ян Чжу как философ: между даосизмом и конфуцианством

© 2001

А. Лукьянов

Ян Чжу (между 440–334 до н.э.) воплощает тот образ философа, которому свойственны дух бродяжничества, мудрое проникновение в суть жизни, магическая сила слова, ирония и юмор в отношении к оппоненту, чувство дружбы и товарищества к ученику и последователю. В историко-философских штудиях ему традиционно отводится место в ряду выдающихся представителей даосистского учения – Лао-цзы (6 в. до н.э.), Ле-цзы (4 в. до н.э.), Чжуан-цзы (ок. 369 – ок. 286 до н.э.).

Однако мировоззренческая принадлежность Ян Чжу к даосизму не так бесспорна, как может показаться. Этому мыслителя довольно резко критиковали и даосисты, и конфуцианцы. «Всю Поднебесную заполняют речи Ян Чжу и Мо Ди» – восклицал ортодоксальный конфуцианец Мэн-цзы (ок. 372–289 до н.э.), пытавшийся «направлять на правильный путь сердца людей, гасить превратные учения, отражать неправильные действия, изгонять разнузданные речи, чтобы быть преемником трех Премудрых (Юя, Чжоу-гуна и Конфуция)¹. А достигшему вершины философского даосизма Чжуан-цзы казалось, что Ян Чжу выставляет свои «достоинства напоказ», слепит своей славой, отстает «частную истину» и хорошо бы было ему и Мо Ди «зажать рты»².

К сожалению, писания Ян Чжу, если таковые и были, не дошли до нашего времени. В наибольшей мере отражающими его взгляды считаются глава 7 из «Ле-цзы» и отдельные положения из трактатов «Чжуан-цзы», «Хань Фэй-цзы», «Люйши Чуньцю» и «Хуайнань-цзы». По сохранившимся в них сведениям учению Ян Чжу трудно дать однозначную мировоззренческую квалификацию. С одной стороны, Ле-цзы соединял основоположника даосизма Лао-цзы и Ян Чжу как Учителя и ученика, хотя и осуждавшегося Учителем, пенявшим ему за «высокомерие»³. С другой стороны, Чжуан-цзы видел в учении Ян Чжу нечто инородное, стоящее за пределами даосизма, так как Ян Чжу наряду с Конфуцием, Мо Ди, Бином (Гунсунь Луном) и Хуэй Ши имел свою философскую школу⁴. Суждения Ле-цзы и Чжуан-цзы позволяют сделать предположение, что в хронологическом и мировоззренческом промежутке между «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы» Ян Чжу успел выбыть из школы Лао-цзы и ос-

Лукьянов Анатолий Евгеньевич, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра изучения духовных цивилизаций Восточной Азии ИДВ РАН.
Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 01-01-00135а

новать собственную школу, которая подверглась критике и даосистов, и конфуцианцев.

В критике Ян Чжу историко-философская рефлексия древних фиксирует знаменательное событие – возникновение нового по типу философского мировоззрения (не даосистского, не конфуцианского, не моистского), но не определяет еще его статуса, значения, направления и имени. Едва ли этому способствует и современная синология. В свете оценок западных исследователей, которые во множестве приводят в своих работах А.А. Петров и Ф.С. Быков, учение Ян Чжу смотрится даже весьма неприглядно: индивидуализм (А. Дэвид), этический пессимизм, фатализм, сенсуализм (А. Форке), демонический пессимизм, натуралистический и сенсуалистический пессимизм (Р. Вильгельм), грубый эгоизм (Д. Легг), пессимизм, непримиримый индивидуализм (М. Гране), релятивизм и субъективизм (Е.В. Ценкер), крайний эгоизм, пессимизм, стремление к индивидуализму, натурализм, выражающийся в эвдемонизме (Ху Ши), крайний эгоизм и эвдемонизм (Фань Вэньлань), гедонистический эгоизм (Д.Т. Судзуки)⁵.

При таком единообразии оценок напрашивается мысль, будто Ян Чжу проповедовал нечто эгоистическое, индивидуалистическое, пессимистическое и т.п. Однако если взять эти оценки каждую в отдельности и проверить на филологическую и смысловую адекватность, то большинство из них следует значительно смягчить или вовсе отбросить. Например, Ян Чжу призывал людей жить счастливо, без тревог и даже наслаждаться жизнью, кстати, придерживаясь меры, равновесия и не мешая другим. При чем же тут крайний эгоизм и индивидуализм? Человек смертен, – говорит Ян Чжу, но в этом нет ничего от пессимизма. Да и какой может быть пессимизм, когда лейтмотивом его учения звучит радость земного существования? Ян Чжу «не дошел до идеи Бога», говорят западные синологи, как будто он *должен* был дойти до этой европейской идеи. По всему видно, что исследователи подходили к Ян Чжу со своими мерками. Им *хотелось* увидеть в Ян Чжу эгоиста, пессимиста, индивидуалиста современного западного покроя, и они его увидели, быстро развесив этикетки и ценники стандартного историко-философского фасона по лабиринту учения Ян Чжу – так привычнее и удобнее.

Отечественные исследователи нашего времени тоже вынесли свои суждения о Ян Чжу. А.А. Петров называл его смелым мыслителем и блестящим вольнодумцем⁶. Ф.С. Быков прибавляет сюда атеизм и наряду с западными синологами усматривает в его учении наличие фатализма, скептицизма, индивидуализма и эгоизма, но не столь категоричен и не принимает обвинений Ян Чжу в вульгарном и грубом гедонизме и пессимизме⁷. Ян Хиншун видит в Ян Чжу материалиста⁸, Л.Д. Позднеева относит его к древним атеистам, материалистам, диалектикам и вольнодумцам⁹.

Вольнодумства у Ян Чжу действительно хватает, с этой характеристикой можно согласиться. Но она не является специфичной только для Ян Чжу. Каждый подлинный философ по-своему вольнодумец уже в силу того, что он является гражданином своего космоса и проповедником его законов. Взять того же Конфуция, против которого выступал Ян Чжу и о котором сказал следующее: «Конфуций был просвещен в Дао первопредков и царей-ванов, откликался на приглашения государей своего времени. Но на него повалили дерево в Сун, он заметал следы в Вэй, терпел лишения в Шан и Чжоу, на него устроили облаву между Чэнь и Цай, он терпел унижение от рода Цзи, был опозорен Ян Ху, скорбел и печалился до самой смерти»¹⁰. Ни при жизни Конфуция, ни при жизни Ян Чжу конфуцианство еще не было официальной доктриной. Конфуция и его учеников изгоняли из царств, били палками и камнями отнюдь не за приверженность идеологическому официозу, а как раз за его *конфуцианское вольнодумство*.

Из всех исследователей наиболее приемлемую оценку идейному содержанию учения Ян Чжу, по-видимому, дал А.А. Петров: «Учение Ян Чжу теоретически основано на даосской натурфилософии и в этом отношении логически полностью укладывается в систему даосского мировоззрения; этические принципы Ян Чжу могут быть результатом даосской идеи «естественности» (*цзы жань*)»¹¹.

А.А.Петров высказал здесь два соображения, которые служат нам отправным пунктом анализа творчества Ян Чжу. Первое высказано со строгой определенностью: второе – с осторожностью: «*учение ... логически полностью укладывается*» и т.д., «*принципы... могут быть результатом*» и т.д. Действительно, как свидетельствуют древние источники, в начале своей философской деятельности Ян Чжу имел отношение к даосистской школе Лао-цзы. Его принципы *могут быть результатом* даосистской классики, но каким результатом: ее развития, отрицания или трансформации? И может ли *учение школы Ян Чжу полностью укладываться* в систему даосистского мировоззрения? Эти вопросы пока остаются открытыми, что побуждает исследователей вновь и вновь обращаться к изучению творчества этого мыслителя.

Специфика воззрений Ян Чжу просматривается уже в его подходе к человеческому бытию. От конфуцианства и даосизма его учение отличается тем, что избирает определенный масштаб существования человека – между рождением и смертью. При этом оно не измеряется Ян Чжу ни по вертикали, ни по горизонтали, а берется в их пересечении. Существование есть только миг сопряжения двух родов вечности – рождения и смерти, вследствие чего само существование тоже приобретает характеристику вечности – вечно длящегося мига настоящего. Это такой срез бытия, куда умещаются прошлое и будущее, история всего общества и жизнь индивида. Поэтому Ян Чжу не занимается космической антропологией (генезисом), а дает космическую антропологию (структуру). Человека до рождения и после смерти нет, он всегда есть здесь и сейчас, он вечен как этот космос. Он неисчезающая средняя между Небом и Землей величина, ниоткуда не приходящая и никуда не уходящая: поколения людей не следуют друг за другом в исторической периодичности, приходя из будущего и уходя в прошлое, а трансформируются друг в друга, наследуя и поддерживая качество *человечности*. По сути своей человек есть пульсирующий в поколениях людей центр космоса, свернутая спиралью струна архетипа *у чан* (пяти постоянств).

Это не метафора. Будучи неотъемлемой составляющей мироздания, человек обретает в нем и свою природу-натуру, воплощенную в *у чан*. Ян Чжу говорит: «Человек того же рода, что Небо и Земля, несет в себе природу пяти постоянств (*у чан*), среди всего живого он самый одухотворенный... Природа (его) опирается на разум, и не опирается на силу. Разум тем ценен, что сохранение меня (т.е. индивида. – А.Л.) считает ценным. Сила тем дешева, что нападение на вещи считает ничего не стоящим»¹².

Исследователи часто оставляют это определение без комментария. Они пропускают в переводе «пять постоянств» (*у чан*) или подменяют их «пятью стихиями» (*у син*), что далеко не одно и то же, а «одухотворенность» (*лин*) трактуют как человеческую разумность. Вероятно, подмена «пяти постоянств», состоящих из *дэ, жэнь, и, ли, синь* (добродетели, человеколюбия, долга, ритуала, веры), «пятью стихиями», включающими *му, хо, ту, цзинь, шуй* (дерево, огонь, землю, металл, воду), происходит потому, что «пять постоянств» считаются прерогативой конфуцианства, а Ян Чжу по общему признанию даосист. Однако «пять постоянств» вырабатываются еще в дофилософской культуре Дао. Например, в виде пяти цветных узоров «пять постоянств» фиксируются на духовном облике Фэн-Хуана (Феникса), который играет роль этнического тотема древних китайцев: «Еще на Восток 500 ли (стоит гора), называется Даньсюэ-гора. Ее вершина полна золота и камней. Дань-вода вытекает из нее

и, на Юг протекая, впадает в Бохай. Есть птица там, своим видом она подобна петуху, (на опереньи у нее проступают) пять цветных узоров. Имя ее Фэн-Хуан. Узор головы называется *дэ* (добродетель), узор крыльев называется *и* (долг), узор спины называется *ли* (ритуал), узор груди называется *жэнь* (человеколюбие), узор живота называется *синь* (доверие). Эта такая птица, которая пьет и ест природу (*цзы жань*), себя поет (*цзы гэ*), себя танцует (*цзы у*). Когда она появляется, то Поднебесная умиротворяется и успокаивается»¹³.

Данная запись взята из трактата «Шань хай цзин» («Канон гор и морей», (III – II вв. до н.э.). Он не конфуцианский и не даосистский, в своем генезисе ни одна из этих философских традиций с ним не связана и Фэн-Хуан как мировоззренческий символ не принадлежит ни той, ни другой школе. Следовательно, определяя природу человека посредством «пяти постоянств», Ян Чжу использует духовную архетипическую модель, которая еще только в перспективе может стать достоянием любой философской школы.

Казалось бы, конфуцианство и даосизм, наследуя дофилософскую культуру Дао, тоже должны были определять природу человека посредством модели *у чан*. Однако, как это ни странно, первостепенный по своему практическому и теоретическому значению конфуцианский канон «Ли цзи» («Записи о ритуале») определяет природу человека не через духовную модель *у чан*, а через коррелятивную ей физическую модель *у син*, то есть через *му, хо, ту, цзинь, шуй* (дерево, огонь, землю, металл, воду): «Человек – это Дэ Неба и Земли, сопряжение *инь* и *ян*, слияние души и духа, цветение *ци* (семени-энергии) пяти стихий (*у син*)... Человек – сердцевина Неба и Земли, начало и конец пяти стихий (*у син*), среди всего живого он тот, кто чувствует вкус пищи, различает музыкальные звуки и одевается в цветное платье»¹⁴.

Несомненно, это конфуцианское определение предполагает наличие у человека и духовной природы. Однако при сравнении по архетипическим основаниям *у чан* и *у син* человек, согласно Ян Чжу по своей природе является духовным, а согласно конфуцианству – физическим. На это же различие указывает и то, что по определению Ян Чжу человек *среди всего живого* наиболее одухотворенное (*лин*) существо, по конфуцианскому определению – он физическое существо (ест, слушает музыку и носит платье).

Содержание духовности человека у Ян Чжу отличается от конфуцианской духовности. Последняя представляет собой слияние небесного духа-*шэнь* и земной души-*гуй*, образующих единство *шэнь-гуй*. Духовность же у Ян Чжу выражается в виде духовности-*лин*. Определение *лин* мы не встретим ни у Ян Чжу, ни у Ле-цзы, однако в этом может помочь трактат «Хуайнань-цзы». Он воспроизводит дофилософскую картину мира, где духовной мерой космоса выступает Кунь-Лунь – центральная гора Поднебесной, или Нижняя Столица Первопредка: «Если с холма Кунь-Лунь подняться на высоту вдвое большую *эго*, то это будет Лянфэн-гора. Взшедший туда становится бессмертным. Если подняться на высоту еще вдвое большую, то это будет Сюаньпу (Висящий Сад). Взшедший туда становится духом-*лин*, способным управлять ветрами и дождями. Если подняться на высоту еще вдвое большую, то это и будет Высшее Небо. Взшедший туда становится духом-*шэнь*. Это и есть обитель Тайцзи (Высшего Первопредка)»¹⁵.

Согласно этому построению, духовность-*лин* занимает среднее положение между бессмертием и духом-*шэнь*. В роли срединного звена она вбирает в себя ниже и выше стоящие духовные качества и человек у Ян Чжу в своей одухотворенности-*лин* раскрывается как существо бессмертное и одухотворенно-божественное – не отдельный индивид, не поколение, а именно человек вообще, человек в архетипе *у чан*.

Определив природу человека вообще по архетипу *у чан* и отграничив существование человека эмпирического вехами рождения и смерти, Ян Чжу наравне с критикой конфуцианства, как мы в этом убедимся ниже, выступает

и с критикой даосизма. При этом он использует новые методологические приемы. Во-первых, исходя из определения природы человека, Ян Чжу разводит духовную и телесную сущности человека до относительно самостоятельных величин. Во-вторых, Ян Чжу освобождает чувства человека от даосистского императива «закрытия» и дает им выход вовне. В-третьих, Ян Чжу обращает мировоззренчески разнонаправленные даосизм и конфуцианство друг на друга. Он вынуждает их к обоюдной рефлексии и осуществляет их критический синтез, в свете которого философски переосмысливаются архетипические мифологемы природы человека (*у чан*) и духовности (*лин*). Поскольку Ян Чжу берет даосизм и конфуцианство в земном облики, т. е. в виде персонального творчества представителей этих школ, стиль философствования самого Ян Чжу приобретает черты иронии и юмора. Ян Чжу переодевает конфуцианца в даосиста и наоборот, дает им возможность потанцевать на арене пульсирующей естественности и почувствовать, как, притронувшись к естественности, ведут себя конфуцианец в одежде даосиста и даосист в одежде конфуцианца. То же самое Ян Чжу продельвает и с даосистскими молчаливыми образами, и с конфуцианскими озвученными категориями, наполняя их оболочки противоположными смыслами. Философские идеи замыкаются Ян Чжу в хороудный круг и разыгрываются на арене естества как сценическое действие или преобразуются в художественно разработанную притчу.

Контекст суждений Ян Чжу показывает, что он хорошо знает ключевые положения учения Лао-цзы и развивает их в антиконфуцианском критическом аспекте. Прежде всего это касается вопроса о принадлежности тела человеку. Лао-цзы дает два варианта ответа на этот вопрос соответственно формам существования человека. Как эмпирическое существо человек, несомненно, обладает собственным телом: «Я потому испытываю большие страдания, что имею тело. Если бы у меня не было тела, разве я испытывал бы какие-либо страдания?»¹⁶. Как метафизическое, или, точнее, вселенское существо, человек не обладает индивидуальным телом. Таковыми были ученые мужи (*ши*) далекой древности, которые ушли в сокровенно-тайное первоначало *Дао* и сокрылись в недостижимой глубине первозданного хаоса. Их человеческая оболочка пуста. Они, конечно, могут вновь воплотиться в человеческом облике, но сохраняют *Дао* и не страдают телесного наполнения¹⁷.

Позиция Ян Чжу отличается от позиции Лао-цзы. У Ян Чжу нет вселенского бестелесного человека, сущность которого выходила бы за границы наличного бытия. У Ян Чжу есть космический человек, телом которому служит тело всей Поднебесной. Космический человек в эмпирическом бытии умножается во множестве индивидов, которые собственным телом, в отличие от того, как учит Лао-цзы, не владеют. Тело – это временное пристанище отдельного человека в пределах физического рождения и смерти, в общем-то досадная необходимость и нудная обязанность, ибо тело нужно холить и кормить. Человек как будто попадает здесь в индивидуальную телесную ловушку и становится носителем социальных иллюзий мудрости и глупости, прекрасного и безобразного, славы и позора и т.п. Попытка насильственного присвоения себе тела лишь укрепляет иллюзию надуманных ценностей личной жизни и усугубляет самообман человека. Поэтому лучше всего поступать так, как поступает совершенномудрый человек, считая свое тело и вещи достоянием всей Поднебесной:

*У человека когти и зубы не так остры,
чтобы обезопасить и сохранить себя.
Мышцы и кожа не так крепки,
чтобы самому защитить себя.
Бег и ходьба не так быстры,
чтобы убежать от грозящей опасности.*

Нет ни шерсти, ни перьев,
 чтобы защититься от холода и жары.
 Вынужден использовать вещи,
 чтобы прокормится...
 Пусть телом я не владею,
 но поскольку живу, не могу не сохранять его в целости.
 Пусть вещами я не владею,
 но поскольку они есть, не могу обойтись без них.
 Тело — неизменный хозяин жизни,
 вещи — непременный хозяин питания.
 Хотя в целости сохраняю тело,
 не могу владеть своим телом.
 Хотя не обхожусь без вещей,
 не могу владеть окружающими вещами.
 Владеть этими вещами и владеть своим телом —
 это значит насильственно присваивать тело Поднебесной,
 это значит насильственно присваивать вещи Поднебесной.
 Именно совершенномудрый человек есть тот,
 кто делает всеобщим тело Поднебесной,
 кто делает всеобщими вещи Поднебесной.
 Он и есть совершенный человек.
 Это и называется «совершенным совершенством»¹⁸.

Ян Чжу называет тело «неизменным хозяином жизни», с чего и начинает концептуальную разработку своей философии. Он не предлагает никакой объединяющей людей искусственной социальной формы, посредством которой нужно было бы наводить порядок. Для него нет государства, а есть совокупность соотносящихся друг с другом индивидов. Жизнь их надо не на-лаживать, т. е. искусственно организовывать и стимулировать наградами и наказаниями, а от-лаживать, т. е. отделять ненужную искусность и давать выход природному естеству. Вся жизнь человека в пределах физического рождения и смерти протекает на фоне естественности (*цзы жань*), поэтому и нужно следовать ей, как это делали люди далекой древности: «Люди глубокой древности знали, что с рождением однажды приходят и со смертью однажды уходят, поэтому действовали в согласии с сердцем и не противились тому, что любо естественности (*цзы жань*). Не избегали того, что радует тело, поэтому и не соблазнялись тем, что сулит слава. Плыли по жизни сообразно своей природе, не вредили тому, что любо вещам, не гнались за посмертной славой, поэтому были недосыгаемы для наказаний. Будут ли прославлены сейчас или потом, много ли проживут или мало, о том они и не думали»¹⁹.

Физическая природа и тело человека живут своей жизнью, ее не надо умышленно сдерживать или подгонять. Древние философы, а затем и современные синологи много критиковали Ян Чжу за то, что он не пожертвовал бы и одним волоском для пользы Поднебесной: «Ян Чжу сказал: "Бочэн Цзыгао не воспользовался даже одним волоском, чтобы принести пользу вещам. (Он) отказался от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не воспользовался даже (предоставленным ему) всем телом (Поднебесной), чтобы принести пользу себе. (Он) боролся с потопом и его) плоть наполовину иссохла. Древний человек так и поступал: когда требовалось пожертвовать одним волоском для пользы Поднебесной — не отдавал, а когда вся Поднебесная даровала ему всю себя — не брал. Если бы никто из людей не жертвовал волоском, если бы никто из людей не приносил пользу Поднебесной, то Поднебесная бы упорядочилась».

Цинь-цзы спросил у Ян Чжу: "Случись Вам, Учитель, пожертвовать одним волоском, чтобы помочь миру, пошли бы на это?" Ян Чжу ответил: "Но

ведь миру одним волоском не поможешь". Цинь-цзы вновь спросил: "А если бы можно было помочь, сделали бы так?" Ян Чжу ничего не ответил²⁰.

Дело, конечно, не в личностных качествах Ян Чжу – щедрости или скупости, не в средствах и в размерах помощи – одной вещи или всему миру, а именно в помощи. Ян Чжу вообще критиковать не за что. Во-первых, если одним волоском помогать вещам и всем телом Поднебесной помогать себе, то это значит насильственно присваивать вещи и тело. Во-вторых, такая помощь нанесла бы вред гармоничному пульсу естественности (*цзы жань*), она сбивала бы природу человека и его жизнь с центра в сторону синхронной или диахронной линейной истории. Все это противоречит установкам Ян Чжу и он попросту в молчаливом отказе «помощью волоском» выдерживает свою философскую позицию.

Телу человека нужно открыть его законный путь естества. «Живи открыто, не замыкайся, не загораживайся» – говорит Ян Чжу устами одного из героев своих диалогов и разрабатывает концепцию «вскармливания жизни» (*ян шэн*) и «провождения мертвых» (*сун сы*). Позиция Ян Чжу здесь также обратна позиции Лао-цзы. В частности, Лао-цзы говорит о необходимости «закупоривания» чувств человеческого тела:

Пять цветов ослепляют человека.

Пять звуков оглушают человека.

Пять вкусов забивают рот человека.

Погоня и охота приводят сердце человека в бешенство.

Трудно добываемое богатство вредит человеческим поступкам.

Вот почему совершенномудрый человек занят животом

(= внутренним), а не занят глазами (= внешним).

Вот почему отбрасывает одно, избирает другое.

Закроешь своих чувств отверстия, запрешь к ним доступ извне – до конца жизни не будешь испытывать страданий.

Откроешь своих чувств отверстия, направишь их на пользу делам вовек не отыщешь спасения²¹.

Лао-цзы ведет человека в метафизику Дао, к его бестелесной сущности и потому ограждает человека от воздействия внешнего мира. Ян Чжу, напротив, выводит человека в бытие и открывает отверстия его чувств: ушам нужно позволить слушать то, что хочется, глазам – видеть, носу – обонять, устам – говорить, телу – вести, а мыслям – витать, как им хочется. В этом и состоит суть «вскармливания жизни». После смерти от человека остаются только «гнилые кости» и ему все равно, закопают ли его в землю или сожгут, бросят в реку или положат посреди поля, кинут в канаву или облачат в красивые одежды и поместят в каменный саркофаг. Все это – дело случая. В этом и состоит суть «провождения мертвых».

Концепции Лао-цзы и Ян Чжу не так уж абстрактны относительно жизненных циклов Поднебесной. Человек у Лао-цзы стремится к точке равновесия «недеяния и не недеяния». В конечном пункте восхождения к своему органическому началу он достигает состояния духовного эмбриона Дао, который под действием своего внутреннего импульса рассеивается и образует вселенного человека новой духовной сферы. Совершенномудрый человек принимает на себя управление этой сферой и утверждает нерушимое великое правление²². Человек у Лао-цзы выключается из циклов наличного бытия, где встретились и столкнулись мир рода и мир цивилизации (*вэнь мин* – мир культурного просвещения). Даосистский человек «в недеянии» уходит от противоборства с конфуцианским человеком. Он *сжимает Дао*, сшелушивает с себя наслоения цивилизации и таким образом пытается достичь естественности

(цзы жань) в форме рода: «Пусть царства станут маленькими, а население редким... Пусть люди вернутся к вязанию узелков на веревках и пользуются ими»²³.

Конфуцианский человек тоже стремится выйти из данного хаотического бытия в другое измерение посредством расширения Дао и придти к естественности в форме трансформированного рода, т.е. в форме семьи-государства: «Человек может расширить Дао, но не Дао человека»²⁴.

Однако, ни тот, ни другой человек не достигают границы естественности, точнее, не находят входа в нее. Они прикасаются к естественности именно как человеки определенных типов цивилизаций и получают от естественности энергетическую отдачу, удар, который в даосистском человеке реализуется неуемным внутренним буйством плоти, а в конфуцианском — безудержной внешней активностью разума, выливающейся в государственное, клановое и личностно-бытовое морализаторство.

Ян Чжу берет этих двух «заряженных» естественностью человек и сталкивает их в диалоге для того, чтобы они отрефлексовали естественность, которая продолжает свой неспешный ход. Верный своему стилю, Ян Чжу создает для выражения этой идеи притчу о трех братьях.

В качестве основного литературного персонажа Ян Чжу избрал личность широко известного политического теоретика и практика Цзы Чаня (6 в. до н.э.), который традиционно считается одним из основоположников легизма, но у Ян Чжу фигурирует как носитель идейного комплекса жу — «ученых», т.е. в виде конфуцианца. Итак, жили три брата. Средний брат, Цзы Чань (Гунсунь Цяо), был первым советником в царстве Чжэн. После его трехлетнего, как это водится по конфуцианской доктрине, правления в царстве наступил порядок. Старший брат, по имени Гунсунь Чао, пил вино, приказывая готовить его в тысячах котлов, а младший, Гунсунь Му, любил женщин, не пропуская ни одной красавицы. Они предавались этому непрерывно, так что не замечали, день или ночь на дворе, случились ли пожар или наводнение, мир в стране или война.

Цзы Чань чрезвычайно расстраивался из-за беспорядка в семье, противоречившего конфуцианскому принципу совершенствования себя, семьи и государства. По совету Дэн Си, известного теоретика законодательства, Цзы Чань отправился к братьям «разъяснить важность соответствия природы и судьбы и дать наставления в почитании ритуала и долга», ибо человек существо разумное, а разумом его управляют ритуал и долг, и тот, кто безупречен в отправлении ритуала и долга, добивается славы и чинов. Братья называли его «жалким» и «ничтожным», отказались напрягать свои чувства и природу ради тленной славы. При этом они противопоставили свое поведение и деятельность Цзы Чаня как два различных способа управления миром — «управление внутренним» и «управление внешним»: «Тот, кто искусен в управлении внешним, вряд ли приведет вещи к порядку, но тело свое приведет к истощению. Тот, кто искусен в управлении внутренним, вряд ли вызовет среди вещей хаос, но природе своей даст волю. Твой способ управления внешним может быть действенным лишь в одном царстве, ему нет отклика в сердцах людей. А вот если бы наш способ управления внутренним можно было распространить в Поднебесной, то Дао государя и подданных пришел бы конец»²⁵.

Цзы Чань в растерянности вернулся к Дэн Си и рассказал ему обо всем. Выслушав, Дэн Си заметил, что Цзы Чань жил, как оказалось, с настоящими людьми, а наведенный им в государстве порядок есть дело случая и во все не заслуга Цзы Чаня.

Цзы Чань проиграл и братьям, так как не нашелся, что им ответить, и законодателю Дэн Си, так как последний развенчал заслуги Цзы Чаня. Кажется, что Ян Чжу на стороне братьев, ведь они «настоящие люди» да еще и дают отпор конфуцианцу Цзы Чаню. Однако, по сути, здесь никто не выигрывает. Конфуцианское «Дао государя и подданных» истощилось бы, если бы способ

«внутреннего управления», которого держатся братья, распространился на Поднебесную. А если бы распространился способ Цзы Чаня? Ведь тогда бы истощился способ «внутреннего управления». Ян Чжу достигает здесь другого результата и проводит другую идею. Центральным судьей выступают *вещи*. Им от методов Цзы Чаня и его двух братьев ни холодно, ни жарко: они от этого ни приводятся в порядок, ни ввергаются в хаос, они остаются сами по себе. Вещам нет никакого дела до способов воздействия на них. Они есть то поле, о которое разбиваются и человеческая естественность, и человеческая виртуальная искусственность. Ян Чжу тут, конечно, критикует конфуцианство, но конфуцианство в форме его предельной *человеческой цивилизованности*, в «чистоте» его «ритуала» и «долга». Но он критикует и даосизм, однако тоже только в форме предельной *человеческой естественности*, в «загрязнении» ритуала и долга. Действительно, в упомогаемом пьянстве и буйстве плоти мало чего от подлинного даосизма. Если с правоверного конфуцианца сорвать одежды ритуала, то всплывет его «либидо», а если с такого же даосиста сорвать покровы человеческого естества, то он завопит о ритуале и долге (буйство естества Гунсунь Чао и Гунсунь Му протекает в царских палатах, заберите у них эти привилегии, и они тут же вспомнят о государстве, власти, долге и т.д., ибо тут же из членов царской семьи превратятся в диких скотов и останутся без питья и женщин).

Этот же мотив сопряжения конфуцианства и даосизма звучит и в притче о некоем Дуаньму Шу, получившем огромное наследство. До шестидесяти лет он проматывал его и когда физически ослабел, раздал оставшееся и вскоре в нищете скончался от болезней. Люди его царства собрали и вернули имущество его детям и внукам. Резюме жизни и поступкам Дуаньму Шу таково: «Услышав об этом, Цинь Гули сказал: "Дуаньму Шу сумасшедший человек, он опозорил своих предков"».

Услышав об этом, Дуаньгань Шэн сказал: "Дуаньму Шу мудрый человек, он добродетельно превзошел своих предков.

Его поведение и его действия хотя и возмущали общественное мнение, он тем самым обрел закон искренности. Благородные мужи царства Вэй в большинстве своем руководствуются учением о ритуале, поэтому они и не смогли постичь сердце этого человека"»²⁶.

Конфуцианец Цинь Гули считает Дуаньму Шу «сумасшедшим», а даосист Дуаньгань Шэн - «мудрым человеком». Ян Чжу меняет смыслы конфуцианских категорий. Мало того, что он устами Дуаньгань Шэна называет Дуаньму Шу «мудрым человеком», используя при этом конфуцианскую категорию *да жэнь*, этот Дуаньму Шу, оказывается, еще и тот, кто «обрел закон искренности» (*чэн ли*) и имеет непостижимое для конфуцианцев сердце (*синь*). Чтобы лучше понять, на что посягает в данном случае Ян Чжу, обратимся к трактату «Чжун юн» («Следование середине»), разъясняющему конфуцианское содержание категории «искренность».

Искренность характеризуется как онтологическая категория, равномогущая категории космоса. В своей совершенной неподвижности она есть идея, содержащая все от начала до конца смыслы созидания, изменения и упорядочения вещей:

Совершенная искренность не истощается.

Если не истощается, то [она] вечная.

Если вечная, то протяженная.

Если протяженная, то длительно-долгая.

Если длительно-долгая, то широко-щедрая.

Если широко-щедрая, то высоко-светлая.

Широко-щедрая - то, на чем несет вещи.

Высоко-светлая - то, чем покрывает вещи.

*Длительно-вечная - то, чем созидает вещи.
 Будучи широко-щедрой - чета Земле.
 Будучи высоко-светлой - чета Небу.
 Будучи длительно-вечной - не имеет границ.
 Будучи таковой, [она] не проявляется, но упорядочивает,
 не движется, но вызывает изменения,
 не делает, но созидает²⁷.*

В самосозидании (самосовершенствовании) человека искренность предстает в качестве человеколюбия (жэнь), в созидании вещей – в качестве знания/мудрости (чжи). Созидается (совершенствуется) в человеке и в вещах их природа (син), несущая сущность нравственной добродетели дао, а сочетание в созидании внутреннего и внешнего означает дао. Наравне с неистощимостью искренности самосозидание человека и вещей протекает непрерывно²⁸. Человек совершенной искренности, превращаясь в онтологическую идею, приобретает способность исчерпания природы людей и вещей. Он становится величиной, которая содействует преобразующим и питающим силам природы и составляет с Небом и Землей трицу²⁹.

Вот это-то содержание искренности Ян Чжу и подменяет содержанием поведения и действий Дуаньму Шу. Несомненно, следовало ожидать, что конфуцианская школа остро отреагирует на такие содержательные метаморфозы и на обвинение в гносеологической слабости конфуцианского ритуала, не способного достичь глубин сердца такого человека, как Дуаньму Шу. К тому же, Ян Чжу обесценивает и другие ключевые категории конфуцианства. Например, преданность (чжун) и долг (и), по его мнению, не могут уберечь государя от опасностей и принести пользу вещам, а лишь наносят вред тем, кто держится требований этих категорий. Тем самым преданность и долг обесславливаются перед лицом «древнего дао», согласно которому правитель и подданный находятся в покое, а вещи и человек – в отношениях обоюдной пользы³⁰.

Развертывая смыслы жизни человека над зеркалом естественности, Ян Чжу стирает памятные вехи конфуцианства, укрепленные в историзированных мифологических персонажах и выдающихся правителях древности: «Деянья старины глубокой канули в небытие. Кто ныне помнит их? Деянья Трех Владык – то ли были, то ли нет. Деянья Пяти Предков – то ли явь, то ли сон. Деянья Трех Царей – частью скрыты, частью видны, из их несметного числа не припоминаем и одного». Человеческой памяти здесь не на что опереться, всё славное и дурное забыто, будь то мудрое или глупое, доброе или злое, совершенное или ущербное, правдивое или ложное – всё истерлось и исчезло³¹. Поэтому, как опять же говорит Ян Чжу, незачем гоняться за призрачной славой и утруждать свои дух и тело.

Наконец Ян Чжу дошел в своих заявлениях до того, на что не отважился даже Конфуций. Это прямо относится к управлению Поднебесной. Согласно записям «Чжун юна», Конфуций «следовал заветам Яо и Шуня, уважал законы Вэнь-вана и У-вана, вверху брал в пример небесный круг времен, внизу перенимал (естество) рек и почв»³². А У-ван и его брат Чжоу-гун «настолько понимали суть ритуала жертвоприношения Небу и Земле и Большого жертвоприношения в Храме Предков, что управляли страной так, будто держали ее на ладони»³³. Конфуцию не удалось овладеть этим тайным способом: «Некто спросил о сути жертвоприношения в Храме Предков. Учитель ответил: "Не знаю. А случись знать его смысл, управлял бы Поднебесной, как будто она вся у меня вот здесь" – и указал на свою ладонь»³⁴. Ян Чжу же, который по словам его визави, главы царства Лян, не справлялся даже с женой и наложницей, без обиняков заявил: «Управляю Поднебесной, как будто вращаю ее на ладони». А все свои аргументы в пользу сказанного сводит к соотношению малого и великого: «Кто управляет великим, не управляет малым,

кто одерживает великие победы, не одерживает малых»³⁵. Ян Чжу снова и снова иронизирует над конфуцианцами, направляющими свою активность «вовне», и заодно над даосистами (в других притчах), обращающими свое сознание «вовнутрь».

Анализ воззрений Ян Чжу позволяет сделать обоснованное предположение, что он не эпигон какого-либо из современных ему учений, а вполне самобытный философ. Основания его философской позиции нужно будет еще уточнять и мировоззренчески конкретизировать, но уже сейчас ясно, что оценочные характеристики современной синологии не адекватны Ян Чжу.

Во-первых, современная историко-философская наука не располагает филологически достоверными данными о том, что принцип «вэй во» – «для меня» – провозглашен Ян Чжу. Не располагала ими и древность. По всей вероятности, этот принцип *приписал* Ян Чжу апологет конфуцианства Мэн-цзы. Он не назвал ни одну из инстанций, где бы читатель мог убедиться в наличии этого принципа у Ян Чжу. Мнение толпы, на свой лад пересказывающей слова Ян Чжу, в данном случае не аргумент. Остается только предполагать, что Мэн-цзы искусственно создал этот принцип, провозгласил его принципом учения Ян Чжу, связал его с принципом «цзянь ай» – «всеобщей любви» Мо-цзы и превратил все это в идеологему. В суждениях Мэн-цзы диада «вэй во – цзянь ай» имеет не философский, а именно идеологический статус, что отчетливо прочитывается и у самого Мэн-цзы. Он озабочен вовсе не теоретическим спором о месте человека в мире, а тем, что «речи Ян Чжу и Мо-цзы заполнили Поднебесную. В суждениях своих Поднебесная стоит если не за Ян Чжу, то за Мо-цзы. (Принцип) Ян Чжу "для меня" означает не иметь государя. (Принцип) Мо-цзы "всеобщая любовь" означает не иметь отца. Не иметь отца, не иметь государя – значит быть диким зверем»³⁶. С позиции Мэн-цзы учения Ян Чжу и Мо Ди идеологически и политически противостоят конфуцианству.

Даосист Чжуан-цзы тоже неоднократно называл Ян Чжу и Мо Ди вместе. Он резко осуждал их за то, что они «выставляют свое Дэ напоказ и вызывают хаос в Поднебесной»³⁷. Они «увлекаются спорами», их Дао никчемно, что «не отвечает совершенной прямо́те Поднебесной», поэтому им нужно «зажать рты»³⁸. Кроме того, «Ян (Чжу) и Мо (Ди) начали обособляться и считают, что именно они достигли просвещенности»³⁹. Чжуан-цзы со знанием дела критикует учения Ян Чжу и Мо Ди, однако нигде даже не упоминает о принципе «для меня». Трудно представить, чтобы Чжуан-цзы, будучи современником Мэн-цзы, не знал об этих принципах. Следовательно, данные принципы числились только в критическом арсенале конфуцианцев и были неприемлемы для даосистов, или, во всяком случае, последние относились к ним равнодушно. Так что со стороны философского содержания учения Ян Чжу атрибутирования ему принципа «для меня» так же, как и с филологической стороны, не состоятельно.

Отсутствие филологической и философско-содержательной достоверности наличия принципа «вэй во» – «для меня» – у Ян Чжу лишает современную синологию основания для квалификации его учения в качестве «индивидуализма», «субъективизма», «эгоизма» и т.д. Эти характеристики попросту внеположны философскому статусу учения Ян Чжу.

Во-вторых, Ян Чжу сталкивает даосизм и конфуцианство друг с другом, но не на дистанции, а буквально переодевая даосиста в конфуцианца и конфуцианца в даосиста. Он осуществляет их синтез, причем не по собственной прихоти, а в ответ на требование культуры Дао сохранять свою органическую целостность. Дело в том, что в философском самосознании Поднебесной недоставало синтетического центра Дао, и Ян Чжу выполняет эту историко-философскую миссию. Процедуру соединения даосизма и конфуцианства он проделывает над энергетической ретортой естественности (цзы жамь), отчего синтетическое даосистско-конфуцианское полотно бугрится, приобретает обра-

зы и оформляется в слове. Конфуцианец и даосист начинают так вести себя, так петь и танцевать на социально-природной арене, что вызывают смех. А всё потому, что даосизм пытается создать *естественного человека* посредством недеяния (*у вэй*), а конфуцианство – создать *искусственного человека* посредством культуры (*вэнь*). При этом они забывают собственно о *естественном человеке*, о его самости и тождественности миру космоса и вселенной. Потому-то они и выглядят смешными. Ян Чжу возвращает в план человеческого самосознания человека естественности и напоминает, что он «того же рода, что Небо и Земля». Ян Чжу ставит его в сопряжение двух родов вечности – рождения и смерти и дает человеку экзистенциальную возможность самому, в себе и для себя (не для показа) осмыслить и пережить радость и трагедию индивидуального, космического и вселенского существования в естественной самости (*цзы жань*).

В-третьих, в той Поднебесной, о которой говорит Ян Чжу, люди живут внизу *на Земле*, ближе к области тьмы и зла. Ян Чжу открывает им образ человека естественности, место которому в центре между Небом и Землей. Тем самым Ян Чжу поворачивается от социоморфной Поднебесной, с ее векторной ценностно-познавательной направленностью сверху вниз, к Космосу, сфокусированно на Центр, и уравнивает его. Он антропоморфизует Космос, достраивает его до исконной космологической триады Неба-Человека-Земли. Вместе с естественным человеком Ян Чжу привносит недостающую срединную духовность – *лин* и одновременно особое духовное познавательное звено и способность – *сердце (синь)*. Такой человек органически вписывается в космос и предстает перед даосистским и конфуцианским философами и толпой в сущностном образе пульсирующей человеческой самости. И те, и другие, т. е. и философы, и простые люди понимают его на свой лад: одни критикуют его согласно своим школьным истинам, другие перевирают его на перекрестках дорог согласно мнению толпы.

В-четвертых, Ян Чжу дал определение природы человека в архетипе *у чан*. Этим его учение принципиально отличается от даосизма и конфуцианства, согласно которым человек обладает физической природой, определяемой в архетипе *у син*. По сути, у даосистов и конфуцианцев это еще не человек, а только человеческий субстрат. Его еще нужно духовно обрабатывать, полировать и доводить до совершенной степени архетипа *у чан*, коррелятивного *у син*. Такова конечная цель даосизма и конфуцианства. Ян Чжу сразу начинает с природы человека, определяемой архетипом *у чан*. Человек у него не совершенствуется, он уже состоялся как человек и всякая дальнейшая попытка его улучшения ведет только к деградации. То, чем философская антропология даосизма и конфуцианства заканчивается, философия Ян Чжу начинается, но, следовательно, телеологически *как философия* и заканчивается. Поэтому Ян Чжу и не разворачивает никакого философского дискурса. У него нет *собственно учения*, построенного на аксиомах, гипотезах, умозаключениях, доказательствах. В своей проповеди Ян Чжу не доказывает, но вещает символами, отливающимися в форму парадокса: рождение и умирание, жизнь и смерть, миг и вечность, слава и позор, богатство и бедность – одно и то же. Парадоксы Ян Чжу вносят в сознание человека *отсутствие размышления* и обращают его к медитативному освоению архетипических смыслов подлинной человеческой природы *у чан*.

1. Мэн-цзы / Предисл. Л.Н. Меньшикова. Пер. с кит., указ. В.С. Колоколова. Под ред. Л.Н. Меньшикова. СПб., 1999. С. 98, 100.
2. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (У I – IV вв. до н.э.). Вступ. ст., пер. и комм. Л.Д. Позднеевой. С. 179.

3. Чжуан-цзы, Ле-цзы // Пер. с кит., вступ. ст. и примеч. В.В.Малявина. М., 1995. С. 310.
4. Чжуан-цзы // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.3. С. 363.
5. См.: Петров А.А. Ян Чжу – вольнодумец древнего Китая // Советское востоковедение. М.–Л., 1940. Т.1. С. 174-181; Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. М., 1966. С. 3-29.
6. Петров А.А. Ян Чжу – вольнодумец древнего Китая. С.175.
7. Быков Ф.С. Зарождение общественно-политической и философской мысли в Китае. С.130-135.
8. Ян Хиншун. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984. С.96.
9. Атеисты, материалисты, диалектики древнего Китая: Ян Чжу, Лецзы, Чжуанцзы (VI – IV вв. до н.э.). С. 7, 10, 13, 35 и др.
10. Ле-цзы // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.3. С. 84.
11. Петров А.А. Ян Чжу – вольнодумец древнего Китая. С.185.
12. Ле-цзы. С. 85.
13. Шань хай цзин (Канон гор и морей). Шанхай, 1985. С.8.
14. Ли цзи (Записи о ритуале) // Шисань цзин чжу шу (Тринадцать канонов с комментариями и пояснениями к комментариям). Пекин, 1983. Т. 2. С. 1423, 1424.
15. Хуайнань-цзы (Философ из Хуайнани) // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.7. С. 57.
16. Дао дэ цзин (Канон дао и дэ) // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.3. §13.
17. Там же. §15.
18. Ле-цзы. С. 85.
19. Там же. С. 78.
20. Там же. С. 82-83.
21. Дао дэ цзин. §12, 52.
22. Там же. § 28.
23. Там же. § 80.
24. Лунь юй (Беседы и суждения) // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.1. ХУ.29.
25. Ле-цзы. С. 81.
26. Там же. С. 82.
27. Чжун юн (Следование середине) // Сы шу у цзин (Четыре книги и Пять канонов). Пекин, 1985. Т.1. §26.
28. Там же. § 25.
29. Там же. § 22.
30. Ле-цзы. С. 86-87.
31. Там же. С. 85.
32. Чжун юн. § 30.
33. Там же. § 19.
34. Лунь юй. III.11.
35. Ле-цзы. С.85.
36. Мэн-цзы // Чжу цзы цзи чэн (Собрание сочинений всех философов). Шанхай, 1986. Т.1. С. 269.
37. Чжуан-цзы. С. 162.
38. Там же. С. 142, 161.
39. Там же. С. 203.

Новые темы в современной китайской литературе

© 2001

А. Желоховцев

На грани веков меняется все, даже содержание, казалось бы, такого стабильного явления, как китайская литература. Еще не так давно и в голову не могло прийти, что о событиях в Ираке или Югославии можно узнать из художественной литературы на китайском языке. А сегодня китайские авторы пишут о событиях международной жизни, потому что их соотечественники участвуют в этой жизни и способны видеть происходящее там как бы изнутри, а не из своего китайского далека.

Это явление, безусловно, новое для китайской литературы прежде всего по своей масштабности. Международная тема, жизнь за границей, китайцы за границей – все это вдруг стало интересовать китайского читателя, который готов такую литературу покупать и читать, а за интересом читательским следует и интерес писательский. В литературе начала XX в. уже находила отражение жизнь за границей, и здесь в первую очередь вспоминается замечательная книга Цюй Цюбо "Путевые заметки о новой России". Свою книжку Цюй Цюбо написал еще в 1921 г., в свое время в Китае она стала библиографической редкостью, вызвавшей интерес среди прогрессивно мыслящей молодежи. В нашей стране она была издана только в 1979 г.

Заграничная тематика, присутствовавшая в китайской литературе, всегда была как бы на литературной периферии, удовлетворяя спрос весьма узкого круга читателей. В конце XX в. ситуация изменилась, и произведения о жизни за рубежом вышли на первое место и по тиражам, и по вниманию критики, и даже – по литературным достоинствам. Их стали читать очень широко, особенно учащаяся молодежь, которая, размышляя о собственном будущем, вынашивала и надежды на учебу за границей.

Теперь Китай – открытая страна, и каждый может выехать куда угодно, были бы на это средства да иностранная виза. Не потому ли нередким явлением стали браки китайских девушек с иностранцами, что тоже находит отражение в книгах писателей?

Современная действительность ежедневно поставляет информационное "сырье" для литературного творчества на актуальные темы. В 1999 г. по Китаю прокатилась волна возмущения после гибели китайских дипломатов в Югославии. Тема "горячих точек" планеты, казалось бы, такая далекая, вдруг, как магнит, привлекла читателей. И китайские писатели спешат удовлетворить возникший интерес.

В эпоху широких связей между странами международная тематика в китайской литературе воспринимается как естественное явление. Открытая политика, свободная экономика, ежегодно нарастающий туристический вал, сотни тысяч людей, пересекающих прежде закрытые границы, — столь заметные явления социальной жизни находят отражение в литературе. Однако одной тематикой дело не ограничивается. Буквально во всем мире появляется и распространяется китаеязычная литература, возник даже новый термин *хуа вэнь вэньсюэ*. Например, в Москве выходят уже несколько газет на китайском языке, хотя по числу такого рода изданий Россия отстает от США и Канады. Широкое распространение китайской эмиграции обеспечивает китаеязычной литературе читателей во всех странах мира, поскольку теперь китайцы грамотны и владеют своей иероглифической письменностью, тогда как сто лет назад живущие за рубежом китайцы были в большинстве своем неграмотны и стремились прежде всего овладеть языком страны своего пребывания. Это раньше китайцы за границей были кули, а теперь они и в науке, и в журналистике, и, безусловно, в бизнесе и коммерции. Материал китайские писатели в изобилии черпают из жизни соотечественников. Личные судьбы героев их произведений часто поражают неожиданностью перипетий и могут стать основой увлекательного чтения.

Велика ли доля литературного вымысла в современных китайских книгах на темы о жизни в других странах? Конечно, сюжет может быть вымышленным, но события изображены столь достоверно, что они явно имеют фактическую основу. Да и не столь еще китайские писатели изучили зарубежную действительность, чтобы позволять себе вольные фантазии, особенно в произведениях реалистической направленности.

В журнале "Бэйцзин вэньсюэ" (1999, № 3) опубликована повесть молодого писателя Ван Туна "Смешная для Иисуса жизнь", пользующаяся читательским признанием. Для китайца, живущего в обществе с конфуцианской традицией, в той или иной мере еще живой и родной для каждого, кто родился и вырос в Китае, вся заграница выглядит как единый христианский мир. Но этот мир Иисуса сколько-нибудь строго не соблюдает сегодня ни заповедей, ни морали древнего вероучителя, оторвавшись от христианских понятий столь далеко, что можно даже говорить о приверженностях к противоположным ценностям. Нынешняя политическая жизнь была бы для Иисуса смешной — утверждает самим заглавием повести китайский автор, который смотрит на христианские традиции с симпатией, но извне, из иного духовного мира, и, может быть, поэтому ее раздвоение так бросается ему в глаза.

В повести Ван Туна калейдоскопичен сюжет, непривычно меняются годы и место действия, но стабильны основные герои, которые авторской волей переносятся туда, где совершаются наиболее актуальные события. Герои повести Ван Туна — журналисты-международники.

Китайский журналист, от чьего имени идет повествование, начинает службу в Западной Германии еще до объединения с ГДР, зная имена лишь двух знаменитых немцев: Карла Маркса и Бертольта Брехта. Далее профессия

журналиста-международника заносит его в "горячую точку" Европы – Югославию, Белград, Сараево... Там опасно, есть жертвы среди коллег – иностранных журналистов, но автор отмечает и равнодушие своих соотечественников к войне в далекой от Китая стране. Их отклик на рассказы и впечатления журналиста ограничивается репликой: "Мы этим перекормлены". Еще в Германии журналист впервые увидел китайскую девушку, маньчжурку по национальности, На Цинмэй. В Югославии ее называют Настей.

Родители ее были репрессированы в 60-х годах: отец принадлежал к маньчжурской аристократии, близкой к Цинской династии. Девочкой попала в провинцию Хэйлуунцзян на строительные работы. Первые иностранцы, которых она увидела, были русские, а первый боевой опыт получила на острове Даманский (по-китайски Чжэньбаодао) под огнем советской артиллерии, когда подносила снаряды китайским пограничникам.

Маньчжурка На Цинмэй была реабилитирована и направлена в Пекинский университет. Началась журналистская работа. Но произошел трагический случай – ее изнасиловали хулиганы. Их, конечно, поймали, был вынесен суровый приговор: кому расстрел, кому двадцать лет тюрьмы. А жертве пришлось менять место работы. В отчаянии она решается всего после нескольких свиданий на брак с американцем Дэвисом, который увозит ее в штат Пенсильвания.

Приключения китайки в Америке – вообще популярный сюжет в современной китайской литературе. Здесь мы видим и нагромождение страстей, и головокружительный успех, и приступы отчаяния. В повести Ван Туна есть все в полном наборе: скандал в гангстерской среде, развод с мужем-американцем, потеря работы в библиотеке. Затем новое удачное трудоустройство – после собеседования с сотрудником ЦРУ На Цинмэй становится корреспондентом американской телерадиокорпорации: у нее оказались два важных козыря – участие в боях на острове Даманский и публикации в китайской прессе, плюс к тому отличное владение английским языком. В общем начался испытательный срок на передовых позициях американской журналистики. Удалось задать вопрос президенту Бушу-старшему перед телекамерами. Это стало первым успехом молодой журналистки. За ним последовал второй: командировка в Ирак на войну в Заливе. Горячая точка!

На этой войне На Цинмэй пробыла от начала до конца. Иракские власти разрешили американской журналистке китайского происхождения пребывание в стране, предоставляли необходимую информацию, допускали на пресс-конференции Саддама Хусейна.

Работа в американской компании Си-Эн-Эн вполне устраивала журналистку: после Ирака ее командировали в Боснию, в Сараево. Там она встретила китаеведа Кирилла Космача, профессора местного университета. Космач выходил ее после ранения в Боснии. Когда она получила назначение корреспондентом Си-Эн-Эн в Пекин, он сопровождал ее и начал преподавать там хорватский язык и литературу.

Повесть кончается зарисовкой ночного Багдада в декабре 1997 г. Герой повести, китайский журналист, находится здесь в качестве иностранного корреспондента. Американская авиация снова бомбит город, взлохоти ракетных взрывов рвут ночную темь, российская Дума требует от Клинтона прекратить бомбежки, и по радио вновь звучит знакомый голос На Цинмэй с ее беглой английской речью – она оказывается тоже здесь, в "горячей точке", во второй раз в Багдаде.

“Женщина. Война” – этими двумя словами кончается повесть, вобравшая в себя столь редкостную судьбу двух корреспондентов-китайцев за границей.

Характерна для китайской литературы, выходящей на мировую тематику, за географические рамки своей страны, и повесть “Бесконечные годы и месяцы” лауреата Лусиневской премии Чи Ли (“Дандай”, 1998, № 5). Это история девушки, вступившей в жизнь в годы “культурной революции”, но сумевшей получить образование, квалификацию, добиться благополучия, о котором ранее и не мечталось. А начинается повесть в уезде Хунху. Юноши и девушки везут сельские подарки к новогоднему столу руководителям Уханьского металлургического комбината. Подарки скромные: несколько корзин красных соленых яиц, утиные яйца сунхуа, лотосы с озера Хунху, крупные лини, корзина черепашек и больше десятка живых куриц. По дороге героиня (ее зовут Дэн Чжихоу) знакомится с молодым парнем – Большим Мао, который тоже добивается жизненного успеха, но его путь – международный бизнес. Впоследствии Большой Мао уехал в Гуанчжоу, начал работать в особых экономических зонах – Шэньчжэне, Чжухае, ездит за границу, получил право на жительство в Германии, купил себе там уютный дом. Деньги для него как представителя богатой экспортной фирмы перестали быть проблемой. Они принесли ему новую уверенность и новый взгляд на мир.

“Новая эпоха уже пришла! – рассуждает Большой Мао. – Китай находится на перепутье нового и старого, реформа экономической системы неизбежна, необходимо безжалостное упорядочение социальной системы... Китайцы могут освободиться и стать людьми”.

Героиня же повести Дэн Чжихоу живет в Ухани, хотя побывала в Шэньчжэне и Пекине. Она печатается в журналах, материально обеспечена, у нее хорошая квартира, дом в деревне (нуншэ), небольшая личная машина. По китайским меркам, это обеспеченная жизнь высококвалифицированного специалиста. И все-таки она ощущает какую-то приниженность рядом с навестившим ее на даче другом юности. Большой Мао уже купил себе дом в США. “Когда китаец покупает дом в Америке, это всегда дело стоящее”, – думает героиня. Она же продолжает жить в Китае, в городе Ухани, с его крайне тяжелым климатом, мучительной летней жарой, где просто жить – уже нелегко. Но зато “нельзя не признать, что вода в Ухани сладкая...”

Вот таким образом новая повесть Чи Ли затрагивает зарубежную жизнь. По географии его произведение тоже непривычно широко для китайской литературы.

Начиная, пожалуй, с 1998 г. становится особенно заметным это стремление китайских авторов расширять тематические и временные рамки, выходить за пределы национального бытия.

Один из самых доступных способов продемонстрировать китайским читателям и всему миру общемировое значение распространяющейся все шире китайской литературы, ее “глобализации” – это публикация в самом Китае произведений китайских писателей, живущих за границей. В прежние годы такое было редкостью и великим счастьем для писателя-эмигранта, теперь стало обычным явлением. Назовем для примера повесть американки китайского происхождения Хэ Цзя “Беззвучное течение” (“Дандай”, 1998, № 5). Это серия картинок из жизни женщины-психоаналитика, практикующей в США. Повесть написана на китайском языке, но в остальном в ней мало китайского, зато многое совпадает с американской литературой: душевные расстройства персонажей, пограничные состояния психики. Главное же в том, что героиня

настойчиво напоминает читателю, что она, китаянка, живет по-американски, а не по-китайски, для нее привычен американский образ жизни и только внешность и упоминание о том, что она китаянка, отличают ее от остальных американцев.

Наиболее полную картину взаимопроникновения китайской и зарубежной тематики в современной литературе дают многочисленные и популярные у читателя, особенно молодого, сочинения китайских авторов, обучавшихся за границей. "Иностранные студенты" у себя на родине создали свою собственную литературу, которую так и стали именовать лю сю э ш эн в эн с ю э (дословно переводится как "литература студентов, обучавшихся за границей"). Это естественное явление в условиях политики открытости. Желающих учиться за границей в Китае много больше, чем имеющих возможность туда попасть, и вся эта молодежь – жадные читатели студенческой литературы, как ее удобнее нам называть для краткости.

Книги эти представляют причудливую смесь из стремления авторов одновременно быть похожими на лучших китайских писателей XX в. и подзаработать на создании популярного, хорошо раскупающегося чтива.

Известнейшие китайские писатели XX в. учились или работали за границей. В Японии учились Лу Синь, Го Можо, Се Бинсинь, во Франции – Ба Цзинь, в Англии работал Лао Шэ, а в СССР – Цюй Цюбо, Эми Сяо (Сяо Сань). Таким образом, богатая литературная традиция у студенческой литературы в Китае есть, но только знаменитые предшественники не гнались за коммерческим спросом, а питались, как принято говорить, "собственными корнями".

Недавно в китайской столице поступил в продажу роман Юй Сю "Солнечная птица. Моя учеба за границей. Моя любовь", изданный в Нанкине в прошлом году.

Биография романистки весьма характерна. Юй Сю родилась в Шанхае в 1974 г., в 1984 г. вместе с родителями переехала в Шэньчжэнь, в 1993 г. поступила в Шэньчжэньский университет. Через два года поехала учиться в США и в 1999 г. закончила Калифорнийский университет. В этой студенческой биографии есть, однако, необычная, яркая страница: в 16 лет Юй Сю написала роман "Пора цветов, пора дождей", который имел всекитайский успех, разошелся тиражом свыше миллиона экземпляров, получил четыре премии; по нему был снят кинофильм, созданы телеспектакли и радиопьеса и даже выпущен комикс. Юная студентка стала популярной писательницей. И вот "Солнечная птица" – ее новый роман – выходит в свет тиражом сразу в 200 тысяч экземпляров.

За четыре года учебы в США Юй Сю не написала ни строчки. Возвратившись на родину, она встречалась с читателями своего первого романа, с корреспондентами популярных журналов, с издательскими работниками, и все задавали ей один и тот же вопрос: "Когда же появится второй роман?" И тогда она приняла решение. "Я подумала про себя: нельзя дальше тянуть. В середине декабря вернулась из Шэньчжэня в Лос-Анджелес. В первый день нового 2000 года я начала писать".

Ничего подобного в китайской литературной практике прежде не было. Книга начата 1 января, послесловие подписано в Шэньчжэне 18 августа, в сентябре она опубликована в Нанкине – завидная быстрота для написания и издания любого романа на любом языке. Все это не похоже на прежнее неспешное, иногда многолетнее прохождение рукописи через бесконечное количество обсуждений и переработок. Пожалуй, так работают ныне авторы поп-романов

в странах Запада и сегодняшней России. Юная китайская романистка в этом больше походит на них, чем на писателей старшего поколения своей страны.

Вероятно, у самой романистки и у ее литературных героев психология поколения 90-х гг., которое резко отличается даже от китайской молодежи 80-х. Вот как рассуждает Чэнь Миншу, персонаж нового романа Юй Сю: "Среди уезжавших за границу в 80-х гг. было в ходу выражение: "поиски своей утраченной личности". Фразочка, в которой сказывается честолюбие: прежде всего, таким образом утверждалось собственное утраченное "я", которое сейчас предстояло обрести вновь. Я думаю, теперь уже очевидно, обретена личность или нет. Но если говорить обо мне и даже обо всех людях моего поколения, то учиться за границей – дело вполне естественное, то же самое, что по окончании первого курса перейти на второй".

Какой сдвиг в психологии молодых китайцев всего лишь за какие-то десять лет! Такому нельзя не удивляться. Вместо чувства исключительности и избранности у юноши или девушки, попадающих на престижную учебу за границей, – восприятие этого события как дела обычного, заурядного, сопоставимого с переходом на следующий курс.

Конечно, в своем романе Юй Сю сообщает молодым читателям немало интересного из личных наблюдений за американской жизнью. Но гораздо важнее таких отдельных впечатлений сам факт появления в Китае модной писательницы. В прошлом литературный успех тоже сопутствовал некоторым новым талантам, хотя и не всем, даже в самые трудные для страны годы, но вот жить и писать так, как жила и творила Юй Сю в 2000 г., для китайских писателей просто было немыслимым. Поездки за границу и работа там были редкостью, причем не только по понятным политическим причинам, но и из-за элементарной нехватки средств на этот дорогостоящий образ жизни.

Иначе – как воспоминание о былом, даже сравнение с ним – проходит международная тема в недавно вышедшей повести известного писателя Ван Мэна "Прекрасны песни солнечной весной" ("Шоуху", 2000, № 4). Ван Мэн на сорок лет старше Юй Сю, он родился в 1934 г., и его произведение пронизано ностальгическими мотивами ушедшей молодости. Свою новую повесть автор начинает так: "В последние годы уходящего тысячелетия в нашем городе неподалеку от российского генконсульства открылся ресторан западной кухни на русский манер. Я не хочу много рассуждать о его кулинарии, ибо что бы я в нем ни заказал, мне уже не поест так вкусно, как я ел тогда в Пекине на только что открывшейся советской выставке в ресторане "Москва" на два юаня пять мао за обед (теперь это называется комплексный обед). В те времена самый дешевый советский обед стоил полтора юаня, а самый дорогой – пять. За пять юаней получали салат с красной икрой или с крабами, московский или украинский красный борщ, котлеты по-киевски на сливочном масле или жареную кету, были также оладьи с вареньем или бисквиты с кремом или фруктовый салат, а кончалось мороженым и кофе. Притом мороженое и кофе подавались в посеребренной металлической посуде. Ее серебро то сверкало, то блекло, было то ярким, то матовым, и это придавало уверенность в себе, ощущение собственной значимости. Официантками в "Москве" служили русские девушки в национальных головных уборах и длинных платьях, все стройные и крепкие, с четкими формами, и ты чувствовал, что жизнь рядом с такой девушкой была бы полной и прочной! В те времена молодых официанток называли "девушка", а сейчас зовут "барышня", а на северо-западе нашей страны до сих пор называют "Эй, служанка". Добавлю, что в ресторане "Москва" колонны были ук-

рашены изображениями шестиугольных снежинок и длинных беличьих хвостов. Не знаю отчего, но, входя впервые в этот зал, я от волнения чуть не расплакался. Ведь попасть в него было непросто, обед не подавался по заказу, а надо было сначала получить в очереди номер, а потом ожидать, пока его выкликнут, сидя в фойе на мягких диванах, подбитых лебединым пухом в стиле XVII века с высокой жесткой спинкой, которые стояли на роскошном ковре. Даже сидеть там в ожидании, когда выкликнут твой номер, казалось честью и небесным блаженством, потому что помимо названия "Москва", помимо кушаний из великого Советского Союза, это было для тебя самое роскошное место отдыха и трапезы. И когда я усаживался за стол и ждал, что меня обслужит "советская барышня", - нет, все-таки надо говорить "советская девушка", - я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире, я чувствовал, что кровь героев революции пролилась не зря, я чувствовал, что рай на земле уже принадлежит моему поколению" ("Сяошо сюанькань", 2000, № 10).

Ван Мэн и Юй Сю пишут и издаются одновременно, хотя они не просто разные писатели, писатели разных поколений, но, надеюсь я никого не задену, сказав это, писатели диаметрально противоположные. У них во всем разные точки отсчета, и продукты их творчества отличаются. Ван Мэна причисляют к мэтрам "высокой литературы" в то время как юная Юй Сю - типичный представитель модной литературы, масс-культуры.

Общее у них, возможно, одно - стремление ответить на новые запросы читателя, удовлетворить его интерес к литературе о другой, "некитайской", жизни. Популярность этой тематики сегодня меняет образ мышления, творческий процесс и стиль даже у самых почвенных, самых "корневых", если следовать китайским определениям, писателей "из народных масс". В качестве примера можно назвать ныне ставшего известным не только в Китае, но и в англоязычных странах писателя Мо Яня, романов которого, к сожалению, на русском языке пока нет, а на английский почти все они уже переведены.

Мо Янь родился в 1956 г., в литературу вошел в начале 80-х годов, три его книги переведены на английский язык американским профессором Ховардом Гольдблаттом и, по общему мнению, весьма удачно. В марте 2000 г. Мо Янь совершил турне по США, где в университетах Калифорнии и Колорадо выступал с лекциями о своем творчестве. В октябре его выступления были опубликованы в китайском журнале "Сяошо цзе Fiction World" (2000, №5).

В Беркли Мо Янь красочно рассказал о своем детстве и первом знакомстве с литературой: "Моя читательская эпопея началась несколько десятилетий назад, когда я строптивым мальчишкой пас коров и овец в степях родного уезда. Тогда в нашем захолустье книги были редчайшим предметом роскоши. Я знал, у кого какие книжки в доме в десятке с лишним деревень на северо-востоке нашего уезда Гаоми. Чтобы добиться права их прочитать, я работал на владельцев книг". В то время юному читателю еще не приходило в голову, что чтение может быть не только погоней за сюжетом с полным погружением в него, с оплакиванием героев и влюбленностью в героинь.

"Я прочитал с десятков книг, имевшихся в окрестных деревнях, и после этого более десяти лет больше ничего не читал. Я полагал, что во всем мире существуют только эти десять книг, и коли я их прочел, то значит прочел все книги в Поднебесной. Тогда я работал в деревне и больше общался с коровами и овцами, чем с людьми, стал даже забывать выученные в школе иероглифы. Однако в моей душе появилась мечта стать писателем и вести счастливую жизнь". Выступая в Стэнфордском университете, Мо Янь рассказал о своих

тогдашних представлениях о счастливой жизни: крестьянский паренек захотел стать писателем, чтобы трижды в день есть пельмени. Кроме того, он мечтал жениться на соседской девушке с длинной-предлинной косой — очень красивой дочери деревенского каменщика. По понятиям сельского мальчика, жениться на такой красавице достоин был только писатель.

Настоящему чтению Мо Янь научился на филологическом факультете университета. Это было уже не ребяческое чтение, но и дочитать книгу до конца он уже не всегда мог: разгадав замысел автора, отбрасывал ставшую неинтересной книгу. Так было, пока в декабре 1984 г. он не взял в руки роман У.Фолкнера "Шум и ярость". Фолкнер стал для него любимым писателем, его жизнь — авторитетным примером. Вымышленная американским писателем Йокнапатофа послужила образцом для собственного литературного королевства: уезда Гаоми. Там, в этом придуманном уезде, который не менее реален, чем родной уезд Гаоми в провинции Шаньдун, стал размещать Мо Янь события и людей из своих романов. "Писатель может придумать не только героев, не только сюжет, но даже и географию! — говорит с восторгом Мо Янь. — Я забросил книги и начал писать романы сам". Мо Янь духовно сроднился с Фолкнером, учась на его творчестве, восхищаясь его поступками и стремясь во всем подражать ему. Но подражать Фолкнеру оказалось слишком трудно: "Он рассказал мне, что писатель должен смело лгать, лгать без малейшего стыда, что надо сочинять не только роман, но можно сочинить и индивидуальную биографию. А еще он учил меня, что писатель должен избегать богатых городов, поселиться в своих родных местах, пустить, как дерево, корни в родную почву. Мне очень хотелось поступать по его заветам, но в моем родном уезде частые перебои с электричеством, вода горькая, вязущая на вкус, а зимой нет отопления, и я испугался трудностей и тягот и по сию пору туда не уехал".

В жизни и творчестве Мо Яня, кроме Фолкнера, важное место занял его американский переводчик профессор Гольдблатт, оказавший на писателя модернизирующее влияние. "Его переводы придали блеск моим сочинениям", — говорит Мо Янь. Переводчик внес в оригинал и свои добавления: сексуальные сцены. Это было сделано, по словам самого Мо Яня, с его согласия. "Потому что я знаю, что американец в описаниях секса всегда имеет больше опыта, чем китаец", — сказал Мо Янь в университете Колорадо. Но так было в начале сотрудничества. Шли годы, книги Мо Яня издавались в переводах Гольдблатта на английском языке, и вот как высказался писатель о своем последнем романе "Пышная грудь, жирные ягодицы", только что законченном. "В этой книге я написал об истории, о войне, о политике, о голоде, о религии, о любви, конечно же, писал и о сексе, так что профессор Гольдблатт, когда будет ее переводить, наверное, попросит у меня разрешения сократить некоторые сексуальные описания. На это я не смогу согласиться, потому что сексуальные сцены в "Пышной груди, жирных ягодицах" написаны мною вполне реально. Дождитесь английского перевода профессора Гольдблатта, и вы узнаете, как мастерски я умею описывать секс! И не только в последнем, но уже и в предыдущем романе "Страна вина" Мо Янь, кстати, сексуальные сцены написал сам, без профессора Гольдблатта.

Сын китайского крестьянина из захолустного уезда стал известным в стране писателем, его переводят и читают в США, студенты американских университетов слушают его яркие лекции, в которых звучат слова о неграмотной деревне, пастьбе скота, голоде. Я думаю, студентам в Колорадо должны быть действительно интересны экзотические воспоминания из детства писате-

ля: "Когда городские дети ели молоко с хлебом и капризничали перед матушкой, я и мои сверстники страдали от голода; мы даже не знали, что на свете существует такая вкусная еда, и ели корни травы и кору с деревьев; в деревне деревья стояли с голыми стволами, потому что мы всю кору с них сгрызли; а когда городские дети в начальной школе пели и танцевали, я пас в степи коров и овец, и от одиночества у меня развилась привычка разговаривать с самим собой. Голод и одиночество – вот две вещи, то и дело всплывающие в моих романах, они же обогатили мое перо".

Какой долгий путь пришлось пройти крестьянскому парню – от деревенского захолустья провинции Шаньдун до американской университетской аудитории. Его привел туда литературный учитель – Фолкнер, книги которого подтолкнули к писанию собственных романов. Неудивительно, что автор рассказывает об этом американцам. Удивительно другое: лекции Мо Яня немедленно перепечатываются шанхайским литературным журналом, потому что успех китайского писателя в США – горячая тема, привлекающая читателей и к журналу, и к самому писателю. На примере Мо Яня также видно, как меняются и образ жизни, и само творчество китайского писателя – "деревенщика" по мере его приобщения к другой жизни в новых условиях политики открытости своей страны. Вывод этот, возможно, звучит слишком категорично, но китайская литература ныне совсем не та, что десять лет назад, и писатели стали совсем другими. Они живут и пишут сейчас по-иному.

Духовная замкнутость и оторванность Китая от окружающего мира тают на глазах, и степень перемен не может не удивлять. Современная китайская литература переживает процесс глубокого преобразования.

Змея не только в названии года

© 2001

В. Кузнецов

По европейскому календарю у нас сейчас 2001 г. В принятой в Восточной и Центральной Азии системе счисления времени ему соответствует зодиакальный символ Змеи.

Зодиакальные образы животных издревле известны на Западе. Некогда эта общая черта китайского календаря и идущей из Междуречья западной астрономо-астрологической традиции послужила одним из поводов для предположений об их общем происхождении. Подобные гипотезы вполне убедительного подтверждения не нашли. Однако говорить о родстве названных систем можно с полным основанием.

Мировоззренческие представления древних культур несут на себе глубокий отпечаток чувства органичной связи человека и природы. Время ощущалось и осмыслялось не просто как смена дня и ночи, сезонов года, но как пребывание в системе природных циклов, в бесконечной цепи естественных взаимодействий. Ступени этих циклов, помимо корреляций с астрономическими явлениями - зримым проявлением круговорота времен, получали символические характеристики, отражавшие подчас загадочные для современного сознания ассоциации. Поэтому характерный для древних культур способ рассуждений и описания связей в окружающем мире получил наименование "коррелятивного", или "ассоциативного мышления".

Классические примеры традиции "коррелятивного мышления" дает культура Китая, которая, собственно, и позволила ученым выделить этот интеллектуальный феномен.¹ Во многом именно он обусловил специфику китайского и, шире, восточноазиатского традиционного знания. Все его отрасли без исключения опираются на применение так называемых универсальных классификационных схем: дуальных космических начал *инь ян*, троичной модели *сань цай* ("три ценности", или "три начала" - Небо, Земля, Человек), динамических моделей *у син* - "пяти стихий", восьми триграмм (*ба гуа*), 64 гексаграмм и прочих. В этой системе описания пространственно-временных отношений традиция закрепила за элементами универсальных схем и моделей не только числовые, но и чувственно-образные соответствия. В круге образных характеристик временных периодов и связей между ними не могло не найтись места и представителям живой природы, которые проявляют себя наиболее ярко и активно.

Китайская система временного счисления, лежащая в основе восточно- и центральноазиатского календаря, зиждется на сочетании двух наборов циклических знаков. Десять "небесных стволов" (*тянь гань*) комбинируются с двенадцатью "земными ветвями" (*ди чжи*) таким образом, что составляют пол-

ный цикл из 60 лет. Правая колонка 60-летнего цикла представлена знаками "ветвями", соотношенными с Землей как "женским" природным началом, вторичным по отношению к Небу, выражающему "мужское" начало. Этим знакам, которые употребляются для обозначения часов, дней, месяцев и годов, и соответствуют образы животных. Шестым из них является змея.

Сами по себе свойства и способности змеи побудили особо выделять ее среди прочих живых существ. Говорить о расположенности к ней нет оснований, но настороженно-уважительное отношение к себе она вызывает.

Значимость змеи в китайской культуре не в последнюю очередь обусловлена ее родством с драконом - основным фигуритом мироздания, согласно мифопоэтическим представлениям китайцев. В китайской мифологии ее образ сопрягается с появлением человека. Так, первопредок Паньгу имел голову дракона и туловище змеи. В виде пары разнополюх существ с человеческими головами и змеиными хвостами в резьбе по камню и кирпичу эпохи Хань (III в. до н.э. - III н.э.) изображались Нюйва и Фуси, в ряде преданий фигурирующие как родоначальники человечества.

В общем представлении змея выступает как существо, опасное для человека. Недаром она ассоциируется со стихией огня. Спутник огненной беды - антропоморфное божество И хо-шэ - изображается со змеей в руках. Она выпускает изо рта огненное жало, грозящее пожаром. В облике И хо-шэ предстает божество звезды И, которая соотносится с огнем (хо) и змеей (шэ).

Но вместе с тем известно, что змеи разнятся по своим свойствам. Есть действительно опасные для человека, а есть и не представляющие для него угрозы. Причину этого китайцы увязывают с космогонией: окраска змеи опосредованно характеризует положительное или отрицательное воздействие на биологическое существование человека.

Согласно натурфилософским представлениям китайцев, в числе коррелятов каждой из "пяти стихий" (дерево, огонь, почва, металл, вода) фигурируют, в частности, страны света и цвета. Таким образом, определенной стране света соответствует свой цвет: северу - черный, западу - белый, югу - красный, востоку - зеленый, центру (т.е. самому Китаю) - желтый. В силу ряда причин географического и исторического характера отношение к частям света было неоднозначным. Одни считались более благоприятными для существования обитателей "центра", другие - менее. Например, запад, а это для Китая центральноазиатский регион, воспринимался с опаской: оттуда приходили пыльные бури, китайскому государству грозили воинственные кочевники. Настороженное отношение к западу в известной степени распространялось и на представителей тамошнего животного мира, в частности на змей. Так, в "Тайпин гуан цзи" ("Обширные записи годов Тайпин") - составленном в X-XI вв. сборнике исторических анекдотов, повествований о чудесах, буддийских и даосских нравоучительных произведений - утверждалось, что если убить белую змею, неминуемо случится землетрясение, прогремит гром и прольется ливень.

Зеленый цвет, соответствующий востоку, и желтый, корреспондирующий с центром, в символике стран света не несут идеи смерти и вреда. Поэтому зеленые и желтые змеи сами по себе, утверждается в разделе "Змеи" "Обширных записей годов Тайпин", не опасны. Однако убийство змеи зеленого и желтого цвета тоже чревато пагубными последствиями: ее сородичи непременно нападут на человека.

На бытовом уровне отношение китайцев к змее не однозначно. С одной стороны, она олицетворяет низкопоклонство, коварство и зло. С другой - к ней относятся с благоговением и почтением из-за якобы присущей ей сверхъестественной силы и ее родства с драконом.

Если на уровне обыденного сознания змея вызывает негативное отношение, то в средневековых нравоучительных сочинениях ей нередко приписываются чувство благодарности и верность долгу (последнее – одна из основных составляющих конфуцианского морального кодекса). На этот счет существует следующая легенда.

Некий человек по имени Бай Чэн (Ши Сян-гун), живший, как полагают, в последние годы правления императора Ли-цзуна (1225-1265) династии Сун, подобрал однажды яйцо. Из него вылупилась змея. Когда она выросла, то стала жить в полом стволе бамбука. Во время отъезда Бай Чэна люди увидели в его доме змея, принявшую обличье духа, облаченного в золотые доспехи. Они попытались прогнать его или убить, но не смогли: змей отчаянно защищался. Тогда местный чиновник прислал солдат, но и они оказались бессильны. По возвращении Бай Чэн объяснил, что чудище принадлежит ему, бояться его не нужно и приказал змею забраться обратно в бамбуковый ствол. Напуганный чиновник доложил императору: “Человек с такими возможностями способен на все”, и Бай Чэн был немедленно казнен. В отместку змей принялся жалить людей, но никому не удавалось убить его. Тогда государь по ходатайству местных властей посмертно присвоил Бай Чэну ранг знатности и титул “Защитник государства и страж морей”. Когда в жертву духу казненного были принесены особенно любимые им при жизни лепешки, змей свернулся на них и умер. С того времени вошло в обычай изготавливать обереги в виде фигурки змеи, свернувшейся на лепешке.

С образом змеи связаны самые разнообразные суеверия. Так, считалось дурным предзнаменованием покалечить змею, которая поселилась под полом дома. В этой примете, очевидно, отразилось стихийное осознание изначальной предопределенности сосуществования человека с животными, покушение на которых нарушает установленный свыше порядок и потому губительно для него самого. И именно змея со своими особыми повадками предостерегает человека от произвольных поступков.

Со змеями ассоциировали не только бытовые несчастья, но и масштабные социальные катаклизмы. Показателен в данном отношении сюжет из жизнеописания буддийского наставника Увэй-чаньши (Монаха, Не Ведающего Страха), миссионера из Индии, прибывшего в Китай в годы правления танского императора Мин-хуана (Сюань-цзуна, 713-756). Это предание гласит, что в Лояне (пров. Хэнань) огромная змея держала в страхе всю округу. Увэй прочил, что это предвещает великое бедствие городу. Он прочел несколько молитв, вызвавших сильный ветер. Порывом его змею принесло к Увэю. Она не вынесла упреков, с которыми на нее обрушился монах, и сдохла на месте. Вскоре после того, в 755 г., мятежный военачальник Аньлушань, тюрок по происхождению, захватил Лоян и разрушил все монастыри и часть города. Таким образом, мстителем за смерть змеи выступил выходец из центральноазиатских пределов, поднявший бунт против своего владыки – китайского императора.

Изустные предания и литературные произведения о змеях имели не только развлекательное, но и воспитательное предназначение. В частности, они предостерегали против неоправданно жестокого отношения к змеям. В литературе дидактического характера поведение змеи в ряде случаев служит примером людям. Да, она мстит за гибель своих близких, но это не вызывает осуждения, если те были убиты беспричинно. Равно достойны наказания и враги обитателей Поднебесной, когда вторгаются в ее пределы. Око за око, зуб за зуб – это исходный закон бытия, инициированный высшими силами. Зло – не абсолютная сущность змеи. Она отзывчива на заботу. В одном из даосских мистических сочинений повествуется о Чи Ляне, суйском хоу, который нашел однажды раненую змею. Он дал ей снадобье и вылечил ее. По прошествии

времени ему встретилась змея, которая держала во рту сверкающую жемчужину. Она обратилась к нему с такими словами: "Я сын Его Величества дракона. Я обязан Вам своим спасением и вот принес эту жемчужину, чтобы воздать Вам за Вашу доброту". Этот пассаж по своей дидактической заданности перекликается с нравоучительной сентенцией одного из народов Среднего Востока: "Лаской можно и змею выманить из норы".

Свойство змеи менять кожу породило у древних китайцев представление о ее способности быть оборотнем. По представлениям китайцев, оборотни-демоны и девы-духи часто выступают в обличье змеи. Они же появляются в виде человека. Свои способности к превращению, как верили китайцы, змеи часто используют для плотских утех с женщинами. В сборнике танских новелл "Сюй сюань гуай лу" ("Продолжение Собрания записей об удивительном", VIII в.) можно встретить рассказы об амурных похождениях змея-оборотня. Физическая близость человека и змеи не только противоестественна, но и пагубна для первого уже в силу вредоносности змеиных чар. В одном из рассказов повествуется, как некая девица заболела неизлечимой болезнью, причиной которой стали чары нечисти. Они исходили от снежно-белого змея, принимавшего обличье человека. Только после того, как это олицетворение Запада было уничтожено, девица выздоровела. Искусительницей мужчин в средневековых повествованиях выступает пресловутая "Белая змейка".

В КНР повествование о "Белой змейке" получило иную интерпретацию, соответствовавшую установке на борьбу с "феодалной идеологией". "В народной сказке "Белая змейка", — писал журнал "Народный Китай" в 1957 г., — дан яркий образ красивой и отважной дамы (воплощение Белой змейки), которая, по преданию, боролась за свободу и счастье, за что была замурована выразителем идей феодализма монахом Фахаем под пагодой Лэйфанга у озера Сиху. Уже много веков люди хотели, чтобы пагода побыстрее развалилась и дама в белом могла скорее освободиться. Наконец в 1924 г. эта пагода, построенная в 975 г. новой эры, рухнула. По этому поводу Лу Синь написал статью "О рухнувшей пагоде Лэйфанга", в которой с восхищением отмечал, что чаяния народа, борющегося за свободу, претворяются в жизнь"².

Как отмечалось выше, убийство змеи неизбежно должно повлечь пагубные последствия. Чтобы не доводить дело до крайностей, лучше уберечься от змеиных укусов или чар посредством оберегов. Ими служили, в частности, изображения "пяти ядовитых" (*у ду*). Открывает перечень опасных тварей гадюка, далее идут скорпион, сороконожка, жаба и паук. В отдельных районах Китая бытовала такая практика: семьи, у которых был единственный сын, изготавливали изображения "пяти ядовитых" и поклонялись им. В определенные дни на детскую одежду нашивали изображения *у ду*. Такой оберег, как считалось, спасает ребенка также от колик и гриппа.

Бытовало даже представление, что вредоносное начало, заключенное в змее, дает себя знать и тогда, когда человек не собирается причинять ей зло. Ядовитость некоторых растений объясняли непосредственной причастностью змеи. Для развлекательно-назидательных рассказов III-VI вв. очень характерен сюжет о болезнях и исцелениях, который пронизан идеей о том, что в определенных ситуациях сосуществование змеи и человека фатально влияет на его жизнь. Показателен в этом отношении рассказ "Росток папоротника обрачивается змеей". Некий воин, съев росток папоротника, заболел. Однажды его вырвало и из него вышла змея. Но выздоровел он лишь тогда, когда она издохла. Змее приписывались почти безграничные возможности влияния на человека. Так, в рассказе "Жена Ван Чжэня" заговор змея так подействовал на женщину, что она сама превратилась в змею и покинула людей.

Желание людей уберечься от зловредного действия ядовитых пресмыкающихся вызвало к жизни представление о высшем начале, которому подвластны гады. Так в пантеон китайских божеств вошел Царь Змей, изображавшийся в разных ипостасях. В Южном Китае он вообще выступал в обличье подлинной змеи. Например, в храме города Фучжоу, где ему поклонялись, в 12-й день четвертого месяца по лунному календарю устраивались торжества: люди приносили ему в жертву лягушек, жгли благовония.

Олицетворением Царя Змей мог выступать и конкретный человек. В частности, предание повествует о некоем Фан Чжэнсюэ, голос которого "был схож с голосом змеи". В период правления под девизом Хун-у (1368-1399), правитель удела Шу назначил воспитателем своего сына Фан Чжэнсюэ, который впоследствии стал главным министром при государе, чьи годы правления были отмечены девизом Хуэй-ди (1399-1403). Последний покончил с собой. Новый государь Чэн-цзу (годы правления Юн-лэ, 1403-1425) как-то приказал Фан Чжэнсюэ составить черновик указа. Но тот бросил кисть для письма на землю, залился слезами и принялся поносить нового повелителя, за что был приговорен к смерти. "Царем Змей" его стали считать на основании откровения, полученного его отцом во сне накануне похорон его деда: некий старик велел ему оставить округу, так как утром должна быть выкопана канава и землекопы убьют всех змей, которых найдут. Как раз в то время его супруга ждала ребенка и ей привиделось, как клубок змей входит в ее чрево и реинкарнируется там, чтобы в будущем отомстить за смерть потомка - Фан Чжэнсюэ.

В Чжанчжоу (пров. Фуцзянь) Царя Змей представляли в виде буддийского монаха - *хэшана*. Это было связано с преданием о некоем монахе, который исцелил укушенного змеей. Другая легенда называет Царем Змей Чан Хао. Он был командиром передового отряда охраны последнего правителя древней династии Инь - Чжоу Синя (1154-1121 гг. до н.э.), имя которого стало синонимом крайней жестокости и деспотизма. Чан Хао обладал способностью к оборотничеству, совершал необыкновенные подвиги, но в конце концов был побежден Ян Цзянем (Эр-ланом), племянником Юй-хуана - Яшмового Императора (верховного правителя физического мира в даосской и поздней народной мифологии).

Среди правителей змей называли и Шэмо-вана (Змея - Князя Бесов). Он был первоначально духом огня, превратившимся в пресмыкающегося. Его и Черепаху - Князя Бесов содержали в пещере по приказу Чжэнь-у, божества звезды Юэ-син. Юй-ди (Юй-хуан) сжалился над ними, приказал освободить их и возвел Змея - Князя Бесов в ранг главного военачальника.

Суеверный страх перед змеями сделал их объектом поклонения. Легенда гласит, что в 417 г. в Линьци-датуне уезда Гутяньсянь (пров. Фучжоу) появился злой дух в обличье змеи, именуемый Шэ-му (Мать Змей), который пожрал много людей. Жители деревни Линьшуйцунь построили для нее храм и ежегодно в девятый день девятого месяца приносили в жертву мальчика и девочку, чтобы предотвратить опустошения, наносимые ею.

Спасти людей от этого чудовища вызвалась Данай-фужэнь, Госпожа-Мать. Своим появлением на свет она была обязана богине Гуань-инь. Когда та проносилась над Фучжоу, сверхъестественная эманация поднялась в небо. Она отрезала у Гуань-инь палец и превратила его в луч света, который вошел в чрево госпожи Гэ, жены чиновника казначейства Чэнь Цзяньи. После этого у госпожи Гэ родилась девочка, которую назвали Цзиньгу - Девочка, Появившаяся по Воле Богов, будущая Данай-фужэнь. По преданию, случилось это в 766 г. У Цзиньгу было два брата: Чэнь Эрсян и Чэнь Хайцин. Однажды люди попросили Чэнь Эрсяна избавить их от Матери Змей. Но он оказался пьян, не способен к сражению и чудовище уже готово было пожрать неудачливого за-

ступника, когда в воздухе над ним появился его учитель-даос и обронил золотой колокол, который накрыл бойца. Змея не могла его укусить, но и он не мог выбраться наружу. Тут на выручку брату пришла Цзиньгу. Она помчалась к учителю Цзю Лану, что обитал в горах Льюшань. Он посредством магических приемов вызвал гром, который убил змею и освободил Эрсяна. В честь Цзиньгу был построен храм, чтобы она могла продолжать защищать людей от потомков убитой Матери Змей.

Жители Северо-Восточного Китая искали защиты от змей у бога насекомых Чун-вана, которому были подвластны также пресмыкающиеся и земноводные. В культе Чун-вана нашли выражение представления китайцев о строгой иерархии в природе и обществе.

Образ змеи в средневековой китайской культуре складывался не без воздействия буддизма. Он принес в Китай новые представления об этом пресмыкающемся. В раннем буддизме змеи были весьма чтимыми существами. Считается, что они помогли царевичу Гаутаме - будущему Будде Шакьямуни - появиться на свет, поэтому змею изображают в свите Будды, у его ног. Она олицетворяет Нагалока - ту змею, которой Будда, согласно легенде, доверил сутры Праджняпарамиты. Через 500 лет змеи возвратили их Нагарджуне (II в.) - одному из главных основоположников буддизма махаяны.

Пиетет по отношению к змеям, свойственный раннему буддизму, не закрепился в Китае на уровне обыденного сознания. В конечном счете наиболее общепринятым стало представление о змее как носителе зла. Это демонстрирует даже буддийская символика: в изображениях Колеса Закона (Дхармачакра, кит. Фалунь) - символа всепобеждающего буддийского учения — в самом центре стало принято помещать символы "трех ядов" - алчности, ненависти и тупости, где ненависть олицетворяет змея. Вместе с тем на змею распространяется заповедь *ахимсы* - непричинения зла любому живому существу. В частности, китайские буддисты полагали, что тех, кто убивает змей, последние будут жалить в преисподней, пребывание в которой для грешников предшествует следующему перерождению. Наиболее благочестивые буддисты-миряне покупали змей у тех, кто их держал для гастрономических целей, дабы отпускать в дни праздников на волю. В буддийских монастырях даже существовали приюты для змей.

В 1930 г. журнал "Вестник Маньчжурии", издававшийся в Харбине на русском языке, писал о священных змеях буддийского монастыря Танчжэ в окрестностях Пекина. Жильем для них служил большой красный лакированный ящик с надписью: "Цари-Драконы, хранители Закона". Змеи свободно ползали по храму. Народное предание гласит, что в глубокой древности на месте монастыря был пруд, в котором жили два дракона. Когда пруд был осушен для постройки храма, драконы превратились в змей. В XIX в. в этот храм приходил поклониться большой змее, олицетворявшей Царя-Дракона, все- сильный сановник Ли Хунчжан.

В 1997 г. мне довелось побывать в храме Танчжэ. Красного ящика, где обитали змеи, увидеть не удалось. На мой вопрос - "А есть ли здесь змеи?" - последовал ответ: "Тут кругом леса. Конечно, в них есть змеи, но сейчас зима...". Никакого почтения к змеям в этих словах я не почувствовал.

Учение буддизма о кармическом круге перерождений соответственно поступкам человека популяризировалось в разного рода назидательных историях. Некоторые из них связаны с темой убийства змеи. Так, в одном из таких повествований рассказывается, как известный покровитель буддизма лянский император У-ди (502-550) через несколько месяцев после кончины супруги вдруг проснулся ночью от странного шума и увидел огромную змею, обвинившую балку его спальни. Змея сообщила напуганному императору, что она является

покойной императрицей Си, переродившейся в образе пресмыкающегося в наказание за ревность и жестокое обращение с императорскими наложницами. "Я скитаюсь без пищи и крова, - взмолилась змея. - Под чешуей, покрывающей мое тело, черви поедают мою плоть и мучают меня ужасно. Я умоляю Вас проявить милосердие и избавить меня от страданий, в качестве искупления совершив какое-нибудь благодеяние правителю преисподней". На следующий день У-ди справился у монаха Чжигуна, какое доброе дело могло бы помочь императрице. "Только вселили Будды обеспечит такую благосклонность", - ответил монах. Совместно с Чжигуном У-ди составил свод буддийских молитв в 19 томах, которому они дали название "Хуэй цзуй вэнь" ("Литаний раскаяния"). Впоследствии этот канон широко вошел в обиход китайских буддистов под названием "Лян хуан бао чань" ("Драгоценные ритуалы лянского императора"). Для чтения "Литаний" во дворец было создано множество монахов. Несколько дней спустя императору вновь было видение: он почувствовал необычайное благоухание и узрел потрясающей красоты женщину. "Ваше великодушие спасло меня, - сказала она. - Я была той самой змеей, которая Вас так напугала. А теперь я восхожу на небо". И с этими словами она исчезла.

В повествовании о судьбе императрицы Си, оказавшейся в виде змеи в подземном царстве, нашли отражение космогонические представления китайцев о дуальности мироздания, в котором "мужскому", "светлому" началу ян противостоит "женское" начало инь. Последнее, в частности, ассоциируется с мраком и темнотой, которые присущи впадинам и водным глубинам и как нельзя более соответствуют склонностям пресмыкающихся. А почему змеи предпочитают жить в земных недрах, простому китайцу, не искушенному в космогонии, объясняли мифы и легенды. К их числу относится повествование о бодхисаттве Цзи Гуна, которого считают инкарнацией Маха Касьяпы (кит. Чанмэй-чаньши, Монах с Большими Бровями), первого патриарха индийского буддизма.

Он показал свои необычайные способности, избавив жителей в окрестностях гор Ляньюаньшань от опасной змеи, которая пожрала так много людей, что их кости образовали высокий холм. Два духа горы, Паньту-ван и Чжубанши, провозгласили себя последователями Цзи Гуна и прибыли с 500 небесными воителями помочь ему победить змею, которой помогали другие грозные чудовища. Исход сражения предопределил Цзи Гун. Он запустил в небо бумажный веер, который тотчас превратился в огромную многоножку. Она упала на змею и ужалила ее в живот. Победенное чудовище молило Цзи Гуна сохранить ему жизнь. Цзи Гун согласился, но приказал змее спрятаться в земле и не досаждать людям. С тех пор змеи живут в норах.

Повседневная жизнь простых китайцев далека от уклада буддийских монастырей. Змей в Китае разводят и ловят для пищи и приготовления лекарств. На рынке живности в Гуанчжоу автору довелось наблюдать такую сцену. Продавец держит в одной руке обезглавленную, но еще не ободранную змею, а другой тем временем быстро ощупывает ее, словно играет на флейте. "Ага, нашел", - ножом вырезает еще теплую печень и, пока она не остыла, торопливо прячет ее за пазуху. Печень, как мне пояснили, идет на изготовление традиционных китайских снадобий. Когда печень взята, мановением руки кожа змеи, как чулок, снимается и в корзину покупателя летит очередная жертва. Мясо змеи входит одним из главных составляющих, в частности, в одно из самых изысканных и дорогих блюд китайской кухни - *лун ху доу* ("битва дракона с тигром"). Тигра в этом ястве представляет мясо кошки.

Свидетельством веры в лечебные свойства змеиной плоти являются прозрачные посудины с настойкой в буфетах китайских ресторанов и харчевен. Слово до смерти опившись водки, змея во всю свою величину недвижно

расположилась в стеклянном пристанище. "Змеевка", как считают, оказывает тонизирующее воздействие на организм.

Многоликий образ змеи всегда играл заметную роль и в "высокой" китайской литературе и искусстве. Одни деятели культуры, как поэт танской эпохи Юань Чжэнь (770-831), живописали мерзкое поведение этого животного, другие, подобно стихотворцам Чан Ляо и Хуан Ситану, жившим во времена династии Сун (960-1279), в своих произведениях отмечали "одухотворенность" змеи. Изображения змей присутствуют на картинах известных художников - Оу Хаоняня, Ян Шаншэна, Гу Чжунгуана и других.

Вступление планеты в XXI столетие, начавшееся годом Змеи, было ознаменовано в КНР включением этого животного в число "пассажиров" космического корабля "Шэнь чжоу", запущенного в конце января 2001 г. Китай вновь подтвердил, что не собирается отказываться от традиционных символов своей культуры, отражающих ее своеобразие и специфику постижения ею окружающего мира.

1. Об этом культурном явлении см., например: Needham J. *Science and Civilisation in China*. Vol. 3. Camb., 1959. P. 280 etc.; Кроль Ю.Л. О влиянии ассоциативного мышления на "Записи историка" // Историко-филологические исследования. М., 1974. С. 372-373; Зинин С.В. О структуре коррелятивного мышления в Китае // XIX научная конференция "Общество и государство в Китае". Ч. 1. М., 1988. С. 16.
2. Народный Китай. 1957. № 7. С. 34.

Научная жизнь

Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2000 году

В 2000 г. продолжали свою работу оба диссертационных совета, существующие в Институте Дальнего Востока РАН.

В диссертационном совете, принимающем к защите диссертации по историческим и политическим наукам, были успешно защищены две докторские и одна кандидатская диссертация.

Докторская диссертация Светланы Алексеевны Горбуновой "Китайский буддизм и общество в XX в.: история создания и деятельности буддийских объединений в Китае" является первым в отечественном китаеведении исследованием истории буддийских объединений в 10-е — 90-е годы XX века и параллельно - важнейших проблем китайского буддизма новейшего времени. В качестве предмета исследования автором избрана религия как социальное явление, конкретно—буддийские объединения. Они анализируются как феномен религиозной и социальной жизни Китая XX века, что способствует раскрытию сущности и особенностей распространения буддизма в китайском обществе в различные исторические периоды и одновременно более углубленному пониманию проблем мировых религий на современном этапе. В соответствии с авторской концепцией культурной и общественной адаптации китайского буддизма, объясняющей причины живучести этой религии на китайской почве, создается целостная картина истории буддизма как части истории китайского общества, иными словами, деятельность буддийских объединений рассматривается в тесной связи с реалиями Китая.

Докторская диссертация Александра Владимировича Ломанова "Проблема культурной адаптации в деятельности христианских миссий в Китае" посвящена исследованию истории поиска путей приспособления христианского вероучения к китайскому культурному контексту. Работа носит новаторский для российского китаеведения характер и восполняет существенный пробел в исследованиях по истории проникновения христианства в Китай и его трансформации в специфические формы китайского христианства. Задачей исследования являлось раскрытие содержания формулировавшихся миссионерами и китайскими христианами теоретических и практических подходов к китайской духовной традиции и социально-политическим реалиям страны. Диссертация А. Ломанова позволяет углубить понимание процессов взаимодействия духовных и религиозных традиций Запада и Китая в условиях современности. В исследовании проанализирован широчайший круг историков по истории Китая, истории западных христианских церквей и их зарубежных миссий. Достигнутые диссертантом исследовательские результаты могут быть использованы как

одна из отправных точек в процессе воссоздания российской традиции научной миссиологии.

Кандидатская диссертация Александра Геннадьевича Юркевича "Становление системы подготовки военных кадров Гомиьндана (1924 - начало 1926 г.)" представляет собой первое в российском китаеведении комплексное исследование процесса формирования институтов и принципов обучения и воспитания гомиьндановских офицеров в период зарождения системы политической власти Гомиьндана. Объектом авторского рассмотрения являются военно-учебные заведения Южного Китая, в ходе трансформации и развития которых складывалась система подготовки командного звена гомиьндановских вооруженных сил. Выбор темы обусловлен важной ролью военного фактора в истории Китая XX в., активным участием армии в формировании институтов власти, как Гомиьндана, так и КПК.

Во втором диссертационном совете, принимающем к защите диссертации по экономическим наукам, также были защищены две докторские и одна кандидатская диссертация.

Владимир Петрович Курбатов посвятил свою докторскую диссертацию "Развитие агросферы КНР (1950-1995)" исследованию аграрного сектора, играющего особую роль в жизни Китая. Состояние агросферы КНР, охватывающей весь комплекс сельскохозяйственной деятельности, определяет возможности решения продовольственной проблемы в стране, где численность населения превышает миллиард с четвертью и продолжает увеличиваться. Автором проведен всесторонний анализ практически всех отраслей аграрной экономики, их взаимосвязи и взаимодействия в тесной увязке с демографическими и экологическими факторами, с учетом особенностей и традиционных черт китайской агросферы и психологии крестьянства, выявлены потенциальные возможности экономических реформ в аграрном секторе КНР, его модернизации. В диссертации рассмотрены также направления возможного использования китайского опыта в российской практике.

Докторская диссертация Максима Александровича Потапова "Внешнеэкономическая политика реформенного Китая (конец 70-х - 90-е гг.)" представляет собой фундаментальное системное исследование, в котором теоретические и практические проблемы внешнеэкономической политики Китая в условиях перехода к рыночной экономике впервые рассматриваются в тесной взаимосвязи с мировыми и региональными экономическими процессами. Автор исследует проблемы реформы системы внешнеэкономических связей как составной части реформы экономики КНР в целом, показывает место и роль внешнего фактора в экономическом развитии страны, анализирует основные аспекты развития внешней торговли и изменения торгового баланса, политику привлечения иностранного капитала, китайскую концепцию "территориальной открытости", механизм развития специальных экономических зон. Диссертант выявил и сформулировал основные перспективные направления развития китайско-российского экономического и торгового сотрудничества, возможные сферы применения китайского опыта в области внешнеэкономической политики РФ.

В кандидатской диссертации гражданина СРВ Фам Куанг Хунга "Российско-вьетнамские внешнеэкономические связи: история, состояние, перспективы" проанализированы динамика развития и структура российско-вьетнамских экономических отношений, возможности привлечения иностранных инвестиций, рассмотрены потенциал расширения экономических связей РФ и СРВ и проблема возвращения внешнего долга России.

Рецензии

Россия в АТЭС: новые возможности в новых условиях*. М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000, 176 с.

Рецензируемая книга содержит в себе материалы Второй научно-практической конференции "Россия в АТЭС и АТР", состоявшейся в Москве 20 июня 2000 г. Как отмечается в аннотации книги, участники сборника, подготовленного по материалам конференции, всесторонне обсудили основные тенденции тихоокеанской экономической интеграции, а также проблемы разработки стратегической и тактической линий России в связи с ее вступлением в форум АТЭС (Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество); авторы выработали рекомендации, направленные на обеспечение реальности, устойчивости, взаимовыгодного характера участия РФ в процессах экономического сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

Указанная конференция была организована и проведена под эгидой МИД России и Института Дальнего Востока РАН. В числе ее участников, помимо руководителей и сотрудников данных организаций, — послы стран АТР в России (в частности Новой Зеландии и Сингапура), руководители и представители таких международных и российских учреждений и компаний, как Экономический комитет АТЭС, управление внешнеполитической деятельности Министерства энергетики РФ, Управление экономики природопользования МПР России, ИМЭМО, ИВ и Институт Латинской Америки РАН, Институт экономических исследований Дальневосточного отделения РАН, Лига инвестиционного сотрудничества РФ, ОАО "Газпром", ОАО "Ростелеком", Группа "Сибирский алюминий", Корпорация "Парус", АК СЭЗ "Находка", Международный промышленный банк.

Во вступительном слове зам. министра иностранных дел РФ, чл.-корр. РАН

И.Д. Иванова акцентировано внимание на программном заявлении Президента В.В. Путина, согласно которому Россия стремится наращивать объем своих политических и внешнеэкономических связей с АТЭС до масштабов, уже достигнутых на европейском направлении. Министерство иностранных дел совместно с другими органами федеральной власти будет принимать все возможные усилия для реализации "концепции внешней политики Российской Федерации", в частности того ее пункта, который гласит: "Важное и все возрастающее значение во внешней политике Российской Федерации имеет Азия, что обусловлено прямой принадлежностью России к этому динамично развивающемуся региону, необходимостью экономического подъема Сибири и Дальнего Востока", которые также призваны войти в "пояс добрососедства по периметру российских границ". Вкладом РФ в развитие АТЭС могут стать наши технологии, услуги капитального строительства, морской и рыболовный флот, системы космической связи, кратчайшие транзитные пути из Азии в Европу, природные ресурсы (с. 3-4).

Во вступительном слове директора ИДВ, чл.-корр. РАН М.Л. Титаренко выделена цивилизационная, экономическая и политическая сущность России как евразийской державы. Отмечая межрегиональный разрыв внутрихозяйственных связей, явления тенденций экономической дезинтеграции РФ, автор приходит к вполне обоснованному выводу о том, что в нынешней геополитической и геоэкономической обстановке в АТР, характеризующейся зарождением и развитием двусторонних, субрегиональных, региональных и трансрегиональных интеграционных процессов, "без учета фактора евразийства Россию не возродить" (с. 5). Эффектив-

* Рецензия подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 00-02-00160а.

ность азиатской политики России, по его мнению, будет во многом зависеть от корреляции наших интересов с интересами основных стран-субъектов АТЭС, включая Китай, Японию и Южную Корею. "Вступив в АТЭС, Россия уже сделала верный ход, ответив на вызов азиатской регионализации. Теперь важно определить последующую структуру и очередность задач и действий по их решению" (с. 6). В числе такого рода задач автор, в частности, выделяет выработку стратегии России в отношении с АТЭС, несомненным атрибутом которой должны стать адаптация внутренней стратегии развития РФ к вызовам АТЭС; вопрос о скорости и процедуре вступления России в ВТО в свете основных тенденций развития АТЭС; целесообразность координации действий России и Китая в АТЭС, которая позволила бы расширить содержание российско-китайского стратегического партнерства за счет фактора многостороннего экономического и интеграционно-сотрудничества в СВА и АТР в целом (с. 6-8).

Доклады, входящие в сборник (всего их 27), структурированы по 4 разделам: "Основные тенденции тихоокеанской экономической интеграции", "Партнеры России в АТЭС", "Российский Дальний Восток" и "Практическое взаимодействие с АТЭС: российский компонент".

В первый раздел включены выступления зарубежных участников конференции, а также несколько докладов общетеоретического характера представителей ряда регионоведческих академических институтов (Института Дальнего Востока, Института востоковедения, Института Латинской Америки РАН).

В числе докладов первого раздела книги следует отметить выступление Р.Канды, заместителя председателя Экономического комитета АТЭС, посвященное анализу основных вызовов и проблем, стоящих перед экономиками стран АТЭС, которые, по мнению докладчика, являются особенно важными для достижения динамичного и стабильного экономического развития этих стран в обозримом будущем. Исходя из того, что "стремление к достижению более высоких темпов экономического роста и улучшению экономической ситуации является основной целью АТЭС" (с. 26), докладчик выделяет два основных вызова, ответ на которые необходимо найти членам АТЭС для обеспечения стабильного экономического роста.

Это, во-первых, сохраняющиеся структурные проблемы в экономике, выявленные недавним азиатским финансовым кризисом и, во-вторых, экономическая глобализация и соответствующие ей тенденции возникновения и развития наукоемких экономик, порождаемые информационно-технологической революцией (с. 26-29). Отвечая на вопрос о возможной помощи АТЭС в поиске ответов на эти вызовы, автор выдвигает идею "программы структурной экономики" как формы сотрудничества в рамках форума, которая могла бы содействовать разработке и осуществлению структурных мер, необходимых для создания и роста наукоемких экономик стран-членов АТЭС (с. 29). Учитывая важную роль предпринимательства как субъекта внедрения инноваций и формирования наукоемких экономик, Р.Канда весьма аргументированно отстаивает тезис о том, что приоритетом государственной политики членов АТЭС в новом столетии должно стать содействие развитию национального предпринимательства (с. 28).

Сходная позиция в отношении к предпринимательству прослеживается и в докладе другого иностранного участника конференции, посла Новой Зеландии в России Д.Ворда, который, называя в качестве основной цели АТЭС "повышение уровня жизни населения", считает, что ее достижение "возможно только в случае роста делового сектора и создания новых рабочих мест и благосостояния, которого хватит на всех". Поэтому, по его мнению, "для АТЭС очень важно облегчить и упростить деятельность компаний, создать условия для их развития" (с. 22). В рамках решения этой задачи автор довольно детально анализирует такие стороны деятельности АТЭС, как либерализация и стимулирование торговли, укрепление рынков (с. 24-25). Осознавая важность роли, которую Россия может сыграть в АТЭС, докладчик в то же время небезосновательно констатирует, что пока "деловой и инвестиционный климат и практика в России действительно являются сдерживающим фактором, не позволяющим полностью реализовать потенциал роста, который присутствует в экономических связях России со странами Азиатско-Тихоокеанского региона" (с. 22, 26).

В весьма объемном докладе М.Хонга, посла Сингапура в России и на Украине, рассматриваются общетеоретические проблемы глобализации мировой экономики и

тесно связанные с ними вопросы развития АТЭС и АСЕАН. Формулируя в духе известных теоретических определений МВФ общий послыл о том, что мировая экономика, достигшая глобальной интеграции, в принципе должна привести к более эффективному разделению труда между всеми странами, автор в то же время констатирует, что влияние глобализации может быть достаточно болезненным, ибо ее последствия, наряду с высокой прибылью и производительностью, включают в себя также безработицу, социально-психологические стрессы и маргинализацию населения (с. 9–11). Достаточно примечательно мнение докладчика о том, что “конечным результатом глобализации... может стать разделение мира на несколько групп стран” — от высокоразвитых государств с большой конкурентоспособностью, использующих передовые технологии (т.н. “Альфа-мир”), до стран “Омега-мира” с низким уровнем развития, “стоящих на пути возвращения к феодализму и примитивной экономике” (с. 12). В свете изложенной концепции “плюсов” и “минусов” глобализации автор весьма детально рассматривает ряд конкретных проблем развития АТЭС и АСЕАН (с. 13–22).

Среди докладов российских участников конференции, которые включены в первый раздел сборника, можно в первую очередь отметить программно-концептуальный доклад заместителя директора ИДВ РАН д.э.н. В.В. Михеева “Тихоокеанский регионализм и глобализация мировой экономики: вызов России?”. Печатный вариант этого доклада по сути состоит из 22, взаимосвязанных и кратко сформулированных тезисов, из числа которых, на наш взгляд, особо примечательны следующие положения (с. 30–35):

— выдвинутая автором концепция глобализации мировой экономики, структурированная по трем измерениям: методологическому, экономическому и политическому;

— констатация в качестве основного противоречия современной эпохи противоречия между усиливающейся потребностью нашего мира в единой экономике и господством национально-государственной формы хозяйствования;

— обоснование и определение таких понятий, как “персонафикация международных отношений”, “политическая глобализация”;

— классификация типов регионализма и их соотношение с глобализацией мировой экономики;

— структурирование уровней становления азиатского регионализма;

— классификация основных направлений деятельности и проблем АТЭС;

— определение и обоснование основной цели участия России в азиатской интеграции и главного условия активизации экономического сотрудничества России с АТЭС;

— выдвигание в качестве такого условия идеи необходимости корректировки экономической стратегии России с учетом ее геоэкономического положения между двумя интеграционными полюсами — в Западной Европе и Северо-Восточной Азии, идеи, имеющей дискуссионный характер, но подкрепленной в то же время достаточно вескими и конкретными обоснованиями и предложениями автора.

В докладе заведующего отделом Института востоковедения РАН, акад. РАН, д.и.н. А.М. Хазанова рассмотрены некоторые основные аспекты истории и политики АТЭС (включая хронологию и характеристику основных его форумов), намечены перспективы возрастания роли России как действующего члена этой организации. Одной из приоритетных задач для нашей страны на предстоящие годы, по мнению автора, должно стать создание в Сибири и на Дальнем Востоке приемлемого инвестиционного климата для прямых производственных капиталовложений из восточноазиатских государств, которые “в отличие от стран Запада не будут диктовать России условия их предоставления”. Россия, являясь ядром СНГ и будучи его единственным членом, имеющим выход в Тихий океан, могла бы, как считает докладчик, играть в АТЭС “роль торгово-экономического, в том числе транспортного, “моста” между СНГ и тихоокеанскими государствами, а в более отдаленном будущем — между последними и ЕС” (с. 40).

Выступление ведущего научного сотрудника ИДВ РАН к.э.н. В.Б. Якубовского посвящено обоснованию ряда принципов и положений, которые, по мнению автора, целесообразно учитывать при формировании современной концепции российской политики в отношении АТЭС. В частности, особое значение, по его мнению, имеет выработка позиций России в отношении двух противоборствующих линий в рамках АТЭС — на “жесткую”, ус-

коренную, или "мягкую", постепенную, интеграцию стран и территорий — членов АТЭС. "Поддержка второй линии поведения в большей мере отвечает реалиям сегодняшней обстановки в России", учитывая особенности которой наша страна объективно должна выступать "за более поздние сроки (2020 г.) присоединения к процессам либерализации торговли и инвестиций в регионе", считает автор (с.44–45).

В завершающем первом разделе сборника докладе директора Центра российско-латиноамериканских отношений Института Латинской Америки РАН д.и.н. А.И. Сиженко подчеркивается важность такого компонента политики России в АТР, как связи в областях культуры, науки, образования и спорта, которые будут одним из необходимых условий "полноправного вхождения РФ в Тихоокеанское сообщество" и укрепления ее позиций в АТР (с. 47–53).

Во второй раздел сборника включены выступления, анализирующие опыт и перспективы взаимодействия России с конкретными партнерами в АТЭС — Китаем, Тайванем, Японией, Республикой Корея, странами АСЕАН.

Согласно тезису ведущего научного сотрудника ИДВ РАН к.э.н. И.Н. Коркунова, Россию и Китай как страны с переходной экономикой, формирующие социально ориентированные рыночные системы, сближает подход к созданию в АТР пространства свободной торговли и инвестиций в соответствии с концепцией открытого регионализма. Пекин объективно заинтересован в активном участии России в АТЭС, поскольку оно способно усилить его позиции в отношениях с США и Японией. В то же время китайский подход к проблемам АТЭС представляет определенный интерес для РФ в связи с разработкой российского национального плана либерализации торгового и инвестиционного режима (с. 55).

С этим тезисом во многом перекликается позиция другого аналитика-китаеведа — первого секретаря Департамента международных организаций МИД России д.э.н. М.А. Потапова, который рассматривает позитивный опыт участия КНР в АТЭС как своего рода урок для РФ (с. 62–70). Докладчик разделяет китайскую оценку нынешней эволюции форума, согласно которой "АТЭС постепенно превращается из аморфной структуры в многоуровневый межправительственный консультационный механизм региональ-

ного сотрудничества, имеющий гибкую институциональную форму и объединенный едиными целями" (с. 69). Обосновывая целесообразность тесной координации действий России и Китая в рамках АТЭС, он указывает на совпадение интересов наших стран по многим вопросам, связанным как с организацией, целями и задачами форума, так и с конкретными вопросами его повестки дня, включая научно-техническое сотрудничество, либерализацию торговли и инвестиций (с. 70).

В обстоятельном докладе главного научного сотрудника ИДВ РАН д.э.н. А.В. Островского в широком общемировом контексте исследованы место и роль Тайваня в АТЭС и АТР, выявлены объективные предпосылки развития, современные проблемы и перспективы российско-тайваньского торгово-экономического сотрудничества (с. 70–82). Развитие такого сотрудничества ныне во многом сдерживается из-за отсутствия в России необходимой инвестиционной инфраструктуры, не вполне удовлетворительного состояния транспорта, связи и финансовой сферы. В этой ситуации, по мнению автора, лучшим выходом для активизации торгово-экономических связей в АТР в целом и с Тайванем в частности может стать поэтапная либерализация торгового и инвестиционного режима в рамках АТЭС по китайской модели развития внешнеэкономических связей — создание специальных экономических зон, зон научно-технического развития, зон пограничного сотрудничества и др. "В этом случае Россия сможет рассчитывать на помощь международного сообщества как в рамках АТЭС, так и со стороны частных инвесторов, в том числе тайваньских" (с. 81).

Со сдержанным оптимизмом констатируя, что "деловой и инвестиционный климат в России в долгосрочном плане, хотя и мучительно медленно, но улучшается", старший научный сотрудник ИВ РАН к.э.н. В.Г. Швыдко видит в этом одну из перспективных предпосылок будущей активизации экономических отношений России с Японией (с. 84). Вхождение России в АТЭС дает ей возможности поиска точек соприкосновения с японским бизнесом "на более широком поле", прежде всего в рамках экономики АТР, в целом часть стран которого имеет относительный избыток финансовых ресурсов. По его аргументированному убеждению, во взаимодействии России с Японией в

АТЭС "приоритет должен быть отдан работе с крупными корпорациями международного масштаба" (с. 85–86).

В выступлении ведущего научного сотрудника ИДВ РАН к.э.н. С.С. Суслиной акцент сделан на анализе путей и форм активизации "связки Москва–Сеул" в составе АТЭС. По ее убеждению, именно эта "связка способна стать своего рода "локомотивом" вывода АТЭС на магистральный путь развития мировой экономики" (с. 86). Обосновывая эту позицию, автор структурирует баланс интересов России и Южной Кореи как экономических партнеров, выделяя при этом те конкретные направления, на которых уже в ближайшем будущем, по ее мнению, возможна консолидация российско-южнокорейских усилий в АТЭС (с. 90–91).

Завершает второй раздел сборника доклад ученого секретаря ИДВ РАН к.и.н. А.А. Козлова, посвященный исследованию сотрудничества России и АСЕАН в рамках АТЭС. В числе концептуальных выводов автора следует, на наш взгляд, выделить положение о том, что после известного азиатского финансового кризиса, пошатнувшего престиж АТЭС, "прежняя линия АТЭС по либерализации торговли должна отойти на второй план"; на первом же месте должны стоять актуальные проблемы экономического развития стран-участников форума. Россия должна поддерживать в АТЭС страны АСЕАН в их усилиях по восстановлению экономики и обеспечению экономического роста. Придерживаясь такого курса, Россия внесет вклад как в укрепление своих связей с АСЕАН, так и самого форума АТЭС (с. 96–97).

Третий раздел рецензируемой книги посвящен проблемам участия российского Дальнего Востока в АТЭС в контексте перспектив интеграции этого региона России в АТР. Практически в каждом из докладов раздела, с одной стороны, подчеркивается принципиальная геэкономическая возможность и важность для РФ данной интеграции, с другой — выявляются те или иные обстоятельства, ее осложняющие, такие, например, как очевидные проблемы инвестиционного климата в регионе, общая ненормативность предпринимательства в России с международной точки зрения и другие.

В развернутом докладе директора Института экономических исследований Дальневосточного отделения РАН чл.-корр. РАН П.А. Минакира, в частности,

констатируется, что членство России в АТЭС "в принципе дает прекрасную возможность "вынужденной" институциональной интеграции российского Дальнего Востока в тихоокеанский экономический мир" (с. 105); обосновывается необходимость соответствующих институциональных преобразований в экономике региона, от которых во многом зависит реализация крупномасштабных проектов, могущих стать своего рода "скелетом" его международной кооперации (с.103–109); выражается надежда на общее повышение легитимности региона в глазах иностранных инвесторов после образования Дальневосточного федерального округа, возглавляемого представителем Президента РФ (с. 106).

По мнению председателя АК СЭЗ "Находка" Н.В. Федорова, интеграция Дальневосточного региона в АТР состоится только в случае создания Россией конкурентоспособной среды для развития деловой активности, которая "станет залогом постепенного "врастания" ДВ в рынок АТР"; механизм же создания такой среды "должен и может быть воплощен" через инструмент свободных экономических зон (СЭЗ) (с. 107–108). Свой план повышения инвестиционной привлекательности регионов Сибири и Дальнего Востока во взаимодействии с АТЭС предлагает вице-президент корпорации "Парус", член правления Лиги инвестиционного сотрудничества И.М. Язвина: его центральным звеном должно стать внедрение и финансирование системы предынвестиционной подготовки российских предприятий (с. 108–111).

А.В. Шевчук и Е.С. Мелехин (соответственно начальник и зам. начальника Управления экономики природопользования МПР России) призывают использовать возможности АТЭС для освоения природно-ресурсного потенциала регионов Сибири и Дальнего Востока, что связывается авторами прежде всего с наличием реальных геополитических и экономических предпосылок выхода России на топливно-энергетический рынок АТР (с. 111–113). Опоздание же с реализацией восточно-сибирского нефтегазового проекта, по их убеждению, может "нанести огромный ущерб экономической и энергетической безопасности" РФ, ослабить ее экономические позиции в АТР и в мире в целом (с. 118).

Сборник завершает четвертый, итоговый, раздел, в который входят выступления представителей ряда правительственных учреждений, деловых кругов и

некоторых ученых, посвященные развитию практического взаимодействия России с АТЭС. Так, в докладе зам. Генерального директора ОАО "Ростелеком" А.С. Вышлова рассматриваются вопросы деятельности Делового консультативного совета (ДКС) как весьма авторитетного самостоятельного органа, учрежденного АТЭС в 1995 г. и представляющего интересы частного бизнеса стран-участниц форума (с. 119–122).

В выступлении заместителя председателя Правления ОАО "Газпром" В.В. Ремизова отмечаются хорошие в целом перспективы сотрудничества этой компании со странами АТР, в том числе на таких направлениях, как формирование континентальной газотранспортной системы между Россией и Китаем, совместная разведка и разработка газовых месторождений, развитие газовой инфраструктуры, газификация автотранспорта (с. 122–126).

В концептуальном докладе вице-председателя Группы "Сибирский алюминий" к.э.н. В.С. Хонякова "Российский бизнес и АТР" с позиций экономического прагматизма дискутируется проблема координации деятельности государственных органов и частного бизнеса в целях продвижения экономических интересов России в АТР (с. 127–129). Одним из эффективных инструментов такой координации может стать, по мнению докладчика, недавно сформированный при МИД РФ "Деловой клуб АТЭС". В выступлении подвергнута конструктивной критике работа созданной в 1998 г. Комиссии правительства РФ по вопросам участия в форуме АТЭС, в частности в связи с тем, что к выработке ее решений "представители крупного российского бизнеса практически не привлекаются" (с. 127). Как один из инициаторов и разработчиков Кодекса деловой этики АТЭС Группа "Сибирский алюминий" считает "деловую прозрачность, укрепление деловой репутации российских компаний в АТР одним из базовых принципов нашей долгосрочной политики в регионе" (с. 128–129).

В докладе, подготовленном проф. д.э.н. В.Н.Ремыгой и В.А. Дейнеко (соответственно начальником и сотрудником Отдела по работе с Китаем Международного промышленного банка), рассматривается взаимодействие российских деловых кругов с АТЭС в инвестиционной и банковской сферах (с. 129–135). В нем детально анализируются объемы, динамика, страновая и отраслевая структуры ино-

странных инвестиций в РФ, развитие соответствующей нормативно-правовой базы, конкретные крупномасштабные инвестиционные проекты. В выводах автора следует отметить констатацию противоречия между относительным улучшением инвестиционного климата и отсутствием заметного увеличения реальных инвестиционных потоков в Россию из стран АТР (с. 133), в числе рекомендаций — предложения о создании в РФ отвечающей международным стандартам системы информации зарубежных инвесторов о российских инвестиционных проектах, а также относительно банковских консорциумов как наиболее эффективной структуры реализации крупных международных проектов (с. 133–134). Весьма любопытна и характеристика опыта сотрудничества Межпромбанка в АТР - первого среди российских банков, вступившего в Ассоциацию банков Азии (АБА), где сосредоточено около 60% мировых инвестиционных ресурсов (с. 134–135).

В выступлении заместителя председателя Госстандарта России В.Н. Крутикова характеризуется деятельность этого ведомства по развитию сотрудничества с АТР в областях стандартизации, метрологии и сертификации. Показательными примерами такой деятельности, по мнению выступившего, могут служить функционирование, начиная с 1993 г., аккредитованного в системе ГОСТ РФ органа по сертификации "ГОСТ-Азия", имеющего свои представительства в Сингапуре, Японии и Южной Корее, вступление России в 1995 г. и ее постоянное участие в лице Госстандарта РФ в Азиатско-Тихоокеанском форуме по законодательной метрологии (АТФЗМ) (с. 136–137).

Весьма детально и на богатом фактическом материале рассмотрено азиатско-тихоокеанское направление энергетической политики России в докладе специалиста Управления внешнеэкономической деятельности Министерства энергетики РФ И.Р. Салаховой (с. 138–147). Исходя из общей посылки о том, что российский топливно-энергетический комплекс (ТЭК) останется лидирующим сектором экономики России в первой половине XXI в., докладчик акцентирует внимание на проблеме обеспечения энергетической безопасности РФ и стран АТР, которая становится все более актуальной в контексте развития процессов глобализации мировой энергетики (с. 138). В этой связи в вы-

ступлении выявляются факторы усиления значимости азиатского направления во внешней энергетической политике России; анализируются структура энергопотребления, баланс ресурсов и потребления энергии в Азии и АТР на современном этапе и в обозримой перспективе; дается оценка реализуемых и планируемых крупномасштабных проектов экспорта российских энергоресурсов в СВА. Из числа выводов доклада примечательны, на наш взгляд, следующие: выход России на новые для нее энергетические рынки СВА может стать основой диверсификации экспортных потоков российских энергоресурсов и ликвидации чрезмерной зависимости РФ от основного принимающего рынка — европейского (с. 139); в отличие от европейского рынка, на котором сотрудничество в области энергоснабжения в основном происходит на уровне хозяйственных субъектов, отношения со странами СВА развиваются на основе межгосударственных соглашений и гарантий государства, что предопределяет усиление роли государства в обеспечении развития восточного направления энергетической политики России (с. 147).

Соглашаясь с мнением предшествующего докладчика о больших возможностях российского ТЭК в плане его развития на восточном направлении, зав. сектором общих проблем Тихоокеанского региона ИМЭМО РАН к.э.н. А.Н. Федоровский в то же время подчеркнул, что структурная перестройка экономики АТР в пользу высокотехнологичных производств может не затронуть Россию, оставив ее на периферии региональной интеграции в качестве поставщика топлива и сырья (с. 148). Поэтому, по его мнению, возрастет актуальность задачи участия российского бизнеса в региональных проектах развития высокотехнологичных производств и сферы услуг. Целесообразно в сотрудничестве с соответствующими комитетами и рабочими группами АТЭС решать такие конкретные задачи, как создание жизнеспособных систем информационного и консультационного обеспечения бизнеса, включая малый и средний; подготовка современной генерации управляющих, знакомых с особенностями деловой практики, политической и социокультурной спецификой АТР (с. 148–150).

Развернутое выступление начальника Азиатско-Тихоокеанского отдела Департамента экономического сотрудничества (ДЭС) МИД России С.В. Васильева как

старшего должностного лица от России в АТЭС насыщено информацией об этой организации по таким аспектам, как история создания форума, его страновой и территориальный состав, удельный вес в мире по экономическим показателям, основные декларируемые цели, принципы, методика работы, конкретные задачи и процедура работы (с. 150–157). Большое внимание уделено мерам по обеспечению участия России в АТЭС и оценке первых реальных итогов этого полуторагодового участия (с ноября 1998 г. по июнь 2000 г.). В комплексе мер по государственному обеспечению участия РФ в АТЭС докладчик выделяет формирование Комиссии Правительства по вопросам участия в форуме АТЭС; работу секретариата Комиссии, находящегося в ДЭС МИД, по информационному, консультативному и методическому содействию членам Комиссии; меры по вовлечению российских деловых кругов в деятельность АТЭС, в том числе формирование при МИД Делового клуба АТЭС, в который к лету 2000 г. вошло около 40 крупнейших компаний и банков России, открытие отделения клуба в Хабаровском крае; регулярный диалог по проблематике АТЭС с представителями академической науки, в частности в форме ставших начиная с 1999 г. ежегодными научно-практических конференций "Россия в АТЭС и АТР"; меры по вовлечению в работу АТЭС российских регионов, прежде всего Сибири и Дальнего Востока; развитие связей Комиссии со средствами массовой информации (с. 153–154). В числе первых итогов участия РФ в АТЭС следует отметить подготовку и представление в секретариат АТЭС национального индивидуального плана действий России по либерализации торговли и инвестиций (1998 г.); участие в двух встречах "экономических лидеров" АТЭС Е.М. Примакова и В.В. Путина; утверждение Президентом РФ трех руководителей крупных российских компаний в качестве представителей в Деловом консультативном совете АТЭС (АВАС) (с. 155). Заслуживают внимания и тезисы докладчика о важности для России поддержки, оказываемой АТЭС процессу присоединения РФ к ВТО, о возможности минимизации с помощью АТЭС отрицательных последствий глобализации мировой экономики (с. 157).

Итоговый раздел сборника завершают два материала, подготовленные третьим секретарем ДЭС МИД России Н.А. Толоко и касающиеся соответственно основ-

ных направлений деятельности Экономического комитета (ЭК) АТЭС (с. 158–163) и вопросов активизации участия женщин в экономической жизни стран-членов АТЭС (с. 164–166). В первом материале содержится подробная информация о задачах и обязанностях ЭК АТЭС (включая приоритетную задачу обмена информацией и аналитическими данными по проблемам экономики региона), порядке и формах работы комитета. В числе обязанностей ЭК особо выделены составление, публикация и распространение через сеть Интернет ежегодных экономических обзоров состояния экономики стран и территорий АТЭС, разработка тематических исследовательских и научно-практических проектов, анализ перспектив и составление прогнозов. Констатируется, что, к сожалению, вплоть до настоящего времени (т.е. до июня 2000 г. — В.К.) участие России в деятельности комитета в основном ограничивалось предоставлением ею информации по внутренней экономической ситуации в стране. В то же время ряд разрабатываемых в рамках ЭК АТЭС инициатив представляет для России очевидный практический интерес (в частности южнокорейский проект “Содействие наукоёмким экономикам” и другие), и поэтому участие в их разработке могло бы способствовать преодолению нашей страной последствий кризиса и достижению ей устойчивого экономического роста (с. 162). Что касается второго из указанных материалов докладчика, то согласно одному из его итогов-

вых заключений, гендерное направление в АТЭС, в котором Россия пока не принимает участия, является важным сектором деятельности форума и заметным фактором, определяющим общественное мнение в странах АТР (с. 166).

Рецензируемый сборник логично структурирован, оснащен удобным для пользования справочным аппаратом, включающим в себя несколько таблиц, оглавление и аннотации на русском и английском языках, указатели авторов и сокращений. Книга качественно издана, в чем немалая заслуга ИДВ РАН и МИД России, а также Группы “Сибирский алюминий”, оказавшей поддержку издательству.

Естественно, в ограниченной по объему рецензии весьма сложно адекватно прокомментировать все вошедшие в сборник материалы — теоретические, научно-практические, разнообразные по методологии и объему исследования, дискуссионные по ряду своих аспектов и параметров. Тем более, что в числе их авторов — 30 авторитетных отечественных и зарубежных экспертов в областях экономики России и стран АТР, международных экономических и политических отношений. Не вызывает сомнений, однако, что все эти материалы подготовлены на высоком профессиональном уровне, актуальны, удачно дополняют друг друга и могут быть полезными для специалистов и всех читателей, интересующихся современной востоковедческой тематикой и проблемами интеграции России в мировое хозяйство.

© 2001

*В. Карлусов,
доктор экономических наук*

Перспективы Китая (Чжунго цзоусяв) / Под редакцией Ху Аньгана. Ханчжоу: Чжэцзян жэньминь чубаньшэ, 2000. 381 с.

На рубеже веков и двадцатилетия реформ в КНР уделяют большое внимание анализу нынешнего состояния и перспектив дальнейшего развития страны. Данная тема, как известно, является актуальной для политиков, ученых и общественных деятелей не только в самом Китае, но и в других странах мира. Как результат такого интереса можно рассматривать появление книги "Перспективы Китая", которая представляет собой сборник научных статей и материалов по этой актуальной теме, составленный экспертами Академии наук КНР и Центра исследований внутреннего положения страны при университете Цинхуа. Помимо работ китайских ученых (Ху Аньган, Се Пин, Хуан Цзикунь, Чэнь Синдун) в книгу включены статьи ряда известных зарубежных исследователей (М.Оксенберг, Л.Саммерс, Р.Росс и др.), а также аналитиков из Всемирного банка и исследовательских центров других стран.

Как следует из предварительного пояснения к книге, до недавнего времени ее содержание не предназначалось для широкой общественности и использовалось главным образом руководителями провинциального и министерского уровня в их текущей работе в качестве справочно-аналитического материала. Это объясняется, видимо, тем, что в книге в основном достаточно глубоко и всесторонне рассматриваются не только позитивные достижения, но и негативные особенности современного этапа экономических реформ, социального развития, а также некоторых преобразований в политической системе Китая. Таким образом само появление книги в определенном смысле можно рассматривать как один из косвенных признаков тенденции на либерализацию режима в КНР.

Среди достижений китайских реформ авторы отмечают выход КНР на второе место в мире (после Японии) по валютным запасам, составившим к августу 1999 г. 150 млрд. долларов США, а также на второе место после Соединенных Штатов - по размерам поступивших в страну иностранных инвестиций (260 млрд. долларов США). Кроме этого исследователи прогнозируют устойчивый еже-

годный рост китайской экономики на период 2001-2010 гг. в размере 7,2%, а на 2010-2025 гг. - 6,8% (с. 72, 88). К 2025 г. доход на душу населения в Китае должен сравняться с доходом нынешних жителей Тайваня и достичь 12 тыс. долларов в год (по курсу американской валюты на 1985 г.). Предполагается, что через 20-30 лет Китай будет занимать первое или второе место в мире по уровню развития экономики, хотя "еще длительное время сохранит отставание от США по уровню жизни населения" (с. 106). Китайские города Сянган и Шанхай должны будут прочно удерживать позиции среди ведущих валютных и коммуникационных центров общемирового масштаба.

Предполагаемое стабильное экономическое развитие КНР приводит некоторых аналитиков к выводам о том, что демократизация китайского общества в будущем, возможно, произойдет по тайваньскому сценарию, чему, как следует из материалов книги, должны способствовать последовательная либерализация экономики, рост ее частного сектора и увеличение численности среднего класса в стране (с. 107). Вывод о копировании "тайваньской модели" конечно же не является бесспорным, однако нельзя не согласиться с тем, что возникновение и развитие в Китае "социальной многополярности" и политической либерализации при условии отсутствия "внешних и внутренних возмущений" скорее всего будет носить "по-тайваньски" эволюционный характер. Это очевидно так же, как и то, что основа будущей политической стабильности Китая заключается в обеспечении его экономического процветания, которое неотделимо от постепенной интеграции страны в действующий механизм глобальной экономики, торговли и международного права.

В то же время отдельные зарубежные авторы (например М.Оксенберг) не считают будущее КНР совершенно ясным и вполне определенным. Допускается даже перспектива серьезного ухудшения отношений между КНР и Тайванем вплоть до развязывания вооруженного конфликта и втягивания в него Соединенных Штатов (с. 118). Так или иначе экс-

перты признают, что дальнейшее развитие страны будет в определяющей степени зависеть от внутривластической ситуации.

В этой связи, как отмечалось, материалы книги интересны тем, что содержат анализ проблем и трудностей, которые серьезно влияют на нынешнюю внутривластическую ситуацию в стране и могут существенно сказаться на ее развитии в будущем. Среди таких проблем - низкая эффективность работы государственных предприятий. Сегодня в КНР имеется 305 тыс. госпредприятий, где трудятся свыше 56 процентов рабочих и служащих китайских городов и поселков. Однако отдача от них намного ниже, чем от предприятий, не являющихся чисто государственными и включающими коллективные, частные, поселково-волостные предприятия, а также предприятия с участием иностранного капитала. Примечательно, что госпредприятия поглощают значительную часть государственных средств, эффективность освоения которых за все годы реформ уже традиционно остается на низком уровне. Так, в 1998 г. они получили от банков свыше 70% всех кредитов, однако произвели при этом лишь 40% ВВП (для сравнения: до начала реформы, в 1978 г., госпредприятия производили более 90% ВВП) (с. 92). В 1997 г. убытки 58 тыс. государственных предприятий составили около 100 млрд. юаней. очевидно, что сохранение такого положения в дальнейшем чревато еще большими трудностями для экономического и социального развития страны. Поэтому реформирование данной сферы экономики в Китае поднято сегодня на уровень задачи первостепенной важности. Предполагается, например, существенно сократить количество госпредприятий в тех отраслях, где уже успешно работают частные структуры. На повестке дня - приватизация крупных госпредприятий в таких сферах, как почто-телеграфная связь, нефтяная промышленность, линии авиационных сообщений на юге Китая и др.

Однако упорядочение деятельности госпредприятий в условиях рыночной экономики, осуществление приватизации части из них, а также ликвидация убыточных хозяйственных субъектов, сопряжены с дальнейшим обострением другой, весьма важной, проблемы - безработицы, которая в 1998 г., по официальным сообщениям, составляла 15-16 млн. человек (с. 50). При этом авторы признают, что официальные данные по безработице в КНР

существенно занижены. По мнению экспертов, безработные в Китае располагают весьма ограниченными средствами к существованию. Так, пособие, которое получают не более 40% зарегистрированных безработных, является мизерным и составляло, например, в 1996 г. лишь 7,8, а в 1997 г. - 6,0% от среднего уровня заработной платы, что в денежном выражении равнялось, соответственно, 35 и 49 юаням в месяц (с. 52). Особенно высокий уровень безработицы в Китае среди молодежи: в 1997 г. 18,71% безработных составляли молодые люди в возрасте 16-19 лет. Значительную часть безработных составляют так называемые "потерявшие должность" ("сяган"), то есть лица, которые лишились места в результате банкротства предприятия, окончания контракта, увольнения по различным причинам. Эта категория безработных, возраст которых находится в пределах 34-50 лет, является одной из активных групп населения страны. Наиболее остро проблема безработицы стоит в провинциях Хэйлуцзян, Цзилинь, Ляонин, Хэнань, Сычуань, Гуйчжоу, Шэньси, Цинхай, Хубэй, а также в таких отраслях промышленности, как угольная, лесная, текстильная, металлургическая, машиностроительная, оборонная и сфере государственной торговли.

Китайское руководство, понимая экономическую и политическую значимость данной проблемы и реально оценивая имеющиеся возможности, в последние годы принимает энергичные меры по созданию дополнительных рабочих мест. Прежде всего упор делается на повсеместное развитие средних и малых предприятий, включая частный и коллективный сектора экономики, развитие новых современных производств, требующих больших не только интеллектуальных, но и трудовых затрат, строительство базовых объектов сельского хозяйства и промышленности, способных привлечь значительное количество малоквалифицированных рабочих рук, что особенно важно для "бедных" и "отсталых" районов Китая. Важная роль в создании дополнительных рабочих мест отводится дальнейшему совершенствованию рынка услуг и привлечению иностранных инвестиций. Используя названные рычаги, китайские эксперты рассчитывают на создание таким образом 40-50 млн. рабочих мест (с. 72).

Важной проблемой, которую исследуют авторы ряда статей, является неравномерность развития различных реги-

онов страны. Для нынешнего китайского руководства это серьезный вызов, могущий обернуться опасными последствиями для стабильности политического режима в целом. В книге называется ряд причин региональной диспропорции в социально-экономическом развитии страны. Как известно, до проведения реформ правительство в централизованном порядке перераспределяло ресурсы, помогая бедным и отсталым районам. Однако после 1978 г. права и полномочия в сфере административного руководства и хозяйственного управления начали постепенно передаваться на места. В результате возможности центрального правительства по аккумулярованию финансовых средств значительно сократились. Особенно это было заметно в 1990-1993 гг. Как результат - были существенно урезаны дотации регионам со сложными природно-климатическими условиями, а также приграничным и удаленным районам страны. Кроме этого, в первые годы после начала преобразований в Китае выдерживался курс на первоочередное развитие отдельных регионов и повышение жизненного уровня лишь некоторой части населения страны. И если на начальной стадии такая тактика была оправданной и вполне понятной населению страны, то к середине 90-х годов отчетливо стали проступать негативные последствия диспропорционального развития, вызывавшие недовольство со стороны различных слоев населения страны. Например, в 1995 г. по уровню производства ВВП из расчета на душу населения Шанхай превосходил провинцию Гуйчжоу в 16,1 раза (с. 28). Если Шанхай и Пекин по уровню жизни населения занимают по "мировой шкале" 35 и 39 место, то провинции Гуйчжоу, Цинхай, Тибетский автономный район - соответственно, 124, 125 и 133 места.

Обозначилась устойчивая тенденция к увеличению разрыва в доходах городских и деревенских жителей. В сегодняшнем Китае доходы городского и сельского населения отличаются в пять раз в пользу города (с. 34). В этих условиях, как признают авторы книги, от правительства требуется напряженная работа и большая гибкость в выборе путей и способов нейтрализации социального недовольства и поддержания "общественного спокойствия" стране. Среди таких мер китайское руководство выделяет, в частности, следующие: трудоустройство "потерявших должность"; реформу системы социально-

го страхования рабочих и служащих при выходе на пенсию, в случае потери рабочего места и при необходимости получения медицинского обслуживания; справедливость в вопросах распределения доходов, а также улучшение материального положения той части населения, которая имеет наименьшие доходы. Решение этих задач будет делом непростым. Например, по подсчетам министерства труда и социального страхования, в Китае за период 1999-2005 г. должны быть выплачены пенсии по старости на общую сумму 1.25 триллиона юаней (с. 80).

Важное место отведено в книге материалам, в которых анализируются особенности реформы политической системы КНР. Авторы подчеркивают бесновательность позиций тех, кто пытается говорить сегодня об отсутствии каких-либо изменений в организации политической жизни КНР после 1978 г., ограничиваясь лишь признанием достижений в сфере экономических преобразований страны. Изменения политической свойства очевидны. Так, после окончания "культурной революции" произошло восстановление и заметное усиление представительных органов и законотворческой деятельности; постепенно нормализуется деятельность судов и прокуратур, включая сферу защиты интересов граждан; сельские жители обрели законное право самим выбирать непосредственных руководителей; произошли изменения в культурной жизни населения страны.

При анализе эволюционных политических процессов в книге выделяются проблемы организации отношений в системе компартия - правительство - экономические субъекты; структурирование отношений между центром и регионами, особенности их взаимодействия в условиях проведения масштабных реформ; развитие демократизации в сельской местности. Рассматривая политические преобразования в комплексе, авторы старались раскрыть содержание мер по упорядочению отношений между партией и правительством на разных этапах реформ. Подчеркивается, в частности, что то "разделение функций между партией и правительством" (данчжэн фэньгун), которое осуществлялось до 1987 г., было не равнозначно мерам, "по разделению функций партии и правительства" (данчжэн фэнькай), реализовать которые пытались сразу после XIII съезда КПК. В первом случае речь шла о том, что партия как бы

уступала правительству лишь часть некоторых функций, а во втором - правительство уже могло действовать в качестве более "самостоятельного субъекта". Провозглашенное на указанном съезде положение о "разделении функций" было воспринято обществом и особенно интеллигенцией как начало "политической либерализации" в Китае, закончившейся, как известно, выступлениями студентов и массовыми беспорядками с их участием в ряде городов Китая, в том числе в Пекине на площади Тяньаньмэнь и их суровым подавлением (июнь 1989 г.). Эти события убедили китайское руководство, что к политическим преобразованиям, и в первую очередь к пересмотру места и роли компартии в обществе, следует подходить крайне осторожно и постепенно, не подвергая угрозе устойчивость политического режима в стране. В последующем, как отмечают авторы, изменения политического свойства проводились в рамках постепенного и назревшего упорядочения конкретных политических институтов и процедур с тем, чтобы они в большей степени отвечали потребностям и запросам экономической реформы.

Компартия в Китае, выполняя функции правящей партии, с одной стороны, стимулировала реформы, а с другой - выступала в роли гаранта их проведения. Отсюда делался вывод, что на данном этапе ослабление взаимодействия правящей партии и правительства может лишить страну организующего начала, в результате чего в обществе воцарится хаос и беспорядок, при которых ни о каких реформах и развитии и речи не может быть. Сегодня в Пекине акцентируют внимание на практическом решении основной задачи, связанной с разделением правительственных структур и хозяйственной деятельности госпредприятий в интересах постепенной адаптации экономических субъектов и государственных органов к функционированию в условиях внутреннего и международного рынков. Что касается разделения функций партийных и правительственных органов, то данная часть реформ в Китае на данном этапе не считается первоочередной. В этом заключается суть подхода нынешнего китайского руководства к одной из важнейших проблем реформы - к проблеме "двух разделений" ("сянгэ фэнькай"), то есть "разделение функций правительства и предприятий" ("чжэнци фэнькай") и разделение функций партии и правительст-

ва" ("данчжэн фэнькай").

В рамках "разделения функций правительства и предприятий" часть руководящих функций исполнительной власти была передана непосредственно периферийным территориям, заводам и предприятиям, в связи с чем отпала необходимость в существовании ряда министерств и комитетов, которые ранее в условиях плановой экономики напрямую руководили предприятиями. В результате в 1998 г. количество комитетов и министерств в правительстве было уменьшено с 40 до 29, численность служащих сокращена с 8 до 4 миллионов человек. Такие изменения должны были неизбежно затронуть и партийные органы, поскольку функционально их подразделения дублировали работу исполнительных структур власти.

Важным направлением деятельности китайского руководства всегда являлось формирование отношений между центром и регионами в условиях модернизации экономики и ее функционирования по законам рынка. Авторы книги подчеркивают, что на данном этапе и на ближайшую перспективу развития страны главные усилия будут сосредоточены на укреплении позиций и роли центра, который стремится оказывать большее влияние на все стороны внутривластной жизни, в частности на комплектование кадрами руководящих звеньев партийных и правительственных органов в центре и на местах. Так, на XIV съезде КПК (1992г.) представители центральных министерств и комитетов составляли более 40% численности Центрального Комитета, тогда как региональные лидеры - 33%. С 16 до 33% возросло в ЦК КПК представительство военных, всегда являвшихся важной опорой действующего политического режима. Примерно та же расстановка сохранилась и на XV съезде КПК (1997 г.), который избрал в состав своего центрального комитета 42% представителей центральных ведомств и 32% региональных представителей (с. 260). В течение того же периода отмечалось укрепление финансовых возможностей центральной власти. Поступления в ее казну постоянно росли: в 1993 г. - 30 млрд. юаней; в 1994 г. - 85 млрд. юаней; в 1996 г. - 122 млрд. юаней. Если на долю центра в начале 90-х годов приходилось менее 30% собираемых налогов, то во второй половине того же периода - уже, примерно, 50% (с. 262). На основании такого рода данных эксперты полагают, что в Пекине перспективное усиле-

ние и развитие регионов не отделяют от параллельного осуществления обязательных и эффективных мер по укреплению центральной власти в качестве механизма макрорегулирования возникающих разноплановых противоречий и гаранта стабильности политического режима в целом.

В книге заметное место отведено материалам, посвященным оценке будущего экономического и торгового сотрудничества Китая с другими странами с учетом планируемого вступления Китая во всемирную торговую организацию (ВТО). Авторы полагают, что вступление КНР в ВТО, хотя и связано с преодолением страной серьезных проблем экономического, социального и правового характера, однако позволит постепенно укрепить Китай в ряду государств, располагающих развитой и конкурентоспособной экономикой. Считается, что членство в этой организации создаст дополнительные гарантии для иностранных инвесторов, откроет новые возможности для отраслевого и регионального развития экономики Китая, а также позволит сделать международное экономическое развитие в целом более стабильным и управляемым. Полагают, что вступление Китая в ВТО полезно и потому, что поможет заметно сблизить его интересы с экономическими и полити-

ческими интересами других стран, что в свою очередь внесет дополнительный стабилизирующий элемент в безопасность регионального и глобального масштаба. При этом западные эксперты не склонны преувеличивать на обозримую перспективу военной либо иной опасности со стороны Китая для мирного и относительно устойчивого развития отдельных стран или их сообществ. Одновременно высказывается убеждение, что международным интересам в большей мере соответствует стабильность нынешнего политического режима и социально-экономического развития Китая, чем неуправляемость и неустойчивость ситуации в этой стране.

Как отмечалось, книга включает статьи ряда китайских и зарубежных авторов, пытавшихся с различных позиций оценить путь, пройденный Китаем за последнее десятилетие, а главное - заглянуть в его обозримое будущее, включая отношения с другими странами. Несмотря на разную глубину оценок и прогнозов, а также явные политические пристрастия их авторов, содержание книги несомненно представит значительный интерес для всех, кто занимается изучением проблем современного Китая, состояния и особенностей экономических, политических реформ и международных связей КНР.

© 2001

*К. Кокарев,
кандидат исторических наук*

Ларин А.Г. Два президента, или Путь Тайваня к демократии. М.: Академия, 2000. 200 с.

Книга А.Г.Ларина вышла в свет после знаменательных президентских выборов на Тайване, принесших победу партии Миньцзиньдан и ее лидеру Чэнь Шуйбяню, положивших конец эпохе безраздельного господства гоминьдановцев в политической жизни острова. Выборы всколыхнули общественный интерес к малоизвестному для российского читателя Тайваню. Тем более, что личные судьбы тайваньских лидеров – первого президента Тайваня Чан Кайши и второго президента – его сына Цзян Цзинго, тесно связаны не только с партией Гоминьдан, правившей в Китае (до 1949 г.), но и с историей СССР и Коминтерна.

Другое немаловажное обстоятельство, делающее данную книгу заметной и с научной точки зрения, и в познавательном плане, связано с тем, что в своем труде автор сумел соединить несколько жанров. Книга "Два президента" – историко-документальное исследование, основанное на огромном числе новых рассекреченных архивных документов. Одновременно работа А.Г.Ларина – в определенном смысле художественное произведение, с описанием драматических эпизодов из жизни Чан Кайши, Цзян Цзинго (Н.Елизарова) и сменившего последнего в роли президента Тайваня Ли Дэньхуэя, с интересной сюжетной линией, глубокими психологическим и эмоциональным планами. Автор выступает как квалифицированный ученый-историк, китаевед и одновременно как писатель-филолог, тонкий стилист. Поэтому книга читается, как говорится, на одном дыхании.

Для российского читателя представлен особый интерес советский период жизни Цзян Цзинго. Пребывание в СССР, как убедительно показывает автор, было для молодого "Николая Елизарова" большой школой и тяжелым испытанием. За 12 лет (с 1925 по 1937 гг.) он побывал студентом университета им. Сунь Ятсена в Москве, слушателем Военной Академии в Ленинграде, слесарем на заводе, председателем колхоза в российской глубинке, рабочим на золотых приисках Алтая в Сибири и редактором многотиражки на заводе "Уралмаш" в Свердловске. В сере-

дине 30-х годов, когда казалось, что жизненная судьба Н.Елизарова уже устоялась, (он создал свою семью, женившись на русской девушке), наступает новый поворот. Сначала угроза ареста в ходе массовых репрессий, развернувшихся в СССР, а затем чудесное спасение и решение сталинского руководства отправить его в Китай, к его отцу – Чан Кайши, чтобы использовать это возвращение на родину для восстановления подорванных отношений СССР с гоминьдановским правительством.

Когда читаешь эти страницы, невольно думаешь, какова была истинная причина того, что Н.Елизаров все-таки избежал ареста и был без шума отправлен в Китай? Являлось ли это стечением внешних, международных обстоятельств, связанных с необходимостью нормализации отношений двух стран, с развернувшейся в 1937 г. японской агрессией в Китае и поддержкой единого антияпонского фронта? Либо кроме этого здесь присутствовал также и далеко идущий расчет советских спецслужб и политического руководства относительно будущего Н.Елизарова?

В связи с этим некоторые историки даже считают, что в 1934-1937 гг. Н.Елизаров был тайно завербован НКВД, что и помогло ему избежать, казалось бы, неизбежного ареста. Тем более, что в книге А.Г.Ларина приводятся архивные документы доносов на Н.Елизарова, детали ареста его непосредственных начальников по работе на заводе в Свердловске – Е.В.Цетлина и Л.Л.Авербаха. Думаю, что на этот вопрос вряд ли кто-нибудь сегодня достоверно ответит. Да и не сохранилось прямых документов, опровергающих или подтверждающих эту версию.

Решение отпустить Н.Елизарова в Китай принималось на самом высоком уровне. 3 марта 1937 г., как пишет А.Г.Ларин, политбюро ЦК ВКП(б) постановило: "Не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен" (с.35).

Другой вопрос, который также возникает при знакомстве с советским периодом жизни Н.Елизарова: каковы были

истинные идеалы и цели в его жизни на том этапе. Верил ли он в эти годы в коммунистические ценности или же, как пишут некоторые тайваньские историки, познавал только "неприглядную правду о коммунизме" (с.38), то есть вел двойную жизнь, на словах являясь активным "агитатором, пропагандистом социализма", а фактически, уже тогда, в СССР, сформировался как стойкий антикоммунист, каким показал себе в последующем?

Видимо, нужно согласиться с автором, который по этому поводу говорит: "Неполнота материалов...не позволяет однозначно судить, насколько глубоко было разочарование Елизарова в идеях коммунизма...Полный отказ от основ коммунистического мировоззрения для Елизарова - газетчика, ежедневно пропагандировавшего эти основы, едва ли был возможен: такая двойственность обычно приводит к психологическому срыву и разрушению личности. Другое дело, что испытания, выпавшие на его долю остудили его юношеский романтизм, подтолкнули к критическим раздумьям, а впоследствии способствовали эволюции в сторону антикоммунизма" (с.38).

Китайскую фазу жизни Н.Елизарова на материке (1937 - 1949 гг.) можно образно назвать периодом его обратного перевоплощения в китайца Цзян Цзинго. А.Г.Ларин, исследуя эти годы, прекрасно показал какую психологическую драму и мучительную эволюцию пережил будущий президент Тайваня в осмыслении и усвоении новых для себя ценностей и реалей, переживавшего бурные события Китая. Причем, большой опыт, обретенный в СССР, и мощная энергетика Цзян Цзинго помогли ему снова подниматься вверх в карьере.

Чтобы вернуть полное доверие отца - Чан Кайши, ему пришлось поработать на разных должностях и в различных провинциях гоминьдановского Китая. Думаю, что окончательное доверие со стороны Чан Кайши он получил к июлю 1945 г., когда был включен в состав правительственной делегации, направленной в Москву для подписания советско-китайского Договора о дружбе и сотрудничестве. Возглавлял делегацию премьер-министр и министр иностранных дел Сун Цзвэнь. Цзян Цзинго фактически был вторым лицом в делегации, хотя по некоторым вопросам и эпизодам поездок, в особенности что касается неофициальных контактов и личных бесед с И.Сталиным и другими

советскими руководителями, он, несомненно, был на первых ролях.

Автор книги приводит интересный диалог между ним и И.Сталиным по монгольскому вопросу, ссылаясь на собрание сочинений самого Цзян Цзинго, изданных в 1982 г. в Тайбэе. Суть выявившихся разногласий заключалась в том, что китайское правительство, недовольное Ялтинскими решениями антифашистской коалиции союзников о сохранении "статус-кво" Монголии, то есть ее независимости, хотело на московских переговорах попытаться побудить СССР признать Внешнюю Монголию (МНР) китайской территорией. Эта сложная и деликатная миссия была возложена на Цзян Цзинго в его контактах со Сталиным.

Однако И.В.Сталин однозначно резко высказался за статус-кво МНР, сославшись на роль СССР в разгроме Японии и право советского правительства решать этот вопрос в интересах Монголии и Советского Союза.

14 августа 1945 г. советско-китайский договор был подписан. По этому документу и ряду приложений к нему СССР получил право совместно с Китаем пользоваться в течение 30 лет Китайско-Чанчуньской железной дорогой, военноморскими базами в Порт-Артуре и Дальнем.

Однако договор оказался недолговечным. В условиях обострения гражданской войны между КПК и Гоминьданом после 1945г. советское руководство сделало ставку на китайских коммунистов. В связи с этим, А.Г.Ларин пишет: "Решая вопрос, кому передать власть в Маньчжурии, Сталин сделал выбор в пользу коммунистов. Он руководствовался при этом, как представляется, не только идеологическими соображениями, но и также прагматическими интересами: он опасался, что если Маньчжурия окажется под контролем Гоминьдана, то рано или поздно туда придут США." (с.71)

Выводы А.Г.Ларина относительно геополитических расчетов Сталина представляются вполне обоснованными, так как в 1945 г. никто не мог точно предсказать по какому сценарию пойдут события в Китае, как будет складываться противоборство КПК и Гоминьдана. В Москве, в частности, не исключали, вариант создания на территориях Маньчжурии, Внутренней Монголии и Синьцзяна буферного государства во главе с КПК и под контролем СССР как противовеса гоминьдановскому Китаю, за спиной которого стояли США.

В декабре 1945 г. Чан Кайши вновь отправляет Цзян Цзинго в Москву для встречи со Сталиным. План Чана состоял в том, чтобы уговорить советского руководителя поддержать идею сосуществования двух партий (КПК и Гоминьдана) в системе государственной власти. "Чан Кайши,- считает А.Г.Ларин,- искренне хотел наладить сотрудничество с СССР и КПК и был действительно готов на крупные уступки и одним, и другим, с тем, чтобы сохранить власть Гоминьдана и в мирных условиях модернизировать китайское общество" (с.75). К этому следует добавить, что доводы Чана Кайши не убедили И.Сталина, который с января 1946 г. взял курс на более активную поддержку КПК, передав ей вооружения и военные базы в Маньчжурии.

Итог известен: поражение Гоминьдана в гражданской войне и бегство 10 декабря 1949 г. Чан Кайши и Цзян Цзинго из Чэнду на Тайвань. Годы гражданской войны 1946-1949 гг., отступления и потери как никогда сблизили отца и сына. Последний доказал свою преданность, в то время как многие старые соратники гоминьдановского лидера не прошли этого испытания, перейдя на сторону победившей КПК. Видимо, на этом этапе в душе Цзян Цзинго совершился окончательный поворот к жесткому антикоммунизму.

Тайваньскую жизнь Цзян Цзинго, исходя из трактовки автора книги, можно условно разделить на две фазы: 1) с 1949 до 1972 гг., когда он, идя по служебной лестнице, еще находился в тени своего отца - первого президента Тайваня Чан Кайши; 2) с 1972 по 1988 гг., когда он сам был президентом.

Первая фаза была ключевой не только в жизни Цзян Цзинго, но, естественно, прежде всего его отца, всего тайваньского общества. В эти годы в обстановке непримиримого противостояния с Пекином и всестороннего укрепления отношений союзничества с США были заложены основы реформ и будущего экономического чуда Тайваня в условиях жесткой антикоммунистической однопартийной диктатуры Гоминьдана и авторитарной власти Чан Кайши. Примечательно

одно высказывание Цзян Цзинго, приведенное в книге: "Однопартийная диктатура - это единственный способ правления в Азии...истина ясна: мы боремся против коммунизма во имя свободы. А с коммунистами можно бороться только такими способами". (с.107)

Вторая фаза жизни Цзян Цзинго - это, фактически, реализация стратегии Чан Кайши, приведшей к выходу Тайваня по многим экономическим показателям на передовые позиции в мире (ВВП на душу населения, объем валютных резервов, темпы роста, объемы внешней торговли и др.). В политическом плане также была проведена довольно радикальная реформа. Тайвань плавно, без переворотов и революций, двинулся по пути многопартийности и демократии. Незадолго до своей смерти, Цзян Цзинго дал сигнал к возобновлению контактов с материковым Китаем. Начиналась новая эра - но уже без Цзян Цзинго, скончавшимся 13 января 1988 г.

Бывший вице-президент Ли Дэньхуэй был назначен новым президентом Тайваня. Через два года в 1990 г. он одержал победу на президентских выборах. Новый лидер искал гибкие и адекватные ответы на вызовы 90-х годов. Тайвань, несмотря на свое официальное отсутствие в ООН, входит в различные международные организации, устанавливает дипломатические связи с рядом экономически слабых афро-азиатских стран, развивает отношения с материком путем обмена визитами родственников, почтово-телеграфных связей и т.п.

Наверное, если суммировать содержащиеся в книге А.Ларина жизнеописания Чан Кайши, Цзян Цзинго и Ли Дэньхуэй, ее можно было бы озаглавить "Три президента...", так как фактически она значительно шире заявленной темы. Хотя 80% материала в книге посвящены первым двум фигурам - Чан Кайши и Цзян Цзинго, и значительно меньше Ли Дэньхуэй.

Работа, бесспорно, удалась автору. Книга заслуживает высокой оценки и будет встречена с интересом широким читателям.

*С.Лузянин,
доктор исторических наук*

Переломов Л.С. Конфуций. Лунь юй.

Исследование, перевод с китайского, комментарий.

М., Восточная литература РАН, 1998. 588 с.

"Лунь юй" ("Суждения и беседы") - едва ли не самый известный памятник китайской мысли. В эту книгу последователи Конфуция (латинизированная форма от Кун Фу-цзы, 551-479 до н.э.), основоположника ведущего в традиционном Китае направления философии и идеологии, известного на Западе как конфуцианство, собрали высказывания Учителя. В нынешнюю эпоху сближения цивилизационного строя разных государств и народов китайская классика за рубежами Китая превращается во все более популярный источник философской и житейской мудрости. В том числе в копилку цитат, далеко не всегда верно используемых публичными деятелями и журналистами. Поэтому на переводчика "Лунь юя" ложится особая ответственность: через него великий Учитель китайской нации говорит с современной эпохой.

Этот текст переводится на русский язык с XVIII в. Почти все прежние переводы выполнены квалифицированными китаеведами, часто корифеями своего дела. И все же работа, представленная на суд читателя Л.С. Переломовым, далеко выходит из общего ряда. Ее значение вытекает уже из аннотации к книге: "Первое издание полного научного перевода "Лунь юя" на русский язык, основанного на критическом анализе предшествующих переводов на европейские, а также современные китайский, корейский и японский языки". Перевод сопровождается подробным комментарием и предваряется исследованием жизни и учения Конфуция, влияния его взглядов на духовную и политическую культуру стран Восточной Азии.

Обращает на себя внимание строгое соблюдение автором канонов отечественного востоковедения, сложившихся в XIX-XX столетиях. Прежде всего, предмет исследования рассматривается на фоне политико-экономических и социальных процессов в Китае эпохи Конфуция. Соответственно, рассуждения по поводу мотивов, которыми руководствовался древний мыслитель, опираются не на догадки и интуицию, что стало чуть ли не правилом в

"постмарксистский" период, а на учет конкретных социально- и культурно-психологических тенденций, обусловленных историческими реалиями.

В первой главе исследования - "Эпоха Конфуция" - автор описывает политико-экономическую и культурную ситуацию в Китае VI-V вв. до н.э. Он показывает, как развитие института частной собственности привело к росту могущества верхушки патриархальных общин и появлению на политической арене представителей незнатных патронимий. Именно в ту пору распространился институт страствующих ученых - *ши*, специалистов в области управления. Этим термином тогда обозначались выходцы из боковых, утративших влияние ветвей аристократических патронимий. В среде *ши*, к которой принадлежал Конфуций, и выработывались этико-политические концепции и принципы.

Один из фундаментальнейших принципов такого рода выражен категорией *хэ*, которая чаще всего переводится как "гармония". Л.С. Переломов останавливается на истории формирования этой категории. Он показывает, что первоначально *хэ* подразумевало взаимопреодоление противоположных космических начал - *инь* и *ян*, а со временем стало интерпретироваться, в частности, как "единство через разнообразие", в социальном контексте - "единение через разномыслие", противостоящее конформистскому "единению"-*тун*, "единообразию". Эта дихотомия сыграла значительную роль в учении Конфуция.

Другая отличительная черта исследования Л.С. Переломова, роднящая его с востоковедной классикой, - опора на изучение текстов памятников, точнее, на выявление смысловых нюансов этих текстов. Последнее предполагает скрупулезный учет имеющихся комментариев и толкований. Именно на этой основе во второй главе работы реконструируются биография и родословие Конфуция, осмыслиются становление его личности и формирование образа Учителя в китайской традиции.

После смерти отца Конфуция его молодая вдова осталась без поддержки с малолетним сыном на руках. Поэтому в юности он "освоил многие презренные занятия", к которым в те времена относили неквалифицированный физический труд. В то же время заботами матери он получил достойное воспитание, с детства проявлял интерес к нюансам ритуальных норм, регулировавших общественную жизнь, занимался самообразованием, осваивал "искусства", обязательные для высших слоев общества. Это позволило ему начать службу на незначительных должностях в аристократических домах родного царства Лу. Однако главной задачей *ши* была реализация своих способностей на государственной службе.

В 35 лет Конфуцию удалось попасть в свиту правителя царства Лу - Чжао-гуна. Увы, произошло это в тот период, когда Чжао-гун, проигравший в борьбе с аристократическими кланами, вынужден был бежать в царство Ци. Правитель этого царства уже готов был взять Конфуцию на службу. Но противодействие первого министра, легендарного Янь Ина, не желавшего возвышения чужака, и угроза жизни Конфуция со стороны некоторых местных сановников вынудила его в 37-летнем возрасте поспешно возвратиться в Лу. Примечательно, что Конфуций не замял обиды и продолжал высоко ценить Янь Ина за его умение завоевывать дружбу и уважение людей. Л.С. Переломов отмечает в этой связи, что именно Янь Ин наиболее последовательно отстаивал принцип *гэ* - "единения через разномыслие", который впоследствии нашел совершенное выражение в идейном наследии Конфуция.

В царстве Лу продолжалась междоусобица. Претенденты на власть пытались привлечь талантливого *ши* на свою сторону. Но, поскольку они, по словам великого китайского историка Сыма Цяня, "сошли с истинного Пути", Конфуций отверг все предложения и посвятил себя редактированию древней классики, а также занятиям с учениками. Занятия строились в форме свободного обсуждения предлагавшихся Учителем тем, круг которых охватывал проблемы этики, политики, правила поведения в семье и обществе, критерии ценности личности и т.п.

Л.С. Переломов показывает, как Конфуций, беря за основу нравственное развитие личности, раз за разом ставил своих учеников в ситуацию морального

выбора. Иногда он прибегал к столь неординарным воспитательным приемам, что они до сих пор ставят в тупик его почитателей. Так, он вдруг объявил, что принимает предложение о службе у некоего Гуншань Буню, пытавшегося узурпировать власть в царстве Лу. По мнению Л.С. Переломова, Конфуций лишь сделал вид, что готов принять приглашение мятежника, - и лишь один из учеников решился на то, чего ожидал Учитель: осудил его намерение. Таким образом Конфуций добивался воспитания внутренне целостной, нравственно независимой личности.

Только в возрасте 51 года Конфуций получил первую официальную должность в царстве Лу, став начальником уезда, а через год был назначен на одну из высших чиновничьих должностей - *да сыжоу*. В его ведении находились уголовные и политические преступления. Этот пост он занимал три года, фактически став политическим советником правителя. Он проявил себя ревнителем древних традиций, ритуала как стержня всей системы управления, умело отстаивал интересы центральной власти. В 56 лет Конфуций, по одной из версий, исполнял обязанности первого министра - *сяна*, по другим мнениям - лишь временно главенствовал на церемониях государственного значения.

Такого рода разночтения не маловажны. Они столетиями давали основания для политических заостренных интерпретаций. Так, по крайней мере с III в. до н.э. вошел в исторический оборот сюжет о казни Конфуцием некоего Шаочжэн Мао - "за то, что тот затеял смуту против правящих". Средневековые китайские историки-конфуцианцы отрицают причастности Конфуция - основоположника концепции правления на основе "гуманности", "человеколюбия" (*жэнь*) - к каким-либо казням. Эту позицию подкрепляет версия о том, что Конфуция не был первым министром и потому не мог предпринимать самочинных репрессий по отношению к сановникам-*дафу*. А в период "критики Линь Бяо и Конфуция" в КНР в начале 70-х годов XX в. Шаочжэн Мао был причислен инициаторами этой идеологической кампании к легистам - идейным противникам конфуцианства, которые становились жертвами репрессивных ретроградов. В книге подробно разбираются версии, касающиеся данного и других подобных сюжетов из жизнеописаний Конфуция.

Нарушение правителем Лу и его приближенными этико-ритуальных норм,

небрежение с их стороны государственными делами побудили Конфуция оставить службу и в сопровождении ближайших воспитанников отправиться в странствие по древнекитайским царствам. Он надеялся найти государя, способного понять и принять его идеалы истинного правления. Не раз его поначалу принимали с почестями, но зависть и клевета либо отказ от участия в несправедливых делах вновь обрекали его на полные лишения скитания. Подчас искренность и принципиальность Конфуция ставили под угрозу его жизнь. Многие его ученики стали занимать видные посты в различных царствах и добивались приглашения на службу для Учителя, но он неизменно отвергал любую возможность этического компромисса.

Только через 14 лет Конфуций был торжественно приглашен первым сановником царства Лу на родину. Хотя он получил почетный титул *го-лао* ("почтенный старец государства"), снова те, кто предложил ему вернуться, не смогли использовать дарования великой личности. Последние годы он провел в занятиях с учениками.

Конкретизация обстоятельств жизни Учителя не является для исследователя самоцелью. Она позволяет уточнить генезис его идей, смысл донесенных древними памятниками поступков и высказываний. В третьей главе, где материал расположен по рубрикам, фиксирующим основные аспекты учения Конфуция - его взгляды на человека, общество, государство и т.д., воззрения мыслителя по-прежнему анализируются на основе его слов и действий с учетом конкретных обстоятельств. Таким же образом исследуется содержание важнейших категорий учения Конфуция. Особое внимание Л.С. Переломов уделяет понятиям, вошедшим в оборот китайской культуры благодаря основоположнику конфуцианства: *жэнь* (в трактовке автора - "человеколюбие"), *цзюнь цзы* ("благородный муж"), *сяо жэнь* ("маленький человек") и другим.

Отмечая сочетание социального и этического смыслов в двух последних понятиях, Л.С. Переломов помимо традиционных критериев нормативной личности у Конфуция - "человеколюбие" и "культура"-*вэнь* - выделяет приверженность *цзюнь цзы* принципу *хэ* - "единство через разномыслие". Эгоистические ориентированный "маленький человек" как антипод *цзюнь цзы* следует противоположному принципу "единство через послушание" - *тун*, склонен к беспринципному соглаша-

тельству. С помощью образа *цзюнь цзы* Конфуций поднял значение бюрократии в системе управления и в обществе в целом, сделал ее толкователем и носителем этико-ритуальных "правил"-*ли*.

Автор подвергает анализу также целый ряд других примененных Конфуцием категорий философской и общественно-политической мысли, рассматривая их трактовки отечественными и зарубежными китаеведами.

В ряде случаев он отвергает сложившиеся авторитетные мнения относительно воззрений Конфуция. Так, Л.С. Переломов отрицает положения о пренебрежительном отношении мыслителя к физическому труду (с. 54-55, 191 и другие), к нравственным возможностям женщин (с. 157-158). При описании Конфуциевой модели государственного устройства он делает упор на требования нравственности в политике, на роли знания и образования как материальной силы, считая неправомерным долгое время доминировавший в нашем китаеведении акцент на жесткую социальную стратификацию как стержень политической доктрины Конфуция. Новизна трактовки этой доктрины Л.С. Переломовым не в последнюю очередь определяется тем, что он усматривает в ней положения о значительном месте земледельческой общины в системе государственного управления, о ее определенной автономии в решении вопросов внутренней жизни, о праве общинной верхушки на моральное верховенство, на определение нравственного состояния членов общины и регулирование морального климата в ней (с. 191-194). Автор доказывает, что предложенная Конфуцием социальная "система сдержек и противовесов" выступала в роли независимой судебной власти, своего рода "нравственной смазки" государственного механизма, функционального аналога системы разделения властей, которая по ряду причин не могла сложиться в Китае (с. 196-198).

Последняя глава исследования посвящена историческим судьбам учения Конфуция, его влиянию на становление духовной и политической культуры стран конфуцианского культурного региона. Автор полагает, что бюрократия ревизовала учение Конфуция, присвоив себе право на официальную интерпретацию его доктрины. Вследствие этого в конфуцианской культуре сосуществовали две модели личности: одна предложена самим Учителем, другая - его официальными интерпрета-

торами. Сохранению нравственных традиций конфуцианства во многом способствовала неофициальная комментаторская традиция. Конфуцианство универсализировало принцип "сыновней почтительности" (сяо), распространив его на все ступени социума и государства, сделало этико-ритуальные "правила"-ли признанной нормой жизни, дополняющей законодательное регулирование. Оно воспитывало и продолжает воспитывать сознание первоочередной значимости семьи и родственных отношений, коллективизма, образования и нравственного совершенствования.

В заключительных параграфах рассматриваются политические, идеологические и социально-экономические экспликации конфуцианства в XX в. Автор, в частности, освещает идейную подоплеку и перипетии кампании "критики Линь Бяо и Конфуция" в КНР в 70-е годы, рассматривает предложенную Дэн Сяопином в качестве программного ориентира для Китая версию общественной модели сяожан ("малого благоденствия"), апеллирующую к древней конфуцианской утопии. Отдельно показаны процесс складывания "конфуцианского капитализма" в странах Восточной Азии, разнообразие современных подходов к конфуцианству в государствах региона. Анализируя содержание апологетических выступлений на крупных международных конференциях, посвященных проблемам конфуцианства в современном мире, Л.С. Переломов с тревогой отмечает, что "тезис о гармоничности и толерантности конфуцианства вступает в опасное противоречие с тезисом о его превосходстве и всеобщей универсальности" (с. 278). Он убежден в необходимости нового критического понимания конфуцианской традиции, отличного как от антитрадиционализма, так и от чрезмерного культурно-цивилизационного оптимизма. Автор затрагивает также историю приобщения российской культуры к учению Конфуция. По убеждению Л.С. Переломова, знакомство России с конфу-

цианскими ценностями способно помочь ей как в возрождении собственных духовных традиций, так и в обретении собственной "ниши" в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Комментарий к переводу "Лунь юя" по сути является продолжением исследования. О скрупулезности переводчика свидетельствует уже такой факт: первый стих первой главы, занимающий в переводе три строки, снабжен комментарием на пяти с половиной страницах. Включение в книгу факсимильного издания памятника на китайском языке с комментариями основоположника неоконфуцианства Чжу Си (1130-1200) делают это издание ценным учебным пособием для молодых китаеведов.

Можно посоветовать на то, что Л.С. Переломов в своем видении "Лунь юя" и конфуцианства сосредотачивается почти исключительно на проблемах политической культуры. В результате "за кадром" остается немалая часть собственно антропологического пласта конфуцианского учения, а соответственно, и посвященные данной тематике теоретические разработки современных синологов. В ряде случаев это сказывается и на переводе: не интересующие исследователя философские понятия иногда просто теряются, становятся неузнаваемыми в тексте. Однако ученый имеет право на собственное видение предмета своих изысканий, а "Лунь юя", как подлинная классика, открывает возможность самых разных ракурсов исследования. Работа Л.С. Переломова заслуженно получила высокую оценку специалистов: в 2000 г. за эту книгу он был удостоен премии Президиума РАН им. академика Ольденбурга.

Представляется знаменательным, что книга Л.С. Переломова вышла незадолго до миллениума. Она фактически подвела итог целой эпохе в отечественном китаеведении, став последним в истекшем столетии русскоязычным изданием китайского классического памятника, отвечающим самым строгим критериям академичности.

© 2001

А. Юркевич,
кандидат исторических наук

Моисей Аронович Персиц (1914-2000)

Ушел из жизни Моисей Аронович Персиц, доктор исторических наук, один из крупнейших специалистов в области изучения восточной политики Коминтерна и революционного и национально-освободительного движения в Азии.

Моисей Аронович родился 1(14) октября 1914 г. в г.Курске. В 1939 г. с отличием закончил Московский институт истории, философии и литературы (МИФЛИ) по кафедре истории колониальных и зависимых стран. В 1939-1941 гг. работал в Саратовском педагогическом институте, а по совместительству - и на историческом факультете Саратовского государственного университета.

Участвовал в Великой Отечественной войне. За образцовое выполнение заданий командования был награжден тремя орденами, многими медалями и благодарностью Верховного Главнокомандующего.

После демобилизации он был принят в мае 1946 г. на работу в Госполитиздат, в редакцию Дипломатического словаря, где возглавил востоковедное направление. Им были подготовлены тридцать статей по различным проблемам советско-китайских, советско-иранских и российско-турецких отношений.

В 1956 г. Моисей Аронович перешел на работу в Институт востоковедения АН СССР и затем в Издательство восточной литературы, которое тогда только организовывалось. В издательстве он трудился почти десять лет, сначала в качестве заместителя главного редактора, а затем заведующего редакцией по литературе стран Дальнего Востока.

В этот период М.А.Персиц по-настоящему проявил и свои исследовательские способности. Получив одним из первых в условиях хрущевской "оттепели" доступ к наглухо закрытым прежде архивам КПСС и Коминтерна, причем не только центральным, но и региональным, он собрал огромный документальный материал по первым годам истории советско-китайских отношений и в 1962 г. опубликовал монографию "Дальневосточная Республика и Китай", которая в том же году была защищена автором как кандидатская диссертация.

В 1966 г. Моисей Аронович пришел на работу в только что созданный Институт международного рабочего движения АН СССР (с 1991 г. - Институт сравнительной политологии и проблем рабочего движения РАН), в котором трудился вплоть до выхода на пенсию в 1993 г. С этим переходом связан наиболее плодотворный этап научной деятельности М.А.Персица. Будучи руководителем межинститутской группы по исследованию послеоктябрьского революционного процесса на Востоке, он организовал издание и выступил в качестве одного из основных авторов серии коллективных работ, посвященных исследованию важнейших проблем истории и современного развития национально-освободительного движения восточных стран. Всего вышло шесть сборников общим объемом более 160 печатных листов. Среди них - широко известные, изданные двумя тиражами на русском и английском языках, "Коминтерн и Восток", "Коминтерн и Восток. Критика критики", "Революционная демократия и коммунисты Востока". В 1973 г. Моисей Аронович опубликовал новую монографию "Революционеры Индии в Стране Советов" (впоследствии она была переведена и издана на английском и четырех индийских языках). В 1977 г. на ее основе он защитил докторскую диссертацию.

Выйдя на пенсию, М.А.Персиц продолжал плодотворно работать, подготовив к публикации свою новую книгу "Застенчивая интервенция", воссоздающую объективную картину советского вооруженного вторжения в Иран и Среднюю Азию в 1920-1921 гг. Эта небольшая, но емкая и цельная книга выдержала три издания, в том числе на английском языке. Продолжая разработку темы, Моисей Аронович в последнее время готовил к изданию сборник архивных документов по проблемам, затронутым в книге "Застенчивая интервенция". Смерть прервала эту работу.

Человек высокой культуры, скромный, доброжелательный и вместе с тем одержимый страстью научного поиска - таким Моисей Аронович Персиц останется в нашей памяти.

Группа товарищей.

Поправка. В ПДВ № 1 за 2001 г. на стр. 149 во второй строке снизу вместо "рабочими войсками Кантона" следует читать "рабочими и войсками Кантона"

*Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.*

Сдано в набор 12.02.2001 г. Подписано к печати 14.03.2001 г. Формат бумаги 70x100 $\frac{1}{8}$
Офсетная печать. Усл.печл. 15,6. Усл. кр.-отг. 15,0 тыс. Уч.-издл. 14,5 Бум. л. 6,0
Тираж 944 экз. Зак. 4490.

Свидетельство о регистрации № 0110158 от 4 февраля 1993 года
в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32, тел. 124-09-02

Оригинал-макет © 2001 г. Дмитрий Славинский
Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6